

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

На правах рукописи

Другова Елена Анатольевна

РАЗВИТИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ИЗМЕРЕНИЯ ИННОВАТИКИ
КАК СПОСОБ ПРЕОДОЛЕНИЯ
ЕЕ ТЕХНОКРАТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ

24.00.01 – Теория и история культуры

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель
доктор социологических наук,
профессор Рыкун Артем Юрьевич

Томск – 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
1. Инноватика как новая область знания и практики.....	20
1.1. Парадигмальные рамки и дисциплинарный статус инноватики.....	20
1.2. Современные доминирующие контексты понимания инноваций как источник дефицитарности инновационного развития.....	52
1.3. Риски технократического развития: социокультурные вызовы.....	63
2. Потенциал развития социокультурного измерения инноватики в решении глобальных и локальных проблем инновационного развития.....	86
2.1. Перспективы инноватики в разрешении последствий и эффектов глобальных социокультурных трансформаций.....	86
2.2. Российский контекст: локализация социокультурных вызовов, обуславливающих эффективность инновационного развития.....	120
Заключение.....	156
Список использованной литературы.....	161

Введение

Актуальность темы исследования. Инновации в современном мире трансформируют экономическую, политическую, технологическую, а также социальную и культурную сферы жизнедеятельности, изменяют как жизнь каждого отдельного человека, так и всего общества в целом, ведут к качественным изменениям социокультурного пространства. Инноватика как новая междисциплинарная область знания, осмысляющая суть, роль, принципы и результаты инновационного развития сочетает как теоретические основы, так и методологию прогнозирования и создания инноваций, а также планирования и организации инновационной деятельности.

Инноватика подразумевает особое понимание природы нового. Новое понимается, прежде всего, как полезное. При этом полезность часто понимается достаточно утилитарно, в экономическом ключе, хотя идеология инноваций говорит об их полезности для всего человечества, для уравнивания возможностей всех людей планеты (например, в образовании, здравоохранении, доступе к информации), транслируя традиционные гуманистические идеалы и ценности. Далее, новое понимается как лучшее по сравнению со старым, новая версия всегда совершеннее предыдущей. Отсюда новое связывает настоящее и будущее, определяет более совершенный образ будущего. В целом это отражается в эволюционистских взглядах и технократическом оптимизме, вере в инновации как способ улучшить благосостояние человечества. Инновации мыслятся главными драйверами цивилизационного развития и связаны с постановкой и достижением конкретных целей. В соответствии с философией инноваций, нет предела совершенству, производимому руками человека – творца. При этом совершенствуется не только внешний окружающий человека мир, но и его тело, и заложенные в него природой качества и способности (перепрограммирование генов, устранение врожденных недугов, усиление когнитивных и физических способностей, значительный рост продолжительности жизни). Человек и

окружающая его среда в инновационной реальности представляют собой естественно-искусственные проектируемые объекты.

Однако, поскольку современный инновационный дискурс по большей части характеризуется прагматичностью, технологичностью и утилитарностью, являясь прямым следствием и продолжением техногенного способа жизни, технократических ценностей (В. С. Степин, В. Г. Горохов, Н. И. Лапин, Н. В. Попкова, Т. А. Мазаева), все более остро встают вопросы о человеческом измерении инновационных преобразований, об их социальной, культурной, психологической, этической, философской стороне (Ш. Таркл, В. А. Лекторский и др.), не находящие пока своего места в инновационном дискурсе. Эти вопросы проблематизируют технократическую ориентацию инноватики и касаются стремительных, порой непредсказуемых и не всегда желательных социокультурных трансформаций, порождаемых техническими инновациями. Трансформация жизненных миров, изменение привычек и повседневных практик, новое отношение к памяти и необходимость постоянного обновления, самоизобретения, растущий запрос на креативность, порождаемые современными инновационными технологиями, востребуют определенные личностные черты и стратегии поведения, составляющие современную инновационную культуру. В условиях перехода к третьей и четвертой технологической революции (Дж. Рифкин, К. Шваб, П. Г. Щедровицкий) инновации создают для социума вызовы в самых разных областях, например, в области трудовых отношений (высвобождение массы трудовых ресурсов; продление срока эффективной трудовой жизни), в образовании (кардинальная смена понимания образовательных результатов), в демографической политике (увеличение продолжительности жизни).

Можно утверждать, что сегодня со всей очевидностью обозначилось противоречие между тем, что, с одной стороны, инновационность выражает специфику конструирования и развития современной социальной онтологии, но, с другой стороны, за декларируемым стремлением к устойчивому развитию все более явно проглядывают «рисковые риски» (Э. Гидденс) и непредсказуемые

эффекты. Инновация взорвала традицию как то, что обеспечивало стабильность развития социальности: если раньше традиция обеспечивала сохранность культурных доминант, социальную целостность и устойчивость, предсказуемость и прозрачность будущего состояния общества, то инновация внесла постоянную динамику, постоянный переход в новое состояние, отсутствие линейности и линейной предсказуемости и прогнозируемости векторов развития. Взамен однонаправленности пришли беспорядочные, одновременно и свободно реализующиеся разнонаправленности. Любые социокультурные доминанты в результате работы инноваций нивелируются, постоянно порождая новые состояния социальности (Г. И. Петрова).

Нельзя не признать и то, что инновационный тип развития, при котором ведущую роль играет наука, несет с собой угрозы для человеческой жизни и цивилизации. Наука сегодня уже не рассматривается априори в гуманистическом ключе и фокусе. Об этом свидетельствуют новые виды оружия, новые, далеко не всегда безопасные открытия в медицине, угрозы, несущие собой развитие искусственного интеллекта, и пр. Потенциальное значительное продление жизни человека, возможность редактировать геном эмбрионов, перевод социальной коммуникации в мир технических устройств, помимо явных преимуществ несут массу менее явных эффектов и порождают этические дилеммы. В условиях разворачивания третьей промышленной революции масштабы и глубина искусственных преобразований природы возросли до такого критического уровня, когда естественная способность к саморегуляции и самоорганизации теряется и цивилизации угрожают экологические и антропогенные катастрофы небывалых масштабов. Все это вызывает разноплановую критику современной цивилизации, процессов глобализации, виртуализации и симуляции социокультурной реальности, унификации культурного пространства, сегментации и дробления обществ.

При этом не признавать или отказаться от инновационности социального развития сегодня невозможно. Именно поэтому требуется социокультурная рефлексия следствий такого типа движения, когда оно приобретает характер

культурной бездоминантности, разновекторности, калейдоскопичности. В настоящее время все более осознается дефицитарный характер инноватики в ее технократичной форме существования, ищутся подходы обогащения ее социокультурным содержанием.

Так, на практике необходимость внесения социокультурного измерения обсуждается мировым научным сообществом как необходимая перспектива для развития НБИК-технологий с превращением их в НБИКС-технологии (В. А. Лекторский, И. В. Черникова, В. С. Стёпин, В. Е. Лепский). Изнутри теории инноваций также все чаще звучит запрос на более тесную интеграцию социогуманитарного знания: «тройную спираль инноваций», включающую государство, бизнес и образование, предлагается дополнить четвертой составляющей – обществом (Е. Караянис, Е. Григорудис), а также все чаще звучит запрос на разработку новых методов, способных охватить «невидимые инновации», происходящие не на рынках, но в социуме и культуре и не схватываемые пока существующими инструментами измерения инноваций (Б. Р. Мартин). Эти и другие примеры показывают, что это взаимное движение уже началось, хоть и находится еще лишь в начале.

Таким образом, с одной стороны, инновации призваны служить способом разрешения социальных проблем. С другой стороны, – сами порождают нестабильность, сложно предсказуемые последствия и риски, связанные с возросшей скоростью изменений, ростом стрессов, зависимостей, адаптационными срывами, информационной усталостью, что ведет к росту алармистских настроений, мнений о суицидальном поведении человечества, о глобальной антропологической катастрофе. Без преодоления дефицита в перспективных, гуманитарно насыщенных и культурно-антропологически ориентированных инновационных путях развития, человечество может встретиться с непреодолимыми трудностями. Обозначенное противоречие определяет проблемную область данного исследования. При этом инноватика, развивающаяся как междисциплинарное направление, все еще находится на этапе своего оформления, что приводит к трудностям в отношении ее философской рефлексии.

Можно констатировать, что гуманитарное, культурное осмысление инновационных трансформаций сегодня находится в дефиците, количество таких исследований невелико, а по сравнению с количеством работ, осмысляющих инновационность из фокуса технологического предпринимательства, несоизмеримо мало. Это конкретизирует проблему исследования, которая, в силу констатации дефицита социокультурного измерения инноватики, связана с необходимостью разработки и обоснования человекообразных возможностей, заложенных в инновационных процессах в явных и латентных формах и, соответственно, раскрытия её перспектив развития не только в производственно-технологическом, но и в гуманитарном направлении.

Степень разработанности темы. В ходе проведенного исследования было изучено значительное количество отечественных и зарубежных источников. Экономическое обоснование инновационных процессов реализовали В. Зомбарт, Н. Кондратьев, Й. Шумпетер, А. Кляйнкнехт, Г. Менш, У. Ростоу, Дж. ван Дейн, Ц. Грилихес и др. Исследование роли технологических систем в теории инновационных процессов реализовали К. Фримен, Дж. Кларк, Л. Суйте, С. Ю. Глазьев. Основоположниками теории национальных инновационных систем стали К. Фримен, Б.-А. Люндвалль и Р. Нельсон. Вклад в развитие инновационного менеджмента внесли Й. Шумпетер, Б. Твисс, Р. Фостер, М. Портер, Р. Коуз, И. Ансофф, Дж. Грейсон др. Практический вклад в сферу планирования инновационной деятельности внесен такими исследователями, как Р. Е. Альбрайт, Дж. Ф. Коутс, Д. Морита, М. Радноз, Г. Хартманн, Р. Фаал, Л. С. Эдельхайдт.

При переходе к осмыслению инновационных процессов в аспекте их социокультурной рефлексии большую роль сыграли теории общественной эволюции, прогресса, постиндустриального общества (Д. Белл, Э. Тоффлер, Ф. Фукуяма, М. Кастельс и др.) и описание постмодернистского этапа социального развития (С. Лэш и С. Крук). Важную роль для решения поставленной в диссертации проблемы сыграли идеи модернизации и постмодернизации Р. Ингледарта, идеи информационного общества Н. Лумана, Ю. Хабермаса,

Д. Белла, А. Турена, М. Кастельса, концепция "текущей современности" З. Баумана, теория «пределов роста» Д. Медоуз, представления об инновациях и институтах обновления М. К. Петрова, В. С. Игнатовой, социокультурное понимание инноваций П. Сорокина, включающее динамику научных открытий и изобретений, культуру и искусство, политические и социальные отношения.

Влияние технологий и их социокультурных последствий обсуждалось в рамках философии техники такими авторами, как Э. Капп, П. Энгельмайер, Х. Ортега-и-Гассет, Л. Мэмфорд, Г. Горохов, В.В. Чешев, В.М. Розин, В.С. Степин. Антисциентистские позиции высказываются М. Хайдеггером, Г. Маркузе, Ж. Бодрийяром. Трансформацией человеческой природы, локальных социумов и мирового сообщества под воздействием инновационных технологий озабочены Ф. Фукуяма, У. Бек, Г. Леманн, Э. Гидденс. Формирование homo innovaticus как инновационного типа личности описывается Р. Р. Белялетдиновым, Э. В. Галажинским, О. А. Донских, В. Е. Ключко, С. А. Смирновым, Э. Хагеном, П. Штомпкой, Б. Г. Юдиным и др., в том числе в футуристическом, трансгуманистическом ключе (Р. Курцвейл). Доминирование социокультурных инноваций над технологическими обосновывается Ю. М. Лотманом, Э. В. Осиповой; культурные инновации исследуются Л. Уайтом, Б. Малиновским, Ф. Гребнером, В. Шмидтом, Ф. Боасом, М. Мид, С. А. Арутюновым. Динамику традиций и инноваций, трансформацию культурных норм исследуют Э. Гидденс, Э.С. Маркарян, Л.М. Мосолова, А.Я. Флиер, В. М. Межуев, Е. Н. Гусева, Ю. Н. Солонин, А.С. Кармин, С.Н. Иконникова, Н.М. Дорошенко, Г. Н. Волкова, И. Т. Фролова.

Философию техносферы и антропологическое измерение техногенной цивилизации изучают Н. В. Попкова, Е. А. Дергачева, А. В. Григорьев, Д. И. Кузнецов и др. Социокультурные факторы инноваций исследуют Н. И. Лапин, Б. Ф. Усманов, С. Е. Крючкова, Т. А. Мазаева, А. В. Луков, В. Е. Лепский. В рамках социокультурной методологии проблема инноваций рассматривается Э. Гидденсом, Т. А. Мазаевой, А. С. Панариным, А. В. Теркиной, Е. А. Маляновым, Ю. Чернявской, В. Г. Федотовой, Т. Г. Лешкевич. Инновационное общество как

общество риска описывают У. Бек, М. Дуглас, А. Вильдавски, Э. Гидденс, В. Б. Устьянцев, С. Г. Кара-Мурза, концепции информационного и компьютерного общества представляют М. Кастельс, Й. Масуда, Дж. Нэйсбит. В дискурсе глобализма проблема инноваций представлена в работах З. Баумана, Дж. Арнет, А. Печчеи. Проблему скорости социальных изменений исследуют Д. Льюис, А. С. Кравченко, А. И. Неклесса, Ш. Таркл, В. Кутырев. Во всех поднимаемых проблемах авторы, авторы указывают на гуманитарную роль социокультурного подхода к исследованию инноваций.

Идеи социальной, культурной, гуманитарной этической экспертизы разрабатываются такими авторами, как В. А. Луков, Б. Г. Юдин, И. И. Ашмарин, Л. Г. Ионин, Г. Л. Тульчинский, В. Г. Федотова, Г. А. Прокопчук и др. Идею социокультурной оценки техники разрабатывает отечественный исследователь В. Г. Горохов. Сложившееся технико-экономическое понимание инноваций оспаривают и дополняют социальным, культурным, гуманитарным содержанием В. Ж. Келле, С. Е. Крючкова, Е. Н. Князева, Т. А. Мазаева. В работах В. А. Александрова, А. Г. Фонотова, Е. К. Краснухиной, Н. И. Лапина, В. А. Лукова, В. Л. Макарова, А. И. Пригожина, Б. Ф. Усманова рассматриваются социокультурные аспекты инноваций, прикладные проблемы освоения нововведений и поведения человека в инновационной среде. Проблему диалектической взаимосвязи естественного и искусственного в обществе и культуре рассматривают В. М. Розин, Г. П. Щедровицкий, В. А. Кутырев. Продуктивную силу искусства и культуры, эстетического опыта описывают Ю. Хабермас, Т. Адорно, М. Хоркхаймер. Проблемы личностной идентичности в мире высоких технологий затрагивают М. Фуко, Л. Альтюссер, Ж. Бодрийяр, Д. Хэрэвей, Ж.-Ф. Лиотар, Ю. Хабермас, Г. Бёме.

Влияние исторических и социокультурных условий на эффективность инновационных решений исследовали А. Инкелес, Д. Левинсон, В. Лопатин и др., отставание социокультурной модернизации в России и социогуманитарные условия инновационной модернизации обсуждают О. А. Донских, П. Г. Щедровицкий, Е. А. Клочихин, М. Ядова, В. Г. Федотова. Проблему дефицита

национальных инновационных ценностей исследуют Н. М. Лебедева, Е. Г. Ясин, С. Гуриев, О. Цывинский, А. А. Аузан, А. В. Буздалин.

Изученная литература демонстрирует растущий исследовательский интерес к социокультурной проблематике в развитии современной теории инноваций, однако, во-первых, фиксирует дефицит попыток философской рефлексии инноватики в целом, а во-вторых, позволяет сделать вывод о недостаточности разработок, направленных на изучение роли социокультурных факторов в инновационных процессах. Это делает необходимой постановку данной проблемы для исследования.

Объектом исследования является инноватика как становящаяся междисциплинарная область знания и практики.

Предметом исследования выступает социокультурное измерение инноватики на современном этапе ее развития.

Цель работы – выявить роль социокультурного измерения инноватики как способа отрицания возможных технократических последствий инновационных процессов в практике их воплощения в жизнь.

Поставленная цель конкретизируется и достигается через решение следующих взаимосвязанных **задач исследования**:

1. На основании анализа существующей исследовательской литературы установить доминирующие контексты понимания инноваций в рамках инноватики как теории и практики, чтобы выявить истоки и основания трудностей ее развития на современном этапе.

2. Выявить и систематизировать как эксплицитные, так и латентные, потенциально перспективные, сферы социокультурного измерения инноватики, призванные расширить ее предметное и проблемное поля и переосмыслить области ее практического применения.

3. Определить роль и значение социокультурного подхода при анализе долгосрочных последствий и эффектов инновационной деятельности, выявить наиболее актуальные сферы дефицитарности социокультурного измерения, а также перспективные направления его развития.

4. Эксплицировать социокультурные вызовы, влияющие на эффективность инновационной траектории развития в российском контексте.

Теоретико-методологические основания исследования.

Основополагающим теоретико-методологическим основанием работы выступил междисциплинарный подход, разработанный в работах И. Т. Касавина, А. Н. Книгина, В. С. Стёпина. Междисциплинарность, с одной стороны, отвечает внутренней логике развития науки инноватики и запросам социальной практики, и, с другой, – предполагает переход от механического объединения знаний, полученных в различных дисциплинах, как это происходит на первых этапах формирования нового научного направления в постнеклассической парадигме науки, к выходу на более высокий рефлексивный научный уровень. Решить эту дилемму помогает социокультурный подход. Для исследования значимы такие аспекты междисциплинарного подхода, как внимание к социально-ориентированному характеру научной кооперации, учёт роли прикладного контекста, осознание коммуникативной природы научных результатов (И. Т. Касавин), создание теоретического поля, «покрывающего» пространство «между» дисциплинами. Междисциплинарность также предполагает продуктивное разнообразие языков различных научных дисциплин (А. Н. Книгин) и проблемно-ориентированную форму исследовательской деятельности (В. С. Степин). Междисциплинарный подход применен для определения природы инновационной деятельности, выявления дефицита доминирующих контекстов понимания инноваций (управленческого, экономического, научно-технологического) и поиска оснований более тесной интеграции в них социокультурного содержания.

В рамках данного подхода инноватика рассматривается как новая область знания и практики (основанием здесь выступает исследование Я. Фагерберга и Б. Фершпагена), перспективы развития которой предполагают при решении конкретных проблем и задач соединение знаний и методов из разных областей наук, а также из областей практики, анализ роста социальной ответственности при производстве инноваций, сценирование и прогнозирование их последствий. Исследование также опирается на идеи М. Гиббонса, Х. Навотны, Б. Николеску о

«втором типе» производства знания, подразумевающим организационное многообразие форм производства знания, продуцирование знания в контексте его практических приложений, социальную ответственность и рефлексию субъектов, вовлеченных в производство нового знания, гуманитарную оценку и контроль качества инновационных процессов, их результатов и эффектов.

Исследование последствий и эффектов инновационной деятельности проводилось с использованием аспектов теории риска У. Бека, где производство рисков рассматривается как повсеместно расширяющийся процесс, хотя и сопутствующий модернизации, но угрожающий фундаментальным основам рационального поведения общества, в связи с непредвидимыми (негативными) последствиями модернизации. Диссертационное исследование также опирается на идею рефлексивного модерна (Э. Гидденс, Г. Леманн), подразумевающую способность общества размышлять об условиях своего существования и путях развития, в том числе о путях технологического развития и сопутствующих им социальных трансформациях, в частности гуманизации технологий. Представление о крайнем динамизме, неимоверно возросшей скорости изменений всех процессов в обществе основывается на идеях Э. Гидденса об «ускользающем» мире, что выражается в темпах изменений в социальных практиках и образцах поведения людей.

Исследование социокультурной стороны инноваций опиралось на работы таких авторов, как Дж. Стилгой, Р. Оуэн, анализирующих последствия инноваций в социальной и этической сфере через четыре измерения: предвидение, рефлексивность, включение и ответная реакция; М.К. Петрова и идею институтов обновления, сочетающих материальную и ценностно-духовную составляющие; М. Кастельса и идеи социокультурного прогнозирования в рамках новой эпохи информационного общества; Э. Гидденса, Т. Г. Лешкевич, А. С. Панарина, трактующих инновации как противоречие, соперничество и разрушение традиции; Н. И. Лапина, развивающего концепцию интегрированной модернизации, включающей, помимо индустриального и информационного, социальное и человеческое измерение; А. И. Пригожина, подчеркивающего роль

инноватики как организации и технологии включения запланированных новшеств в социум; Т. А. Мазаевой, связывающей решение проблем инновации с развитием социокультурной методологии, нацеленной на соединение личностного, историко-культурного и теоретически-обществоведческого материала.

Исследование условий эффективности инновационной траектории развития российского общества опиралось на работы А. А. Аузана, И. Д. Дежиной, Е. Г. Ясина, направленные на анализ существующих инновационных институтов и связей в инновационной системе, поиске эффективных моделей модернизации и новых инструментов инновационного развития.

Научная новизна исследования. Научная новизна диссертации состоит в следующем:

1. Выявлены социально-культурные рамки формирования инноватики, определяющие существующие тупики в ее развитии как теории и как практики; показано, что они обусловлены дефицитом социокультурного содержания инноватики.

2. На основании степени интегрированности социокультурного подхода в инновационный дискурс разработано представление о «социокультурном измерении инноватики», предложена систематизация перспективных сфер социогуманитарного знания, в рамках которой, а) выявлено актуальное социокультурное содержание инноватики; б) обозначены области социогуманитарного знания, развивающиеся во взаимосвязи с теорией инноваций и способные обогатить инноватику как теорию и практику в перспективе развития; в) установлено латентное, потенциальное социокультурное содержание инноватики, на сегодняшний день мало интегрированное в инновационный дискурс, но имеющее серьезные перспективы по изменению статуса и содержания инноватики как науки и практики в будущем.

3. В контексте анализа долгосрочных последствий и эффектов инновационной деятельности выявлены основные сферы ее социокультурной дефицитарности, а также ресурсные составляющие теории культуры, способные обогатить

социокультурное измерение инноватики в решении локальных и глобальных социокультурных вызовов.

4. Выявлены социокультурные дефициты, снижающие эффективность инновационного развития в российском обществе, и определяющие тем самым запрос на разработку инструментов, усиливающих социокультурное направление в рамках инновационного подхода.

Положения, выносимые на защиту:

1. Философские предпосылки, заложенные в инноватику в период ее становления (середина XX века), такие как прогрессизм, рационализм, прагматизм, эмпиризм, технократизм, сциентизм, в гносеологическом и культурологическом аспектах определившие игнорирование социокультурного аспекта инноваций, все более вступают в противоречие с целями и задачами инноватики как безусловного источника социальных благ. Слабая разработанность социокультурного измерения инноваций все чаще порождает непредсказуемые и неуправляемые прямые и косвенные негативные социокультурные эффекты, усиливая этим социальную напряженность.

2. Инноватика имеет мощный потенциал для обеспечения устойчивого развития, условием реализации которого является восполнение ее социокультурной дефицитарности. Систематизация социокультурного измерения на основании степени его интегрированности в инновационный дискурс включает в себя: а) актуальное разработанное социокультурное содержание инноватики, к которому относятся, прежде всего, социо-экономические аспекты инноваций (влияние инноваций на динамику занятости, вопросы инновационного предпринимательства и качеств предпринимателя, концепция «социальной способности» в рамках теории национальных инновационных систем); б) самостоятельные области социогуманитарного знания, развивающиеся во взаимосвязи с теорией инноваций (связь инноваций с процессами общественного воспроизводства; концепции инновационного общества; вопросы возникновения и распространения культурных нововведений; разработки в области психологии и социологии инноваций); в) латентное, потенциальное социокультурное

содержание инноватики, на сегодняшний день мало интегрированное в инновационный дискурс. Методологическими источниками такой интеграции должны стать философия и социология техники, представления о социотехнических системах, исследования общества риска, этические аспекты внедрения новых технологий, STS (наука и технологии в обществе).

3. Ключевые сферы дефицитарности социокультурного измерения для инноватики на современном этапе ее развития связаны, во-первых, с дефицитом социокультурного предвидения и прогнозирования, предполагающего получение комплексных оценок будущего различными методами, такими как экстраполяция, прогноз, теория вероятностей, форсайт. Во-вторых, с невниманием к социокультурному сценированию и экспертизе, предполагающему исследование социокультурных эффектов от внедрения технологических инноваций в средне- и долгосрочной перспективе и повышение контроля над социокультурными эффектами технических инноваций. В-третьих, с неразработанностью релевантной теории управления социокультурным развитием, предполагающей предвидение рисков, определение их вероятных размеров и последствий, разработку и реализацию мероприятий по предотвращению или минимизации связанных с ними потерь, а также определение субъектов ответственности и процедур выработки и согласования новых социокультурных норм в порождаемой инновациями новой социокультурной реальности. В-четвертых, с неразвитостью социальных технологий и инноваций, способствующих социальной адаптации и координации инноваций в социуме. Ресурсной для развития социокультурного измерения инноватики составляющей теории культуры с точки зрения границ инновизации и способности общества адаптироваться к меняющимся условиям выступают представления о балансе обновления, креативности, хаоса и стабильности, ритуала, нормирования, традиционализации; представления о социокультурных институтах обновления. Перечисленные сферы внимания призваны углубить социокультурное измерение инноватики, реализуя прогностическую и адаптационную функции культуры.

4. Что касается трудностей, препятствующих эффективности инновационного развития России, то, наряду с общеизвестными технологическими и экономическими факторами, привлекающими доминантное внимание, к определяющим российским социокультурным дефицитам следует также отнести: а) ярко выраженное технократическое представление об инновациях, б) отсутствие транслируемого в инновационной политике на фундаментальном уровне образа инновационной личности, соответствующей новой (постиндустриальной, инновационной) формации, в) противоречащие инновационной логике развития социокультурные и ценностные характеристики российского общества, государственный патернализм и идеологизированность инновационного дискурса. Перечисленные дефициты определяют активную повестку для исследования социокультурного измерения инноватики в России в ближайшем будущем, как в ее теоретическом, так и в организационно-прикладном аспектах.

Теоретическая и практическая значимость работы. Внесение нового гуманитарного знания, более широкая трактовка инноватики и открытая социокультурная проблематизация инновационного типа развития могут не только внести свой вклад в развитие инноватики как науки и разрешить часть ее методологических трудностей, но и существенно изменить инновационную практику, значительно расширить ее горизонты, способствовать появлению новых объектов управления, новых критериев эффективности инновационной деятельности и новых параметров для оценки успешности и рисков инновационных проектов.

В частности, материалы диссертации могут найти применение:

- в теоретических разработках философских, социологических, культурологических проблем по инноватике, инновационному развитию и инновационному образованию;
- в аналитических работах по социокультурному прогнозированию и сценированию инновационных процессов;

- в практике управления инновационными процессами при внедрении риск-анализа в методологию инновационной деятельности, составлении карт гуманитарных рисков;

- в концептуальных поисках и оформлении специфической российской школы управления инновациями.

Проведенный социально-философский анализ инноватики может стать базой для обновления существующих и создания новых университетских учебных курсов по темам «Инновация как социальный механизм развития общества», «Формирование инновационной культуры в постиндустриальном обществе», «Социокультурное измерение инноватики», «Инновационный менеджмент» в рамках программ подготовки бакалавров и магистров по таким направлениям, как «Инноватика» и «Менеджмент».

Степень достоверности результатов исследования. Достоверность результатов диссертационного исследования базируется на всестороннем анализе выполненных ранее научно-исследовательских работ по предмету исследования, применении в исследовании апробированного и состоятельного научно-методического аппарата, соответствующего поставленным в работе целям и задачам. Научные положения, выводы и рекомендации, сформулированные в диссертации, получены на основе социокультурного подхода, выражающего единство и взаимосвязь трех компонентов социального познания – социально-философского, социологического и антропологического, обеспечившего междисциплинарность исследования, применения методов анализа и синтеза в доказательстве выдвигаемых положений.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования прошли экспертизу высококвалифицированных специалистов на международных и всероссийских научно-практических конференциях:

1. «Научная дискуссия: инновации в современном мире»: VIII международная научно-практическая конференция (Москва, Международный центр науки и образования, 15 января 2013 г.).

2. «Инновации в науке»: XVI международная научно-практическая конференция (Новосибирск, СибАК, 28 января 2013 г.).

3. «Актуальные проблемы современного общества: вопросы социологии, политологии, философии, истории»: международная научно-практическая конференция (Новосибирск, СибАК, 17 декабря 2012 г.).

4. «Управление инновациями: теория, методология, практика»: III Международная научно-практическая конференция (Новосибирск, НГТУ, 31 декабря 2012 г.)

5. «Современные проблемы методологии и инновационной деятельности»: III Всероссийская научно-практическая конференция учёных, аспирантов, специалистов и студентов (Новокузнецк, филиал КузГТУ в г. Новокузнецке, 2012 г.)

6. «Современное образование: проблемы и перспективы в условиях перехода к новой концепции образования»: международная научно-методическая конференция (Томск, Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, 2009 г.)

7. «Гуманитарное образование в сибирских вузах: университетские нормы и жизненные шансы»: всероссийская научно-исследовательская конференция (Иркутск, ЦНСИО, ИГУ, 2009 г.)

8. «Современное образование: вызовам времени – новые подходы»: международная научно-методическая конференция (Томск, Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, 2008 г.)

Положения работы также обсуждались на дискуссионных площадках ряда инновационных форумов:

1. XIV Томский инновационный форум INNOVUS – 2011 (Томск, 2011 г.)

2. XI Томский инновационный форум с международным участием (Томск, 2008 г.)

Положения работы также апробировались в научных и исследовательских школах:

1. Летняя школа исследований науки и техники «STS за семь дней» (Научно-образовательный центр «Социально-политические исследования технологий», Томск, 9 - 17 сентября 2013 г.)

2. Школа-семинар «Гуманитарное знание и гуманитарные инновационные практики в современном образовании» (Томск, ТГУ, 31 мая - 1 июня 2007 г.).

Победы в конкурсах Положения работы также прошли апробацию через успешное участие автора в ряде конкурсов исследовательских работ:

1. Теоретические положения работы были положены в основу эссе «Номо innovaticus: парадоксы и противоречия инновационного антропологического проекта», которое по результатам конкурса научных работ среди аспирантов и преподавателей, проведенного Научно-образовательным центром «Социально-политические исследования технологий» (март 2013 г.) заняло второе место.

2. Теоретические положения работы прошли апробацию в конкурсе молодежных аналитических групп в рамках программы XIV Томского инновационного форума «Инновационная Россия – 2020: Как запустить экономику знаний?» (май 2011 г.). Написанный по результатам аналитический доклад «Специфика российского инновационного дискурса и место в нем социогуманитарной проблематики» занял в конкурсе первое место.

Публикации по теме диссертации. Основные теоретические положения и выводы исследования, а также его промежуточные и конечные результаты нашли отражение в 8 опубликованных работах, в том числе в 3 статьях в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, и в 5 статьях в сборниках материалов международных и всероссийской научно-практических конференций.

1. Инноватика как новая область знания и практики

1.1. Парадигмальные рамки и дисциплинарный статус инноватики

Современный мир характеризуется повсеместной нарастающей инноватизацией. Инновационный научно-технологический бум несет с собой постоянные перемены, которые становятся нормой жизни. Эти перемены касаются образа жизни, мышления, повседневных практик людей. Сегодня часто обсуждаются те позитивные изменения, которые несут нам современные инновации. Например, современные нано- и биотехнологии направлены на улучшение здоровья человека и увеличение продолжительности его жизни, информационные технологии повышают социальную связанность людей, способствуют интенсификации коммуникаций, делают доступным для любого пользователя огромное количество информации, способствуют общему росту образованности. Но за бурными изменениями не могут не обнаружиться определенные риски, которые необходимо отслеживать и анализировать. Как именно меняется человек? Что происходит с памятью, временем, повседневностью, личным бытовым общением в ситуациях физического соприутствия, повседневными практиками человека? Планы по инновационному научно-технологическому развитию описывают будущее на 25 – 50 лет вперед. Но имеется ли управленческий ресурс для предвидения и управления мощными социокультурными последствиями инновационных преобразований? Инноватика как теория управляемого опережающего научно-технического развития развивалась преимущественно в трех контекстах: экономическом, управленческом и научно-техническом. Социокультурная составляющая пока отстает в своей рефлексии от происходящих с человеком и обществом изменений, поэтому гораздо реже попадает в непосредственное управленческое поле задач инновационного развития. Вместе с тем, актуальность работы с социальными и культурными нормами, актуальность социокультурного сценирования и прогнозирования, актуальность социальной оценки техники, с ростом темпов инновационных

преобразований также возрастает. «Человек инновационный», непосредственно вписанный в инновационную производственную цепочку, становится дефицитным ресурсом, и встает задача осмысления его сущностных черт, возможных противоречий и соответствующих управленческих вызовов.

Таким образом, можно утверждать, что на сегодняшний день инноватика мало интегрирована в философский дискурс. Поскольку инновационные преобразования масштабны и имеют значительное влияние на многие сферы жизни, как частной, так и общественной, то такое положение представляет опасность серьезной редукции в осмыслении роли инновационных преобразований. Поэтому видится актуальной задача философской рефлексии инноватики, взаимоотношения человека и технологий в процессе производства технологических инноваций, а также изучение роли социокультурных факторов, способствующих или препятствующих этому, сопровождающих внедрение, развитие и сворачивание новых технологий. Функциональный аспект философского знания выводит нас на его методологические, мировоззренческие, аксиологические и иные приложения. Выявлению оснований формирования инноватики, а также определению обусловленных ими преимуществ и дефицитов становящейся формы знания и практики посвящена первая глава данной работы.

Для этого в первом параграфе поставлена задача выявить те парадигмальные рамки, в которых складывалась инноватика как новая область знания и практики, и на этом основании определить ее современный характер и дисциплинарный статус. С этой целью мы описываем этапы становления инноватики, фиксируем те предметные области, которые наиболее значимым образом повлияли на процесс осмысления инноваций, выявляем основные обсуждаемые вопросы и проблемы, сформировавшие современное состояние теории инноваций. Также мы рассмотрим инноватику как становящуюся сферу знания, новую формирующуюся дисциплину, охарактеризуем ее ключевые признаки, потенциальные возможности и направления развития, в частности возможность ее представления как систематической формы знания, а также методологические особенности и трудности, возникающие на этом пути.

Термин «инновация» (от англ. innovation) появился еще в XIX в. и изначально имел культурологический смысл, обозначая изменения в культуре. В Толковом словаре В. Даля слово «новшество» определяется как «введение новизны, новых обычаев, порядков»¹. Однако затем этот термин был заимствован экономикой, и сегодня считается, что истоки инноватики как особой области знания и практики лежат в экономической науке. Рассмотрим генезис экономических идей, ставших фундаментом для инноватики.

В экономике начала XX века появился ряд значимых работ, обосновывающих необходимость постоянных радикальных нововведений, которые позже были названы инновационным предпринимательством. Так, в 1909 г. В. Зомбарт в статье «Капиталистический предприниматель» представил концепцию предпринимателя как инноватора, где он делал вывод о том, что основная функция предпринимателя состоит в том, чтобы ради извлечения прибыли выпускать на рынок технические новинки и стремиться распространить их как можно шире². Инновация артикулируется как новшество, приносящее прибыль. Экономист Н. Д. Кондратьев в своей теории «больших циклов», разработанной в 20-е годы XX в., впервые показал, как динамика экономической структуры общества реагирует на базовые нововведения (ключевые изобретения), и как затем это влечет за собой реализацию вторичных, модернизирующих социально-экономических нововведений³. Таким образом, осмысляются позитивные социо-экономические последствия инноваций. Опираясь на идеи цикличности, разработанные Н. Д. Кондратьевым, экономист и социолог Й. Шумпетер обосновал роль инноваций как средства преодоления экономических кризисов. На практике это воплотилось в том, что после Великой депрессии начала 1930-х годов в США и других странах «инновационная политика фирмы» начинает восприниматься тем, что способно вывести фирму из депрессии. Й. Шумпетер также указал на возможность продуктовых, технологических, оргуправленческих и логистических

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка // Энциклопедии и словари на Alcalá.ru. URL: <http://alcala.ru/dal-slovari/slovar-N/30685.shtml>, свободный. Загл. с экрана.

² Там же.

³ Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. М., 2005. 376 с.

инноваций, обратив внимание на то, что источником прибыли являются новые комбинации факторов производства, которые изобретает предприниматель. Он называл пять таких комбинаций: 1. Выпуск нового продукта (или старого продукта, но с новыми качествами). 2. Внедрение нового метода производства. 3. Проникновение на новый рынок сбыта, будь то известный или ранее неизвестный. 4. Использование новых источников сырья или полуфабрикатов. 5. Организационная перестройка⁴. В конце 1930-х годов Шумпетер ввел различие базовых инноваций и инноваций-следствий, что стало важным шагом в становлении теории инноваций, или инноватики. Важную роль в осмыслении инноваций сыграли также идеи немецкого ученого Г. Менша, который пытался в своих работах увязать темпы экономического роста и цикличность с появлением базисных нововведений. Менш указывал на роль кризисов как генераторов инновационной активности: по его мнению, когда базисные нововведения исчерпывают свой потенциал, возникает ситуация «технологического пата», определяющая застой в экономическом развитии, и это ведет к производству новых базисных нововведений⁵. В своей классификации нововведений Менш предложил выделить три крупные группы – базисные, улучшающие и псевдоинновации. Базисные инновации Менш предложил разделить на технологические, которые, при их имплементации, образуют новые отрасли и новые рынки, и нетехнологические, несущие собой изменения в управлении, общественных услугах, и культуре в целом. Менш указывает, что между нововведениями существует определенная конкуренция за ресурсы, поскольку каждый вид нововведений востребует ряд затрат в виде труда и капитала. Менш описывает процесс движения от одного технологического пата к другому как переход от базисных нововведений к улучшающим, и далее, с течением времени, к псевдонововведениям⁶. Можно зафиксировать, что инновации стали осмысляться

⁴ Шумпетер Й. Теория экономического развития. М., 1982.

⁵ Гамидов Г. С. Основы инноватики и инновационной деятельности. СПб., 2000. 237 с.

⁶ Mensch G. Das technologische Patt: Innovationen überwinden die Depression. Frankfurt : Umschau verlag, 1975.

неотделимо от экономических кризисов и в контексте преодоления этих кризисов как важнейший, самый необходимый для этого ресурс.

Идеи Менша нашли свое развитие в работах А. Кляйнкнехта. А. Кляйнкнехт детализирует положения Менша о формировании кластеров нововведений на стадии депрессии. Он полагает, что кластеры нововведений-продуктов, действительно, образуются на фазе депрессии (спаде), ну а кластеры нововведений-процессов – на повышательной стадии длинной волны. Кляйнкнехт предложил более четко разграничить инновации-продукты и инновации-процессы с помощью следующей разработанной им классификации нововведений:

- ««чистые» нововведения-продукты, предназначенные для конечного потребления;
- новые медицинские процедуры, аппараты и лекарства;
- новые инвестиционные товары, предназначенные, прежде всего, для производства потребительских товаров и услуг;
- новые технические устройства и новые материалы, использование которых возможно в производстве как инвестиционных, так и потребительских товаров;
- научные инструменты, которые предназначены для лабораторных исследований, но в дальнейшем могут быть использованы и в промышленных целях;
- ««чистые» нововведения-процессы, которые направлены только на экономию факторов производства»⁷.

Фиксируемый и продолжающийся процесс диверсификации инноваций, попытки их типологий, свидетельствует о том, что единственный статус «нового» («новшества», «инновации») слишком размыт и недостаточен для предметного обсуждения вопросов управления экономическими процессами. Инновации «обрастают» дополнительными статусами – процесса, продукта, и др. В дальнейшем это порождает диверсификацию способов управления, инновационных методологий.

⁷ Фомина А. В. Циклы Кондратьева в экономике России. М., 2005. С. 16.

Что касается теории длинных циклов и роли внедрения инноваций, то она получила свое развитие в работах американского экономиста У. Ростоу, который вводит понятие «лидирующего сектора роста». По мнению У. Ростоу, стимулирование экономики в течение одного цикла происходит за счет внедрения инноваций, образующих лидирующий сектор роста. Замена одного лидирующего сектора другим соотносится с завершением одного длинного цикла и началом другого. Автор приводит примеры таких лидирующих секторов, среди которых называет текстильную промышленность, железные дороги, производство электричества и автомобилей⁸.

Попытку синтеза основных концепций, разработанных Н. Кондратьевым, Й. Шумпетером, Г. Меншем, У. Ростоу и другими, осуществляет Дж. ван Дейн в своем труде «Длинные волны в экономике». В основе его работы лежат три главных блока: концепция нововведений, циклы жизни нововведения и инвестиции в инфраструктуру⁹.

Можно зафиксировать, что вслед за перемасштабированием осмысления инноваций от единичных новшеств, имеющих экономический эффект, к целым инновационным волнам, движущим инновационные циклы, также произошел и процесс перемасштабирования осмысления способов управления инновациями: от конкретных орг-управленческих действий на конкретном предприятии к масштабу национальных инновационных экономик. Это выразилось в том, что исследования инноваций также диверсифицировались, волна интереса к инновациям, проявленная экономистами, была поддержана в других областях, что расширило предметную область инноватики и углубило ее междисциплинарный характер.

С 1960-х гг. начался подъем в исследовании инноваций, в 1960–70-х годах деловыми организациями массово осуществлялись эмпирические, проблемно-ориентированные исследования. Н. И. Лапин выделяет три основные области исследований, в каждой из которых доминировала своя теоретико-

⁸ Фомина А. В. Циклы Кондратьева в экономике России. М., 2005. С. 18.

⁹ Там же.

методологическая парадигма, на которых сосредоточилось внимание исследователей:

1. «Фирма как инициатор и создатель инновации, ее чувствительность к инновациям и зависимость этой чувствительности от организационных структур и методов управления. В качестве исследовательской парадигмы выступает концепция процесса принятия решений, где анализ и выбор альтернатив сменяются последовательными этапами реализации принятого решения.

2. Маркетинг, или поведение фирмы на рынке, факторы риска, методы прогнозирования успеха инноваций, экономические показатели эффективности отдельных стадий и нововведения в целом. Преобладающей исследовательской парадигмой служит теория открытых систем в сочетании с игровым подходом, где фирма взаимодействует с рынком как со своей средой и где завершающие стадии инновационного процесса оказываются результатом действий множества субъектов, каждый из которых поступает в соответствии со своими интересами, с учетом вероятных ответных действий партнеров.

3. Государственная политика в отношении инновационной деятельности фирм, помогающая их конкурентоспособности на международном рынке. Ведущей является парадигма теории управления»¹⁰. Совокупность этих областей исследований складывается в междисциплинарную область, названную инноватикой.

В 70-х годах инновационное развитие набирает обороты: за одно десятилетие произошли глубинные качественные изменения в факторах экономического роста в развитых странах, связанные с перестройкой структуры производства, распространением наукоемких технологий, формированием полицентричной структуры технико-экономических международных взаимоотношений, а главное - с качественным изменением роли и соотношения в структуре прироста инновационного и традиционного экономических процессов. За этот период соотношение стало таково, что всего четверть прироста было обеспечено

¹⁰ Лапин Н. И. Теория и практика инноватики. М., 2008. С. 15.

материальными капиталовложениями, треть - повышением квалификации рабочей силы, и свыше 40% - использованием новейших результатов научных исследований, открытий и изобретений, технических инноваций¹¹. Далее этот тренд усиливался и охватывал все большее количество стран, пока инновационная составляющая не стала доминантой в экономиках целого ряда развитых и развивающихся стран. Инновации стали мыслиться главным национальным конкурентным преимуществом.

На определенном этапе, с 1980-х гг., значительное место в теории инновационных процессов начинает занимать исследование технологических систем (К. Фримен, Дж. Кларк, Л. Суйте). Это связано с повышением экономической ценности и роли опережающего технического развития, которое стало одним из основных факторов успешности национальной экономики любой развитой страны. В риторике утверждается представление о «требовании научно-технического прогресса» как некоей объективной силе¹². Английский экономист К. Фримен описал технологическую систему как комплекс инноваций, связанных общей технологической базой, и технологическую революцию как смену технико-экономического уклада. Фримен объяснял неравномерность межстранового развития тем, что в одних странах происходит старение технологических систем, в то время как в других странах появляются новые технологические системы, что напрямую ведет к экономическому росту как следствию появления новых отраслей. Фримен в предложенной им концепции также стремился интегрировать инновационный подход с проблемами занятости. Его концепция была изложена в 1982 году в книге «Безработица и технические нововведения»¹³.

Развитие этих идей осуществлялось российским экономистом С. Ю. Глазьевым и его коллегами через разработку концепции технологических укладов. В качестве основного элемента экономической структуры, который сохранял бы целостность в процессе технологических сдвигов, а также был бы

¹¹ Санто Б. Инновация как средство экономического развития. М., 1990. С. 234.

¹² Там же.

¹³ Freeman Ch. Unemployment and technical innovation. London, 1982.

носителем технологических изменений, была предложена совокупность технологически сопряженных производств, сохраняющих целостность в процессе своего развития. «Посредством однотипных технологических цепей (ТЦ) такие совокупности объединяются в устойчивую самовоспроизводящуюся целостность, конгломерат сопряженных производств – технологический уклад (ТУ)»¹⁴, который охватывает замкнутый воспроизводственный цикл – от добычи ресурсов и подготовки кадров до потребления. Жизненный цикл уклада включает 4 фазы: становление, рост, зрелость и упадок. Техничко-экономическое развитие происходит через чередование «этапов эволюционного совершенствования и периодов структурной перестройки экономики, в ходе которых осуществляется внедрение комплекса радикально новых технологий и замещение ими старых»¹⁵. Ядро нового технологического уклада формируют радикальные нововведения. Нововведения в разных секторах синхронизируются, т.к. они технологически взаимообусловлены. Радикальные изобретения и открытия в одной отрасли остаются нереализованными или не получают распространения, пока не появятся соответствующие новшества в других отраслях. Глазьев различает базисные (прорывные) и дополняющие нововведения¹⁶. При этом автор указывает, что при отсутствии потребности в продукции нового уклада в начале это компенсируется гос. заказами, часто – военными. Замещение военного спроса гражданским происходит по мере становления нового технологического уклада¹⁷.

Обобщая, отметим, что К. Фриманом, Дж. Кларком, С. Ю. Глазьевым и другими исследователями технологических систем и укладов был привнесен новый мощный контекст в осмысление инноваций, а именно – технологический контекст, который сегодня является одним из базовых доминирующих контекстов междисциплинарной теории инноваций. Действительно, при упоминании

¹⁴ Глазьев С. Ю. Эволюция технико-экономических систем: возможности и границы централизованного регулирования. М., 1992. С. 5.

¹⁵ Там же. С. 6.

¹⁶ Там же. С. 7.

¹⁷ Там же. С. 9-10.

инноваций в настоящее время прежде всего подразумеваются технические изобретения, технические порывы, технологические революции.

Социально-исторической причиной развития и исследования технологических систем во многом поспособствовала предшествовавшая «холодная война», ставшая катализатором для индустриального экономического развития стран, которые пытались за счет научно-технологического лидерства достичь глобального превосходства. Были созданы не только мощные научно-исследовательские и технологические центры, но и организации, занимающиеся менеджментом и экономикой сектора R&D (от англ. Research and Development - исследования и разработки), такие, как корпорация RAND (RAND Corporation), возникшая в 1946 г. по инициативе ВВС США. Именно в RAND работали такие всемирно авторитетные экономисты, как С. Винтер и Р. Нельсон. Среди отцов-основателей корпорации инновационных исследований были и сотрудники университетов, самый известный из которых – Цви Грилихес, показавший в своей работе, что новшества распространяются по логистической кривой. Экономисты и исследователи RAND издали в 1962 г. капитальную совместную монографию «The Rate and Direction of Inventive Activity» («Скорость и направление изобретательской деятельности»), в которой исследовались вопросы происхождения изобретений, распределения ресурсов для оптимальной генерации знаний, взаимосвязи науки и промышленного R&D. Но затем, первоначально возникнув в США, центр научной активности по исследованиям инновационного процесса довольно быстро переместился в Европу, где сейчас и находится большинство центров изучения инноваций. Первым и «модельным» для остальных стал открытый в 1965 г. К. Фрименом в Университете Сассекса Science Policy Research Unit (Отдел по исследованиям научной политики).

На этом этапе исследование инноваций сконцентрировалось на поиске ответов на следующие вопросы: как стимулировать инновационную активность? Как поддержать инновацию на рынке? Как просчитать ее эффективность? Инновация видится глобальным конкурентным преимуществом, понимается как результат наукоемких научных исследований и разработок, обсуждаются вопросы

менеджмента этой сферы. Инноватика укрепилась и институционально оформилась через тематические журналы, исследовательские центры и конференции.

С ростом роли государственного регулирования инновационной активности фирм в конце 1980-х стала развиваться теория национальных инновационных систем (НИС), в которой реализовался системный подход к инновационным процессам. Основоположниками теории формирования НИС считаются К. Фримен, Б.-А. Лундвалль и Р. Нельсон. Фримен предложил как сам термин «национальная инновационная система», так и ряд постулатов этой концепции в работе «Инновации в Японии» (1987). По Фримену, НИС – это «сеть частных и государственных институтов и организаций, деятельность и взаимодействие которых приводят к возникновению, импорту, модификации и распространению новых технологий»¹⁸. Сегодня НИС понимается преимущественно как «исторически сложившаяся подсистема национальной экономики, которая состоит из различных институтов и экономических структур, оказывающих влияние на темпы и направления технологических изменений в обществе»¹⁹.

Т. Оганесян, С. Розмирович и Д. Медовников, делая обзор концепций НИС, отмечают, что «основы будущей концепции НИС были заложены в работах ряда исследователей еще в 1960-е и 1970-е, а ее непосредственным предтечей можно считать американца Мозеса Абрамовица, в 1986 году опубликовавшего в журнале *Journal of Economic History* («Журнал по истории экономики») статью «Догоняя, перегоняя и отставая», позднее ставшую классической. Именно в этой статье были рассмотрены важнейшие элементы экономико-технологического потенциала различных стран и факторы, влияющие на динамику его развития. В совокупности эти факторы, по Абрамовицу, определяют так называемую «социальную способность» (*social capability*) государств, то есть их исходные возможности по наращиванию экономико-технологического потенциала, и среди ключевых

¹⁸ Стерлигов И. Национальные технологические платформы. Европейский опыт // *Acta naturae*. 2010. Т. 2, № 4 (7). С. 12-13.

¹⁹ Оганесян Т. Рождение национальной инновационной системы [Электронный ресурс] // *Эксперт*. 2010. № 36 (720). URL: http://expert.ru/expert/2010/36/rozhdenie_innovacionoi_sistemy/, свободный. Загл. с экрана.

факторов им были названы: национальная техническая компетенция (уровень образования); опыт в организации и управлении крупномасштабными производствами и проектами; наличие развитых финансовых институтов и рынков, способных мобилизовать приток капитала для таких крупномасштабных производственных проектов; уровень «честности» различных государственных и частных институтов и общественного доверия к ним; стабильность государственной власти и ее эффективность в определении правил игры и контроле за их соблюдением.

Формулировка Абрамовица остается актуальной и сегодня. Дополнением к предложенной Абрамовицем концепции «социальной способности» стала концепция «технологической способности», разработанная Лин Су Кимом. По его мнению, она определяется инновациями, производством и инвестициями. У стран, стремящихся к экономическому лидерству, процессы привлечения инвестиций, модернизации производства и развития инноваций должны идти параллельно, а не последовательно»²⁰.

Другим основоположником концепции национальной инновационной системы является шведский ученый Б. О. Лундваль, написавший первую серьезную работу по вопросу НИС - книгу «Национальная система инноваций». Ученый, вводя понятие «национальная система инноваций», рассматривает его с двух разных позиций и дает два определения. В узком смысле «национальная система инноваций — это система организаций и институтов, включенных в процесс поиска и изобретений, т.е. НИИ, проводящие НИОКР, технологические институты, университеты и подразделения частных предприятий»²¹. Второе определение НИС Б. О. Лундваля более широко: «Национальная система инноваций – это все аспекты экономической структуры и институциональной системы, которые влияют на процесс поиска и исследования - производственные системы, система маркетинга, финансовая система, а также все подсистемы, которые функционируют в рамках

²⁰ Оганесян Т. Рождение национальной инновационной системы [Электронный ресурс] // Эксперт. 2010. № 36 (720). URL: http://expert.ru/expert/2010/36/rozhdenie_innovacionoi_sistemy/, свободный. Загл. с экрана.

²¹ Вахрушева Н. И. Образовательный кластер как фактор инновационного развития региона // Экономическая наука и образование. 2009. № 8 (57). С. 386.

перечисленных выше систем»²². С разработкой теории НИС инновации стали мыслиться системно, была подчеркнута роль взаимосвязи подсистем НИС (научная, производственная и др.), управляемый и проектный характер инноваций. Инноватика как междисциплинарная область знания и практики обогатилась системным подходом.

Практическим выражением и применением теоретических разработок инноватики в организации является инновационный менеджмент. Н. И. Лапин указывает, что на первом этапе было исследовано множество разрозненных факторов, способствующих или препятствующих успеху нововведений и накоплен огромный эмпирический материал, однако этот материал не удавалось систематизировать. На втором этапе, указывает автор, «основным предметом исследований стал инновационный процесс, включая спонтанную диффузию и целенаправленный перенос нововведений. На третьем этапе внимание исследователей было сосредоточено на анализе различных типов инновационных ситуаций, разработке методов возможно более ранней оценки риска, формировании рекомендаций правительственным органам относительно их политики в области нововведений. На четвертом этапе, продолжающемся и в настоящее время, ключевым звеном изучения становятся инновационные сети, максимально чуткие к быстрой динамике рынка, т. е. маркетингово-ориентированные, улавливающие потенциальные тенденции спроса»²³. Результаты этих исследований, а также практические наблюдения и выводы участников управления инновационными процессами на предприятиях и в организациях составляют основы инновационного менеджмента.

В современном понимании «инновационный менеджмент – это организация и планирование (включая мотивацию и контроль) процессов разработки и внедрения новшеств на объектах различных уровней, направленные на достижение

²² Вахрушева Н. И. Образовательный кластер как фактор инновационного развития региона // Экономическая наука и образование. 2009. № 8 (57). С. 386.

²³ Лапин Н. И. Актуальные проблемы исследований нововведений // Социальные факторы нововведений в организационных системах. М., 1980. С. 6.

инновационных целей этих объектов»²⁴. Иными словами, инновационный менеджмент как особый вид профессиональной деятельности представляет собой комплекс взаимосвязанных действий, нацеленных на достижение или поддержание необходимого уровня жизнеспособности и конкурентоспособности предприятия или компании, действующей в рыночных условиях, через достижение конкретных инновационных целей с помощью механизмов управления инновационными процессами, на основе рационального использования научных, трудовых, материальных и финансовых ресурсов²⁵. Н. Н. Александров замечает, что суть современного менеджмента состоит в управлении нарастающей инноватизацией²⁶. Автор указывает, что по сути, «стратегический инновационный менеджмент и есть ядро современного менеджмента»²⁷, и «во главу каждого стратегического плана необходимо ставить освоение новых технологий и производств»²⁸.

В рамках инновационного менеджмента решается ряд задач, которые можно разделить по четырем уровням, в зависимости от масштаба – макроуровень (страновой, мировой), региональный, уровень групповых производственно-экономических систем и уровень предприятия.

Оформлению инновационного менеджмента как особой области управления значительно способствовали труды Питера Друкера, одного из основоположников менеджмента как научной дисциплины. В его книге «Бизнес и инновации» были впервые систематизированы накопленные практические знания о предпринимательстве и инновационной деятельности и представлены в виде полноценной теории. Друкер также указал на социальную ценность инновационной деятельности, меняющей стиль мышления и стиль жизни многих людей. При этом подчеркивается роль интеллекта, изобретательности, нестандартности мышления участников инновационной деятельности²⁹.

²⁴ Аньшин В. М. Инновационный менеджмент: Концепции, многоуровневые стратегии и механизмы инновационного развития. М., 2007. С. 9.

²⁵ Мухамедьяров А. М. Инновационный менеджмент. М., 2008. С.176.

²⁶ Александров Н. Н. Проблемы инновационного менеджмента. М., 2011. С. 6

²⁷ Александров Н. Н. Проблемы инновационного менеджмента. М., 2011. С. 6.

²⁸ Коробейников О. П. Интеграция стратегического и инновационного менеджмента [Электронный ресурс] // Менеджмент в России и за рубежом. 2001. № 4. URL: <http://www.mevriz.ru/articles/2001/4/962.html>, свободный. Загл. с экрана.

²⁹ Друкер П. Бизнес и инновации. М., 2007. 432 с.

В рамках инновационного менеджмента глубокую проработку получили такие направления, как планирование инновационной деятельности, определение инновационной стратегии, особенности организации работ на разных этапах инновационного цикла, управление инновационными проектами, финансирование инновационной деятельности, государственная инновационная политика. В целом границы инновационного менеджмента сегодня довольно размыты и решаемые в его рамках задачи пересекаются с задачами маркетинга, управления рисками (рисковое инвестирование, привлечение инвестиций в стартапы и их продвижение), управления объектами интеллектуальной собственности и их защиты, технологического прогнозирования, управления персоналом (командообразование и мотивация к инновационной деятельности), управления изменениями и преодоления сопротивления изменениям. Вклад в развитие инновационного менеджмента внесли Й. Шумпетер, Б. Твисс, Р. Фостер, М. Портер, Р. Коуз, И. Ансофф, Дж. Грейсон, Э. Янч, Р. Блейк, А. Томпсон, Д. Сахала, П. Друкер, П. Дойль, Б. Люндвалль, С. Меткалф, Р. Нельсон, К. Фримен и другие авторы, на работах которых мы не будем останавливаться подробно в силу более узкой их применимости.

Таким образом, инновационный менеджмент представляет собой управленческое измерение инноватики как междисциплинарной области, т. е. те практические способы управления инновациями (инновационными процессами, инновационными системами и др.), которые были выработаны и закреплены. При этом эта область продолжает непрестанно развиваться, в соответствии с масштабированием и усложнением инновационной реальности. Развитие инновационного менеджмента демонстрирует развитие представлений об управляемости процессов изменений, что в целом соответствует установке на тотальную управляемость социального мира.

Новый виток теория инновационной экономики получила в свете теории экономики знаний. Многие ученые рассматривают термины инновационная экономика, новая экономика и экономика знаний как синонимы, хотя имеются и

попытки уточнить и различить эти термины³⁰. Другие авторы считают экономику знаний высшим этапом развития постиндустриальной экономики и инновационной экономики. При этом она характеризуется «бурным развитием знаний, которые все более проявляют себя в виде непосредственной производительной силы; постоянно возрастающей ролью наукоемкого сектора, роста объемов производства и сбыта современных наукоемких технологий; ускоряющимися процессами компьютеризации информационного пространства экономики и всей общественной жизни; ростом капитализации рыночной стоимости компаний, осуществляющих прорывные исследования и разработки в новейших областях науки и техники; капитализацией затрат в человека как одно из направлений системы государственных приоритетов в развитии науки и техники; высокими темпами обновления основного капитала в жизнеобеспечивающих секторах материального производства и обслуживающей инфраструктуры; обеспечением примерно равных условий для каждого гражданина страны: заработка, жилья, работы, доступа к информационному и транспортному обслуживанию»³¹. Впервые термин «управление знаниями» появился в 1980-х годах, однако предпосылки его возникновения можно отнести уже к середине XX века, когда оформлялись более общие представления об информационном обществе как таковом. Информационное общество как культурная, социальная и экономическая и система стало объектом внимания исследователей начиная с 60-х гг. XX века, когда черты смены парадигмы эпохи стали очевидными. В это же время термин «информационное общество», который был введен в научный оборот американскими и японскими исследователями, закрепился в научной мысли. Доминирование информации, особая роль знания и знаниевых технологий, ускорение научно-технического прогресса, развитие сектора услуг, уменьшение доли материального производства в совокупном общественном продукте, повышение качества жизни в целом стали рассматриваться как основные признаки

³⁰ Сербиновский Б. Ю. О содержании терминов «Инновационная экономика», «новая экономика» и «экономика знаний» // Научный журнал КубГАУ. 2010. № 61(07). С. 1-17.

³¹ Управление знаниями в корпорациях. М., 2006. С. 9.

и качественные параметры общества нового типа. Формированию концепций информационного общества сопутствовало доминирование цивилизационного подхода к историческому процессу. Параллельно шло построение комплексной теории общественной эволюции, теории прогресса такими авторами, как Д. Белл (обоснование стадий доиндустриального, индустриального и постиндустриального общества), С. Лэш и С. Крук (концепция предмодернистского, модернистского и постмодернистского этапов социального развития), А. Тоффлер (описание «первой», «второй» и «третьей» волны), П. Друкер (характеристики капиталистического и посткапиталистического общества), Р. Ингледарт (модернизация и постмодернизация), М. Кастельс (информационно-технологическая революция и информационное общество) в рамках работ которых акцентировались различные аспекты процесса развития в целом: как экономические, политические, информационно-технологические, так и социокультурные, что в том числе привело и к развитию теории информационного общества³².

Истоками теории экономики знаний и информационного общества стали труды Э. Тоффлера, Д. Белла, М. Маклюэна, Ё. Масуды, М. Кастельса и др. Главными ценностями новой цивилизации («Третьей Волны») в работах Э. Тоффлера в 1950-е гг. были названы знания и информация³³. Проблемам грядущего постиндустриального информационного общества в 1970-е гг. были посвящены работы Д. Белла³⁴. В этот же период времени японский социолог и футуролог Ё. Масуда предлагает концепцию информационного общества, представив ее в работе «План для информационного общества – национальная цель к 2000». Позже его идеи были развиты в книге «Информационное общество как постиндустриальное общество» (1980). М. Маклюэн в 1960-70 гг. исследовал влияние коммуникационных технологий на

³² Костина А. В. Тенденции развития культуры информационного общества: анализ современных информационных и постиндустриальных концепций // Вестн. Рязанского гос. ун-та им. С. А. Есенина. 2009. № 4. С. 3-30.

³³ Тоффлер Э. Третья волна. М., 2004. 346 с.

³⁴ Белл Д. Социальные рамки информационного общества. Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. 371 с.

организацию когнитивных процессов в обществе и рассматривал влияние превращения информации и коммуникации в производительную силу на глобальные тенденции управления³⁵. На рубеже 1980–1990-х годов зарождаются три разных подхода к концепции «управления знаниями», условно названные как скандинавский (или европейский) (Карл Свейби, Швеция), американский (Карл Вииг) и японский (Икуджиро Нонака). Происходит разработка целостной концепции управления знаниями и осуществляются первые опыты ее практической реализации в наукоемких компаниях и бизнесе. В настоящее время концепция «технологий управления знаниями» получила широкое распространение во всех сферах деятельности, включая науку, образование, библиотечное дело; она реализуется как формирование совокупности процессов, методов, приемов и программно-технологических средств для обеспечения свободной циркуляции знаний и их генерации. Концепция управления знаниями воспринимается как неотъемлемая часть инновационной экономики, инновационного производства, инновационного типа управления. Важную роль здесь играют университеты и исследовательские центры, производящие в инновационной производственной цепочке полезные знания. Инновация теперь мыслится как нечто, производное от нового знания, а значит, наукоемкое.

Продемонстрированному в приведенном выше обзоре усложнению инновационной практики и повышению ее разнообразия, полисферности и полисубъектности инновационных практик сопутствовала теоретическая неразбериха: накопилось большое количество различных определений инновации как отечественных, так и зарубежных специалистов, имелось большое количество их классификаций. Так вырабатывался комплексный интегрированный подход в понимании инновационных процессов.

Инноватика как дисциплина в самом общем виде понимается как «область науки, изучающая закономерности развития инновационных процессов»³⁶.

³⁵ Маклюэн М. Галактика Гуттенберга: Становление человека печатающего. М., 2005. 496 с.

³⁶ Аньшин В. М. Инновационный менеджмент: Концепции, многоуровневые стратегии и механизмы инновационного развития. М., 2007. С. 9.

Теоретическое оформление инноватики происходило преимущественно на Западе (Европа, США) междисциплинарными командами и исследовательскими коллективами. Ее цели, структуру и предметное поле исследовали Ян Фагерберг (Jan Fagerberg) и Барт Фершпаген (Bart Verspagen) в работе «Innovation studies – The emerging structure of a new scientific field»³⁷. Авторы провели опросы более 1000 специалистов со всего мира, а также проанализировали существующие значимые научные журналы и конференции по теме инноваций. Их выводы показывают, что исследование инноваций во всем мире постепенно превращается в отдельную и полноправную академическую дисциплину. Ее уникальность определяется тем, что инновации находятся на стыке бизнеса, науки и государственной политики. Инноватика не является строгой академической дисциплиной, поэтому в настоящее время стоит вопрос о признании инноватики (innovation studies) остальным научным миром³⁸. Однако, как показали авторы, уже сложились такие значимые для новой науки составляющие, как средства коммуникации (журналы и конференции), общие стандарты качества и система материального вознаграждения. Количество статей по теме инноваций растет экспоненциально, центр научной активности в настоящее время находится в Европе, где сейчас и располагается большинство центров изучения инноваций. И. Стерлигов, описывая процесс институционализации инноватики, упоминает, что первым и модельным изданием по этой теме для остальных стал Science Policy Research Unit университета Сассекса, созданный в 1965 г. Кристофером Фрименом, который собрал под одной крышей экономистов, социологов, психологов и выходцев из сферы инжиниринга и технологий, разработавших первые специальные магистерские и докторские программы. Центр вел собственную научную работу, активно привлекал сторонних заказчиков. Специалисты SPRU исследовали взаимосвязь инноваций и рынка труда, а также факторы, влияющие на успех инноваций. Наиболее известна коллективная монография «Technical Change and

³⁷ Fagerberg J. Innovation studies - The emerging structure of a new scientific field // Research Policy. 2009. Vol. 38, iss. 2. P. 218-233.

³⁸ Там же.

Economic Theory» («Техническое развитие и экономическая теория») 1988г. Помимо этого в 1972г. Фримен основал и поныне самый уважаемый журнал исследователей инноваций «Research Policy» («Исследовательская Стратегия»), а затем, на рубеже 1980-90-х гг. возникли еще несколько журналов и тематических конференций (их устраивают International Schumpeter Society (ISS) («Международное общество Йозефа Шумпетера»), Danish Research Unit for Industrial Dynamics (DRUID) («Датский Отдел исследований промышленной динамики») и другие организации)³⁹. Как указывает И.Стерлигов, по авторитетности после журнала «Research Policy» следуют «Industrial and Corporate Change», «Journal of Evolutionary Economics», «Economics of Innovation and new Technology». Среди конференций популярны ISS, DRUID, European Association for Research in Industrial Economics и Academy of Management⁴⁰.

Автор указывает, что «кластерный анализ ответов позволил выделить две крупные группы, каждая из которых объединяет около трети исследователей инноваций. Первая, «шумпетерианцы», демонстрирует наибольшее единство в выборе журналов, конференций, классиков. Она состоит преимущественно из европейских экономистов. Вторая группа объединяет географов и специалистов по научно-технической и инновационной политике, изучающих национальные инновационные системы. Две эти группы вместе насчитывают уже несколько тысяч исследователей и заметно отличаются от остальных, работающих в области менеджмента, industrial economics и прочих дисциплин. Единственной бесспорной связующей чертой для всех опрошенных является их приверженность журналу Research Policy»⁴¹. Авторами характеризуется некоторая разобщенность в понимании основных проблем и направлений инноватики, а также разница тематик европейских и американских авторов. Стоит отметить, что российские авторы имеют единицы публикаций в ведущих инновационных журналах, таких, как Research Policy.

³⁹ Стерлигов И. Исследование инноваций: история нового направления [Электронный ресурс] // Научно-образовательный портал IQ. URL: ores.ru/630964.html, свободный. Загл. с экрана.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

В отечественной научной литературе можно встретить некоторое количество попыток осмыслить инноватику как новую сферу знания, область науки, особое направление теоретических исследований. Проведем их краткий обзор. В. Г. Колосов в работе «Основы инноватики» определяет последнюю как «область знаний, развивающую методологию и организацию инновационной деятельности»⁴². По мнению автора, инноватика охватывает следующие группы проблем: управленческие, технологические, информационные, правовые, организационные, финансово-экономические, социально-психологические, кадровые⁴³. Здесь отсутствует философская проработка оснований инноватики и глубокий анализ ее социокультурного влияния. Российские авторы В. Н. Гунин, В. П. Баранчеев, Г. Л. Азоев вслед за В. Г. Колосовым пытаются определить границы исследуемой области и утверждают, что понятие «инноватики» шире термина «инновация», и вносят контекст работы с будущим: «знания по инноватике дают возможность предвидеть перспективу долгосрочного технико-экономического развития общественного производства, оказывать влияние на изменения в фазах деловых циклов, а за счет инноваций – уменьшать периоды спада производства и содействовать подъему деловой активности в промышленности»⁴⁴.

Наиболее методологически проработано выглядит подход А. И. Пригожина. Он делает акцент на том, что инноватика – это «наука об управляемом развитии», «наука о целенаправленных изменениях, нововведениях»⁴⁵, и рассматривает комплексность этих изменений. Комплексность и междисциплинарность инноватики подчеркивается также и в определении Н. И. Лапина: «Инноватика – комплексная междисциплинарная область знаний об инновациях, наука о возникновении, производстве и распространении практических новшеств, о содержании, условиях и результатах этих процессов»⁴⁶. Похожим образом

⁴² Гамидов Г. С. Основы инноватики и инновационной деятельности. СПб., 2000. С. 4.

⁴³ Там же.

⁴⁴ 17-модульная программа для менеджеров Управление развитием организации / В. Н. Гунин [и др.]. М., 1999. С. 5.

⁴⁵ Пригожин А. И. Методы развития организаций. М., 2003. С. 22.

⁴⁶ Лапин Н. И. Теория и практика инноватики. М., 2008. С. 10.

Б. Ф. Усманов определяет контуры предмета инноватики как «создание, внедрение и в подобающем случае тиражирование разного рода новшеств, внесение изменений в существующий порядок вещей (...). Границы предмета определяет изучение творческой, созидающей деятельности по обновлению, преобразованию некой предшествующей деятельности»⁴⁷. Инноватика в его определении это «отрасль науки и практики, изучающая роль и место инноваций, творческий и организующий потенциал их создателей (инноваторов) в процессах управляемого развития, особенности качественных изменений продуктов человеческой деятельности в ходе реализации тех или иных полезных обществу новшеств»⁴⁸.

Довольно проработанным выглядит подход В. М. Аньшина, который выделяет такие составные части инноватики, как:

- «формирование новшеств и поиск инновационных решений;
- технологическое прогнозирование;
- восприимчивость к новшествам и сопротивление нововведениям;
- диффузия (распространение новшеств);
- адаптация к новшествам человека и приспособление их к его потребностям;
- формы организации инновационной деятельности;
- рынок нововведений;
- инновационные стратегии;
- конкурентные преимущества и стадии развития;
- государственное регулирование инновационной деятельности»⁴⁹.

Очевидно, данные составляющие включают как технологические, так и экономические, и социальные, и культурные аспекты инноватики. Данный перечень показывает, что в представлении автора инноватика как наука, изучающая закономерности развития инновационных процессов, помимо непосредственного рассмотрения инновационного процесса и его управления, расширена за счет а) таких культурных характеристик, как восприимчивость к

⁴⁷ Усманов Б. Ф. Социальная инноватика. М., 2009. С. 28.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Аньшин В. М. Инновационный менеджмент: Концепции, многоуровневые стратегии и механизмы инновационного развития. М., 2007. С. 10.

новшества, адаптация к ним или сопротивление, б) более широкой, нежели рамка цикла жизни инновации, временной рамки, выраженной в необходимости долгосрочного прогнозирования, в) внесения государства как нового субъекта, не осуществляющего инновационную деятельность непосредственно, но регулирующего ее.

В целом же инноватика в российском контексте по большей части рассматривается как экономическая наука. Анализ содержания российских конференций, научных публикаций, кандидатских и докторских диссертаций по теме инноваций подтверждают эту мысль. В данном случае это объясняется отчасти тем, что инноватика в российской науке закрепились через специальность 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством (управление инновациями)».

Обсуждая научное оформление инноватики в российском контексте, С. Е. Крючкова отмечает, что специализация в области инноватики в западной системе образования давно институализирована, в условиях же России она находится в начале своего пути. Автор приводит пример, что в 1999 г. на базе Санкт-Петербургского государственного технологического университета был открыт бакалавриат по специальности «Инноватика», а с 2002 г. сразу в нескольких университетах в виде эксперимента началась подготовка студентов по специальности «Управление инновациями». Первым среди таких университетов выступил Государственный университет управления (ГУУ). Курсы, подобные курсу «Теория и практика инноваций», который преподается в Высшей школе экономики студентам магистратуры факультета экономики в рамках специальности «Экономическая социология», стали появляться и в других вузах и специальностях, что, как показывает автор одного из первых учебников по инноватике в нашей стране Н. И. Лапин, подтвердило жизненность инноватики как научной области⁵⁰. Добавим, что в настоящее время в России уже существует несколько Институтов инноватики (Москва, Санкт-Петербург, Саратов, Томск),

⁵⁰ Крючкова С. Е. Новые дисциплины в вузе: проблемы становления // Высшее образование для XXI века: VII междунар. науч. конф. Москва, 18-20 нояб. 2010 г. М., 2010. Вып. 2. С. 32.

специалистов по направлению «Инноватика» готовят уже в более чем десятке вузов.

При этом методологическая база инноватики пока не сформировалась, и ряд авторов ставят вопрос о том, что же является методологической основой для синтеза знаний, осуществляемых в рамках инноватики. А. А. Понукалин утверждает, что сегодня возникла острая необходимость разработки оснований инноватики как новой интегративной науки, по аналогии с кибернетикой, информатикой, синергетикой⁵¹. С. Е. Крючкова заостряет вопрос, является ли инноватика новой научной сферой, или все же междисциплинарным синтезом и методологической основой для осуществления последнего. Намечая контуры инновационной методологии, Крючкова называет следующие принципы: 1) «открытость инновации; 2) единство линейности и нелинейности в инновационном процессе; 3) процессуальность инновации, проявляющаяся через ее «жизненный цикл»; 4) опора на обратную связь»⁵².

Основные требования к новому методу были также сформулированы Н. И. Лапиным и коллективом соавторов. Они указывают на необходимость чувствительности инновационного метода к сложным проблемным ситуациям с высокой степенью неопределенности; необходимость учета постоянной динамичности ситуаций; необходимость высокого уровня мотивации, который бы позволял устранять дезинтеграцию людей и снимать отчужденность; а также необходимость максимально задействовать интеллектуальный и творческий потенциал участников инновационного процесса⁵³.

В. К. Федоров, Г. П. Бендерский, И. К. Епанешникова в работе «Инноватика как деятельность и система (к вопросу о методологии теории инновации)» инноватику представляют одновременно как междисциплинарную и прикладную деятельность и как систему, причем научное мышление рассматривается как один

⁵¹ Понукалин А. А. Инноватика: естественно-научные и гуманитарные основания // Инновации. 2008. № 10. С. 57-63.

⁵² Крючкова С. Е. Новые дисциплины в вузе: проблемы становления // Высшее образование для XXI века: VII междунар. науч. конф. Москва, 18-20 нояб. 2010 г. М., 2010. Вып. 2. С. 35.

⁵³ Лапин Н. И. Теория и практика инноватики. М., 2008. 328 с.

из видов деятельности. Рассматривая методологию построения и развития теории инноваций, авторы отмечают, что нужно строить процесс от понимания логики развития инноватики, как познавательной (теоретической и прикладной) дисциплины, к формированию методологии инноватики как направления интеллектуальной технологии (или более полно – «инженерии»)⁵⁴. При этом авторы указывают, что, в силу значительной роли инноватики в развитии новой техники и технологии и экономической ситуации, науку инноватику нужно построить очень быстро, максимум в два десятилетия. Указывая роль методологического мышления как универсальной формы мышления, авторы пишут, что «система методологии создается для того, чтобы развивать все совокупное представление о развитии инноватики, ее трансформации (...). Важно, чтобы были созданы основы для обеспечения совокупной деятельности в данной области, определяя направления и методы ее разработки, этапы развития, переходы к новым этапам и т. п.»⁵⁵. Для того, чтобы инноватика стала особой наукой, а не продолжением экономической теории, области технологии и организации производства, она должна объединить все представления об особенностях возникновения, научного и технологического оформления новых идей, принципах их организационно-технологической реализации в производстве, которые выработаны современной технологией, управлением качества, логистикой, информационными технологиями, социальной психологией, эргономикой и т. п. При этом необходимо стремиться обеспечить систематичность знаний, то есть связь знаний по одному принципу, пишут авторы⁵⁶.

Проблема инновационного метода и в частности необходимость выработки единого принципа для обеспечения систематичности знаний в рамках инноватики еще раз акцентирует на такой сущностной черте инноватики, отмечаемой целым рядом исследователей, как междисциплинарность. Т. А. Мазаева, исследующая инновационную динамику, указывает, что парадигма исследования

⁵⁴ Федоров В. К. Инноватика как деятельность и система (к вопросу о методологии теории инновации) // Инновации. 2011. № 7 (153). С. 66.

⁵⁵ Там же. С. 67.

⁵⁶ Там же. С. 68.

инновационных процессов сформировалась в сфере междисциплинарных исследований, связанных с определением внедренческой политики фирм, организационной перестройки различных систем производства и управления на основе принципов инновационного менеджмента, позиционного анализа нововведений и т. д.⁵⁷ Добавим, что сегодня происходят повсеместные попытки применить инновационные методы, понятия и принципы к самым разным областям деятельности.

Междисциплинарный подход, с одной стороны, отвечает внутренней логике развития науки инноватики и запросам социальной практики, и, с другой стороны, предполагает переход от механического объединения знаний, полученных в различных дисциплинах, как это происходит на первых этапах формирования нового научного направления в постнеклассической парадигме науки, к выходу на более высокий рефлексивный научный уровень. При этом междисциплинарных исследования и междисциплинарные взаимодействия обрели статус повседневного дела, но, тем не менее, все еще не стали предметом серьезного философского и научного осмысления (пусть публикации на эту тему исчисляются тысячами), пишет И. Т. Касавин⁵⁸. «В своей программной статье «Эпистемология междисциплинарных отношений» Ж. Пиаже различает *мультидисциплинарность* как одностороннее дополнение одной дисциплины другой; *собственно междисциплинарность* как взаимодействие дисциплин; *трансдисциплинарность* как построение интегральных структур»⁵⁹. Результатом междисциплинарных взаимодействий являются междисциплинарные системы знания, к которым мы относим и инноватику. Их отличает объединение дисциплин для создания новой онтологии и методов для работы с ее объектами, при этом включенные системы знания, дополняя друг друга, характеризуются меньшей четкостью границ. Создаваемая «картина реальности» дает семантическую интерпретацию фактов в

⁵⁷ Мазаева Т. А. Инновационная экономика в этнокультурной среде [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д. 2007. URL: http://delist.ru/article/15072007_mazaevata/page3.html, свободный. Загл. с экрана.

⁵⁸ Касавин И. Т. Междисциплинарное исследование: к понятию и типологии // Вопросы философии. 2010. № 4. С. 62.

⁵⁹ Там же. С. 63.

каждой отдельной ресурсной дисциплине, обеспечивая их относительную интеграцию⁶⁰. Когнитивная специфика междисциплинарных исследований во многом совпадает с новым образом науки, который начинает складываться в постпозитивизме и, далее, на рубеже XX-XXI вв. когда контекст открытия получает свое институциональное обоснование; это, как отмечал еще А. П. Огурцов, черта науки переднего края, революционной науки⁶¹.

Философия трансдисциплинарности при этом может быть рассмотрена как имманентная философия инновации, поскольку обладает интеллектуальными ресурсами для осмысления качественной специфики современных инновационных стратегий, на что указывает Л. П. Киященко: «любые философские, научные, инженерные, художественные и иные инновации исходят из включенного в проблему опыта присутствия «между» любым состоявшимся и устоявшимся полаганием порядка и теми возможностями, ранее не востребовавшими (неявными, скрытыми, фоновыми), вызванными к жизни прилагаемыми обстоятельствами актуальной ситуации возникшей проблемы»⁶².

С междисциплинарностью инноватики связана проблема определения ее предмета: междисциплинарность заключается «в создании теоретического поля, «покрывающего» пространство «между» (дисциплинами) без образования новой предметности»⁶³. Другой вытекающей трудностью является ситуация с оформлением специального «языка инноватики», общих устойчивых понятий и определений. «Проблема междисциплинарного дискурса заключается в необходимости говорить сразу на нескольких языках», пишет А. Н. Книгин⁶⁴. Реальной трудностью в применении принципа междисциплинарности является разнообразие языков, отдаленных по предмету научных дисциплин. Эта проблема четко фиксируется на таких коммуникативных событиях, как, например, инновационные форумы, где представители разных типов знания осуществляют

⁶⁰ Касавин И. Т. Междисциплинарное исследование: к понятию и типологии // Вопросы философии. 2010. № 4. С. 63.

⁶¹ Там же. С.66.

⁶² Киященко Л. П. Модусы инновационного становления в опыте философии трансдисциплинарности // Рабочие тетради по биоэтике. М., 2012. Вып. 14. С. 17-26.

⁶³ Книгин А. Н. Междисциплинарность: основная проблема // Вестн. Томского гос. ун-та. 2008. № 3(4). С. 15.

⁶⁴ Там же.

попытку сформировать общее видение ситуации и договориться о намерениях. При этом, чем более четко выражен и сформирован язык междисциплинарной области, тем более она претендует на самостоятельность: «степень междисциплинарности - фактически суть степени нарастания семантического в схематизме связи и переходов между описаниями различных предметных областей. В наиболее зрелом случае речь идет об образовании принципиально новой предметной области - о новой научной дисциплине»⁶⁵. Таким образом, важной перспективой развития инноватики как относительно новой научной области является оформление собственного языка и системы понятий.

Инноватика порождает знание определенного типа, и этот тип производства знания соответствует идеям М. Гиббонса, Х. Навотны, Б. Николеску о «втором типе» производства знания, подразумевающим организационное многообразие форм производства знания, в случае с инноватикой определяющееся множественностью субъектов, вовлеченных в процесс производства знания – экономического, технологического, управленческого. «Второй тип» производства знания также предполагает продуцирование знания в контексте его практических приложений, что соответствует практикоориентированности инноватики. Такой тип производства знания предполагает также социальную ответственность и рефлекссию субъектов, вовлеченных в производство нового знания, оценку и контроль качества решений, принятых на основании полученного знания, что подчеркивает социокультурную дефицитарность инноватики, пока недостаточно развившую в себе последние характеристики, и определяет ближайшие перспективы ее развития⁶⁶.

Таким образом, мы можем сделать выводы о том, что инноватика представляет собой активно развивающуюся междисциплинарную область знания, а также зафиксировать такие ее методологические проблемы, как неясность методологической основы инноватики, неструктурированность предметного поля,

⁶⁵ Тульчинский Г. Л. Междисциплинарность. Проективный философский словарь. СПб., 2003. С. 209.

⁶⁶ Черникова И. В. Трансдисциплинарные методологии и технологии современной науки // Вопросы философии. 2015. № 4. С. 28.

отсутствие четкого терминологического аппарата, вследствие отсутствия единого способа познания и предмета познания – отсутствие общей эпистемологической парадигмы инноватики.

Подводя итог, зафиксируем несколько ключевых моментов, определяющих парадигмальные рамки и дисциплинарный статус инноватики. Инноватика синтезирует различные направления целого ряда гуманитарных наук, таких, как философия, экономика, менеджмент, производство, инженерное проектирование, предпринимательство, системный анализ, кибернетика, информационные технологии, социология, культурология, теория глобализации.

Изначально инновация рассматривалась в феноменологическом ключе как некая данность, нечто свершившееся в социуме и культуре, новшество, внедрение, результаты которого можно осмыслять, анализировать и обсуждать. Ключевым вопросом было: *что есть новое и как оно взаимодействует со старым (традицией)?* При попадании инноваций в экономический контекст этот вопрос стал звучать более прагматично: *как и почему инновации способствуют борьбе с экономическими кризисами?* Далее, после уяснения прагматической ценности инноваций, возникают вопросы: *при каких условиях возникает новое? Кто способен производить его?* И далее уже более детально: *как стимулировать инновационную активность? Как поддержать распространение инновации? Как просчитать экономический эффект и риски? Какая нужна среда для «инноваторов» и как ее создавать? и т.д.*

Таким образом, при развитии инноватики мы наблюдаем стремление к *постоянному повышению степени управляемости* всеми элементами инновационного процесса, от его субъектов до среды, в которой он разворачивается; от благоприятного законодательства до институциональных сдвигов, способствующих более тесному взаимодействию власти, бизнеса и науки. Второе, что мы можем зафиксировать в осмыслении инновационных процессов – это *перемасштабирование* как самих инноваций, так и соответствующее *перемасштабирование мыслимого субъекта управления*. Так, элементарной инновации в организации (продуктовой, товарной) соответствует субъект

масштаба отдельной профессиональной позиции или отдела; инновации в отрасли соответствует субъект масштаба отрасли; инновационной национальной системе соответствует страновой субъект управления.

Третий момент, который прослеживается в осмыслении инноватики как самостоятельной области знания и практики – переход от понимания кризисов как генераторов инновационной активности (Г. Менш и др.) *к идее необходимости непрерывных инноваций как способу поддержания конкурентоспособности*. Можно утверждать, что произошла смена мотивов инновационной активности. Инновация из средства превратилась в некую самоцель, обязательное условие игры, условие выживания на рынке, *инновации стали восприниматься как «норма выживания»*. Отсюда смена векторов работы со временем: инновация больше не рождается из анализа экономических кризисов и «технологических патов» (термин Г. Менша), но предвосхищается в рамках инновационных прогнозов, стратегий, программ и проектов. Ориентация на будущее связана также и с конкуренцией за новые стандарты, со стремлением возглавить, оседлать новый «технологический цикл», обеспечив тем самым конкурентоспособность в долгосрочной перспективе. Отныне инновации мыслятся как *то, что формирует и определяет будущее*.

Отметим также постепенную смену главного приписываемого инновациям смысла: произошел *переход от идеи удовлетворения потребности человека к идее формирования потребностей*. Инноватика изначально выросла из идей научно-технологического прогресса, экономического блага, удовлетворения потребностей общества. В условиях экономических циклов на фазе спада именно новые открытия и изобретения, доведенные до промышленных образцов, а затем до новых производств и рынков стали спасительным рецептом для подъема экономик. Фигура предпринимателя была описана как фигура «героя времени» (Й. Шумпетер), который обладает «особым взглядом на вещи», «способностью идти вперед в одиночку, не пугаясь связанных с этим неопределенностей и возможного сопротивления», предприниматель – это «революционер в экономике и невольный зачинатель социальной и политической революции», «делающий не

то, что делают другие, и не так, как делают другие»⁶⁷. Однако постепенно произошла важная подмена основных целей и задач такого типа развития. Отслеживая определения инноваций, все чаще можно встретить упоминание не просто «удовлетворения потребностей», но их «формирования»: небольшое изменение в формулировке, за которым стоит значительная смена ориентиров инновационной деятельности. Этот процесс можно отследить на смене категорий инноватики, подмеченной рядом авторов, когда «новшество» (как нечто новое, чего не было раньше; в инновационной цепочке это новая идея или результаты исследований) постепенно заменилось «новацией» (новый продукт или услуга, в инновационной цепочке – образец), а потом «инновацией» (результат практического внедрения, освоенный или сформированный рынок).

Еще одна историческая смена смыслов, стоящих за инновациями, связана с *возросшей наукоемкостью инноваций*. Инновация перестала мыслиться только лишь как новый продукт или услуга (или технология, или логистическая схема), теперь она тесно связана с научно-исследовательскими изысканиями, производством нового знания.

Таким образом, можно утверждать, что сегодня существует несколько рядоположенных и равноправных пониманий инноваций. Приведенный анализ показывает, что в целом всем этим трактовкам присущи тенденции выявления практикоориентированности, управляемости, системности, многофакторности инновационного процесса.

Говоря о выявленных преимуществах инноватики как области знания и практики, следует отметить, что инноватика описывает процессы развития в их системном и комплексном виде, стремится охватить закономерности развития инновационных процессов во всей их сложности и комплексности, способна последовательно охватывать все новые и новые области знания и прослеживать их взаимосвязи с развитием инновационных процессов. Также из фокуса исследований инноваций возможно взглянуть на процесс обновления общества как

⁶⁷ Селигмен Б. Йозеф А. Шумпетер и его новатор // Основные течения современной экономической мысли. М., 1968. 600 с.

на взаимодействие большого числа подсистем, направленное на достижение совокупного эффекта. Инноватика дает возможность предвидеть перспективу долгосрочного технико-экономического развития общественного производства, оказывать влияние на изменения в фазах деловых циклов. Поскольку инноватика понимается как комплексная наука об управляемом развитии, о целенаправленных изменениях, нововведениях, и предполагает учет особенностей качественных изменений продуктов человеческой деятельности в ходе реализации тех или иных полезных обществу новшеств, то ее преимуществом является рост чувствительности инновационного метода к сложным проблемным ситуациям с высокой степенью неопределенности. Это же определяется необходимостью учета постоянной динамичности ситуаций; необходимостью высокого уровня мотивации, который бы позволял устранять дезинтеграцию людей и снимать отчужденность. Инновационный подход подразумевает необходимость максимально задействовать интеллектуальный и творческий потенциал участников инновационного процесса, а также продуцирование знания в контексте его практических приложений.

При этом указанные характеристики инновационного подхода в настоящее время входят в конфликт с дефицитами его развития. Как было продемонстрировано, инноватика носит междисциплинарный характер и может быть представлена как систематическая форма знания. Растущая роль инноватики как систематической области знания и практики в современном обществе свидетельствует о необходимости поиска источников ее дальнейшего развития, концептуализации и интерпретации. Представляется, что применение междисциплинарного подхода и определение степени систематичности инноватики позволяет выявить не только ее преимущества, но и социогуманитарные дефициты, о чем пойдет речь во втором параграфе.

1.2. Современные доминирующие контексты понимания инноваций как источник дефицитарности инновационного развития

Как было показано в предыдущем параграфе, можно констатировать, что инноватика, пройдя определенный путь развития теории по сопричастности к практике, наметив свое предметное и проблемное поля, сегодня уже существует как отдельная научная область, имеющая несомненные когнитивные преимущества. Однако при этом наблюдается серьезный дефицит в ее концептуализации и интерпретации. Задача данного параграфа – на основе описания наиболее значимых (доминирующих) контекстов понимания инноваций, составляющих ее основу, определяющих основные признаки современной «инновационной картины мира» и ее ценностные основания, показать существующие дефициты инновационного знания, уточнить суть и источники этих дефицитов.

Обзор магистральных направлений, по которым шло развитие инновационной практики, говорит нам, что основными субъектами инновационной деятельности, задающими сегодня рамки осмысления инноваций, стали бизнес, ставящий задачи реализации конкурентных преимуществ и максимизации прибыли, государство, ориентированное на модернизацию, повышение благосостояния нации, и наука в ее прикладном аспекте, в целом способствующая ускоренным темпам научно-технического прогресса. Популярная концепция инновационного процесса как модели «тройной спирали» («Triple Helix»), разработанная Г. Ицковицем (Стэнфордский университет, Институт технологических, гуманитарных наук и передовых технологий (H-STAR), подтверждает эту мысль, предполагая основными участниками инновационной системы власть, бизнес и университеты⁶⁸.

Имея в виду полисубъектность инновационной сферы, становится понятной причина существования большого количества определений и классификаций

⁶⁸ Farinha L. Triangulation of the triple helix: a conceptual framework [Electronic resource] // Triple Helix Association. Working Paper 1. URL: http://www.triplehelixassociation.org/wp_content/uploads/2013/01/Triangulation-of-the-Triple-Helix-A-Conceptual-Framework.pdf, свободный. Загл. с экрана.

инноваций: инновационная практика охватывает разные сферы деятельности, и в каждой из них формулируются наиболее подходящие определения и типологии. Попытки дать обобщающие определения выглядят неуклюже, так как являются попыткой объять сразу три сферы, трех субъектов и три целевых ориентира. Осложняет задачу и то, что происходит смена лексики научных текстов, в результате чего возникло злоупотребление термином «инновация»⁶⁹. Однако анализ существующих определений инноваций и подходов к этим определениям все же может позволить нам выявить фундаментальные основания инноватики как сферы знания об инновационных процессах.

Первый значимый аспект, который можно выделить в большом количестве определений – это идея *коммерциализации и ориентации на рынок*. Й. Шумпетер считал, что изобретение представляет собой для начала не более чем идею или прототип нового продукта, услуги либо технологического процесса, и только лишь достигнув рынка, оно по-настоящему становится инновацией. Таким образом, инновацию он определил как коммерциализацию всех возможных новых комбинаций, связанных с введением новых организационных форм и процессов, применением новых материалов и компонентов, открытием новых областей сбыта⁷⁰. Другой пример – определение Л. Кокса: «нововведение представляет собой сложную систему, с помощью которой идея или изобретение превращаются в коммерческую реальность в первую очередь. Это означает успешное внедрение продукта или услуги на рынок и в экономику»⁷¹.

Статус «инновации» (в отличие от «новшества» или «новации») получают те действия, которые в итоге имеют экономическое измерение, принесли коммерческий эффект. Наиболее лаконичным образом эта идея выражается в определении Б. Твисса, в котором утверждается, что инновация – это «процесс, в котором изобретение или новая идея приобретает экономическое содержание»⁷².

⁶⁹ Мазаева Т. А. Инновационная экономика в этнокультурной среде [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д, 2007. URL: http://delist.ru/article/15072007_mazaevata/page3.html, свободный. Загл. с экрана.

⁷⁰ Селигмен Б. Йозеф А. Шумпетер и его новатор // Основные течения современной экономической мысли. М., 1968. 600 с.

⁷¹ Американские буржуазные теории управления (критический анализ). М., 1978. С.29.

⁷² Твисс Б. Управление научно-техническими нововведениями. М., 1989. С. 66.

Именно экономическое измерение становится «камнем преткновения» при различении понятий «открытие», «изобретение», «нововведение», и «инновация», дискуссию о содержании которых можно наблюдать в большом количестве книг и учебных пособий. С. А. Лебедев и Ю. А. Ковылин именно по этому критерию отличают изобретение и инновацию: «изобретение – это новый продукт (разработка) или процесс, созданный благодаря применению нового научного знания или при помощи новых комбинаций существующего научного знания; инновация – это начало коммерциализации изобретения при помощи изготовления и продвижения нового товара или услуги на рынок»⁷³. В передовых промышленно развитых странах доминирует именно рыночное понимание инновации. Так, в третьем издании «Руководства по сбору и анализу данных по инновациям («Руководство Осло»), являющегося основным методологическим документом Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в области инноваций, как указывают авторы, инновация определяется как «вывод на рынок нового товара или услуги, внедрение нового процесса производства и продвижения новых товаров и услуг, новых форм организации производства или видов деятельности, создание новых рынков или захват большей доли на существующих рынках. (...) Общим признаком инновации является то, что она должна быть внедрена. Новый или усовершенствованный продукт является внедренным, когда он вынесен на рынок»⁷⁴. О.А. Донских также подчеркивает доминирование экономического понимания инноваций, и, описывая в целом отход от традиционного общества и идей национального государства к обществу господствующего утилитаризма бентамовского типа, когда каждое действие рассчитывается с точки зрения его максимальной полезности, пишет, что «*Homo sapiens* все больше отождествляется с *Homo economicus*»⁷⁵.

⁷³ Лебедев С. А. Философия научно-инновационной деятельности. М., 2012. С. 39.

⁷⁴ Там же. С. 36.

⁷⁵ Донских О.А. Инновационный круг // Инновации как драйвер социо-культурного развития / под ред. В. И. Супруна. — Новосибирск.: ФСПИ «Тренды», 2013. — С. 245.

Направлением экономической мысли, имеющим большое влияние на осмысление инноваций, является эволюционная экономическая теория. Среди всего огромного количества текстов по теме инноваций Фагерберг и Фершпаген выявили то ядро, которое стало центром нового направления. Им стала книга «Эволюционная теория экономических изменений» Р. Р. Нельсона и С. Дж. Винтера, содержащая новую теорию оснований экономического роста, существенно отличающуюся от неоклассической и более адекватную сфере инноваций. Наиболее узкое рыночное понимание инновации дается из контекста маркетинга. Инновация в маркетинге – это вывод новых продуктов на рынок. Ф. Котлер описывает подход к каждому этапу разработки товара - «новинки». Таких этапов он выделяет восемь: формирование идей, отбор идей, разработка замысла товара и его проверка, разработка стратегии маркетинга, анализ возможностей производства и сбыта, разработка товара, испытания в рыночных условиях, развертывание коммерческого производства⁷⁶.

Другой значимой характеристикой большей части определений инноваций является то, что зачастую подразумеваются, прежде всего, *научно-технологические инновации*. Такое положение дел объясняется историей, пройденными этапами инновационного развития. А. И. Неклесса, утверждая, что экономическая деятельность в XX веке основывалась на освоении инновационных пространств, выделяет четыре основных инновационных горнила первой волны: электричество, двигатель внутреннего сгорания, химия и новые средства коммуникации. Вторую инновационную волну автор связывает с ядерной энергетикой, космической промышленностью, индустрией ВПК и компьютерной революцией. Третья волна совпадает с расцветом информационных и финансово-экономических технологий⁷⁷. В работе «Инновация и революция» А. И. Неклесса отмечает, что «сложилось устойчивое «материально-техническое», «вещественное» понимание проблемы, доминированию которого, конечно же, способствовали господство материализма и прагматизма в XX в. Кроме того, подобное состояние ума является

⁷⁶ Котлер Ф. Основы маркетинга. М., 1991. С. 33.

⁷⁷ Неклесса А. И. Инновация и революция // Дружба Народов. 2003. № 4. С. 48.

следствием исторического триумфа промышленной революции, и тот факт, что НТР очевидным образом реализовалась в сфере материального производства, предопределил преимущественное понимание инноватики как чего-то конкретного, «технического», или, по крайней мере, как некоего решения в области производства, именно поэтому и обладающего ценностью»⁷⁸.

Превалирующее сегодня понимание инновации прежде всего в технологическом контексте неудивительно: технологии стали «второй природой» для человека, и опережающее экономическое развитие связывается сегодня именно с технологическим лидерством. В эпоху инновационного развития в обществе крепнет сознание всеисильности наукоемких технологий. Российский философ В. С. Стёпин, описывая современность с помощью понятия техногенной цивилизации, характеризует ее бурным развитием техники и технологий, активным производством новых научных знаний и их конвертацией в технико-технологические процессы, высокими темпами изменения природной среды, предметного мира, в котором живет человек, главенствующей ролью научной рациональности, особой ценностью разума⁷⁹.

Целый ряд схожих определений дается из контекста научно-технического развития, инновация определяется как «комплекс мероприятий, направленных на внедрение в экономику новой техники, технологий, изобретений и т.п.; модернизация»⁸⁰ (С. А. Кузнецов, Большой толковый словарь русского языка).

При этом технологические инновации не всегда рыночно обусловлены, что оговаривается в определении Б. Санто: «инновация – общественно-экономический процесс, который через практическое использование идей и изобретений приводит к созданию лучших по своим свойствам изделий, технологий, и, в случае если инновация ориентирована на экономическую выгоду, прибыль, ее появление на рынке может принести добавочный доход»⁸¹. Такая ситуация возможна при

⁷⁸ Неклесса А. И. Инновация и революция // Дружба Народов. 2003. №4. С. 52.

⁷⁹ Степин В. С. Теоретическое знание. М., 1999. С. 72.

⁸⁰ Кузнецов С. А. Определение инновации // Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998. 1534 с.

⁸¹ Санто Б. Инновация как средство экономического развития. М., 1990. С. 32.

проведении научных исследований и внедрении их результатов в рамках гос. сектора.

Становление инноватики явилось продолжением прогрессистской концепции исторического процесса и стало, как замечает Т. А. Мазаева, теоретическим оформлением внедренческой практики различного рода технических и технологических новшеств в западных фирмах и организациях⁸². Соответственно, в этом подходе изначально заложена идея конструируемости социальной реальности на основе определенных рационально осознанных принципов. Технократические взгляды четко прослеживаются в идеологии инноватики, т.к. понимание инноваций зачастую технологично или технологически детерминировано. Технократическая ориентация инноватики исходит из классического для новоевропейской культуры представления о человеке как субъекте принятия решений на основе рационального подсчета приобретений и потерь. Эта мысль также подтверждается в исследовании инновационной динамики в этнокультурной среде Т. А. Мазаевой, где отмечается, что «в технократически ориентированной инноватике, вышедшей из экономических прикладных исследований о конкурентной стратегии фирм в условиях «гонки за новизной» (товара, услуг, потребности и т. д.), незримой тенью присутствует предприниматель, активный и абстрактный, лишенный этнических черт, субъект рыночного хозяйствования со своей специфической системой ценностей и целерационального действия»⁸³.

Технократические установки инноватики дополняются сциентистскими, характеризующимися тем, что научное знание признается наивысшей культурной ценностью и основополагающим фактором взаимодействия человека и мира⁸⁴. Развитие науки, научные исследования и разработки являются краеугольным камнем для производства инноваций в их современном понимании.

⁸² Мазаева Т. А. Инновационная экономика в этнокультурной среде: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д., 2007.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Швырев В. С. Сциентизм и антисциентизм как типы мировоззренческой ориентации в условиях научно-технической революции // Философские науки. 1974. № 4. С. 20.

Неудивительно, что большинство крупных (западноевропейских и американских) центров и институтов по исследованию инноваций ставят инновации, технологии и науку в один ряд и рассматривают как единое сложное исследовательское поле. Зачастую фокусы исследования дополняются также исследованием политики и правительственных мер по регулированию инновационной сферы. В качестве примера можно привести Школу социальных и политических наук при Университете Эдинбурга, где одним из главных исследовательских направлений указывается изучение науки, технологий и инноваций (ISSTI).

Описывая систему ценностей техногенной цивилизации, В. С. Стёпин включает в нее:

- представление о человеке как деятельностном существе, которое противостоит природе и подчиняет ее своей власти;
- ценность преобразующей, креативной деятельности;
- приоритетную ценность активной, суверенной личности;
- власть человека как над природными, так и над социальными объектами как объектами технологического манипулирования;
- и, наконец, *ценность инноваций и прогресса*⁸⁵.

Остановимся на пункте, представляющем инновации и прогресс как безусловную ценность, подробнее. «Самое главное и действительно эпохальное, всемирно-историческое изменение, связанное с переходом от традиционного общества к техногенной цивилизации, состоит в возникновении новой системы ценностей. Ценностью считается сама инновация, оригинальность, вообще новое», пишет В. С. Степин⁸⁶. Однажды запущенный механизм инновации, постоянно увеличивающий свою скорость, превратился в аксиологический императив эпохи, соглашается с ним Е. К. Краснухина. Лозунгом сегодняшнего дня поистине могли бы стать слова: «Все новое прекрасно!», цитирует она Э. Фромма⁸⁷.

⁸⁵ Стёпин В. С. Цивилизационного развития типы [Электронный ресурс] // Философская энциклопедия. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/9379/%D0%A6%D0%98%D0%92%D0%98%D0%9B%D0%98%D0%97%D0%90%D0%A6%D0%98%D0%9E%D0%9D%D0%9D%D0%9E%D0%93%D0%9E, свободный. Загл. с экрана.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Краснухина Е. К. Отречемся от старого мира? Философия старости: геронтология // «Symposium». 2002. Вып. 24. С. 38.

С технологическим аспектом инноваций непосредственно связана их наукоемкость, являющаяся еще одной значимой чертой доминирующего понимания инноваций. Так, С. А. Лебедев рассматривает инновационную деятельность в совокупности с научной, используя термин научно-инновационная деятельность. В своей работе «Философия научно-инновационной деятельности» автор указывает, что «сущностью развития научно-инновационной деятельности всех развитых стран мира, начиная с конца XIX века, становится всемерное укрепление взаимосвязи между наукой, промышленностью и социальной сферой в целях развития экономики и удовлетворения многообразных потребностей человека, реализации высоких стандартов материальной и духовной жизни общества»⁸⁸. Лебедев выделяет два подхода к пониманию инновации в отечественной и зарубежной литературе. При первом подходе под инновацией понимается «всякое новшество, результат любой творческой деятельности, который находит широкое применение и приводит к значительным изменениям в жизни человека, общества, природы»⁸⁹. При втором подходе значимую роль играют научные исследования: под инновацией понимается такое изобретение, разработка, потребительская стоимость, которая основана, прежде всего, на применении научного знания⁹⁰. Во всех развитых странах, в связи с тем, что научное знание стало теоретической основой материального производства, именно фундаментальные теоретические исследования и поисковые НИР образуют потенциал знаний для инновационной деятельности.

Можно зафиксировать доминирование в российском контексте именно научно-технического и связанного с ним экономического понимания инноваций. Предпосылки этого обусловлены отчасти объективными общемировыми процессами и условиями формирования инноватики как науки и как практики, а отчасти субъективными характеристиками внутренней ситуации, спецификой современного исторического этапа. Анализируя его, эксперты инновационной

⁸⁸ Лебедев С. А. Философия научно-инновационной деятельности. М., 2012. С. 30.

⁸⁹ Там же. С. 32.

⁹⁰ Там же. С. 34.

сферы Д. Медовников и Т. Оганесян пишут, что Россия «вплоть до 1990-х принадлежала к элитному технологическому клубу, а сегодня рискует потерять позиции даже во втором эшелоне»⁹¹, и необходимость технологического рывка подчеркивается во всех стратегических государственных документах и концепциях. В ожидании прихода новой, шестой инновационной волны «у России появляется возможность войти в группу технологических лидеров, не тратя времени на развитие индустриального сектора, бывшего основой прошлых волн»⁹².

Еще один значимый контекст инноватики – управленческая практика. Наибольшее количество определений инноваций и самая сложная их классификация осуществлены в рамках менеджмента как науки об управлении, что связано с необходимостью выработки и постоянного обновления инструментов по управлению инновационным процессом. Философия управления представляется Г. И. Петровой новым состоянием философии, поскольку ранее она считалась «периферийной», по отношению к философии, областью социальности. Процессы новой концептуализации социальной реальности востребуют и нового взгляда на характер управления ею⁹³. В рамках управленческой парадигмы инновации различают по распространенности, по преемственности, по месту в производственном цикле, по степени новизны, по уровню воздействия на процесс производства, и т.д. При этом появляются и осмысляются особые области применения инноваций, свойственные именно бизнес-процессам, такие как организационно-управленческие, маркетинговые, мотивационные инновации, в терминах инноваций понимаются любые обновления, изменения, ведущие к улучшению деятельности организации.

Отметим, что некоторую, весьма малую, часть существующих определений составляют определения, данные в социокультурном контексте. Так, инновация в культурологии – «впервые появляющиеся в данном обществе (культуре) объекты,

⁹¹ Медовников Д. Неявное знание строителей пирамиды. Рыночные и нерыночные каналы трансфера технологий // Эксперт. 2012. № 12 (795). URL: <http://expert.ru/expert/2012/12/neyavnoe-znanie-stroitelej-piramidy/>, свободный. Загл. с экрана.

⁹² Медовников Д. Жребий еще не брошен // Эксперт. 2012. №2 (785). URL: <http://expert.ru/expert/2012/02/zhrebij-eshe-ne-broshen/>, свободный. Загл. с экрана.

⁹³ Петрова Г.И. Когнитивный менеджмент – инновационная стратегия теорий управления в информационном обществе // Вестн. Томского гос. ун-та. 2010 № 2 (10). С. 101-115.

институты, черты, нормы, ценности в результате изобретения или заимствования из других культур»⁹⁴, инновация в социологии – «явления культуры, которых не было на предшествующих стадиях ее развития, но которые появились на данной стадии и получили в ней признание («социализировались»)⁹⁵. Поскольку экономический, управленческий и научно-технический аспект инновации в данном контексте несущественен, то эти определения остаются маргинальными и скорее присваивают популярный термин, чем заново осмысляют его.

Ряд определений содержат ценностные установки, указания на общественную значимость инноваций. В некоторых определениях упоминается удовлетворение общественных потребностей как одна из главных целей внедрения инноваций. Б. Мильнер: «инновация (нововведение) есть способ организации деятельности по воплощению знаний в практические новшества для возможно более полного удовлетворения существующих и новых потребностей индивидов и организаций, социальных групп и общностей, всего общества»⁹⁶.

В ряде определений подчеркивается повышение эффективности и конкурентоспособности, совершенствование, достигаемое за счет внедрения инноваций. Так, П. Н. Завлин, А. К. Казанцев, Л. Э. Миндели определяют инновацию как «использование в той или иной сфере общества результатов интеллектуальной (научно-технической) деятельности, направленных на совершенствование процесса деятельности и его результатов»⁹⁷. О. М. Хотяшева на основе комплексного подхода к инновационному процессу предлагает определение инноваций как «целенаправленно проводимых изменений во всех сферах хозяйственной деятельности компании для адаптации к внешней среде с целью достижения долгосрочной эффективности функционирования компании»⁹⁸. При этом инновации в широкой интерпретации автор понимает как научно-

⁹⁴ Кононенко Б. И. Большой толковый словарь по культурологии. М., 2003. 512 с.

⁹⁵ Новейший социологический словарь / А. А. Грицанов [и др.]. М., 2010. С. 117.

⁹⁶ Управление знаниями в корпорациях /Б. Мильнер [и др.]. М., 2006. С. 11.

⁹⁷ Там же. С. 12.

⁹⁸ Хотяшева О. М. Инновационный менеджмент. СПб., 2007. С. 28.

технический прогресс в рамках отраслей, стран и регионов, а в узком смысле - как конкретные нововведения в деятельности фирмы⁹⁹.

Ряд определений инновации пытается охватить все упомянутые контексты, например определение российского исследователя инноваций С. Е. Крючковой: «Инновация - это сложный процесс, представляющий собой «цепь» взаимосвязанных и сознательно инициируемых изменений, берущий начало в сфере фундаментального знания (с эффективных идей, возникших в результате творческого акта), продолжающийся в научно-технической сфере (где идеи воплощаются в реальность и доводятся до стадии практического использования, имеющего социальную значимость) и завершающийся в сфере потребления (производственного или личного) новым способом удовлетворения уже имеющихся потребностей или созданием новых»¹⁰⁰.

Обобщая анализ существующих разнообразных подходов и определений, можно утверждать, что доминирующими контекстами «картины инновационного мира» являются экономический контекст (коммерциализация и завоевание либо создание нового рынка), научно-технический контекст (разработка новых технологий на основе научных исследований и открытий), управленческий контекст (инновационный менеджмент и его составляющие). Другие контексты представлены меньше и не играют ведущей роли по сравнению с тремя указанными. В частности, социокультурный аспект находится в дефиците, будучи в настоящее время не до конца осмысленным и отрефлексированным, и востребует дальнейшей проработки. Доминирование в инноватике экономического, инженерного (научно-технического) и управленческого контекстов, выявленное при анализе определений инноваций, приведенное выше, основывается на таких базовых онтологических предпосылках, заложенные в инноватику в период ее становления (середина XX века), как прогрессизм, рационализм, прагматизм, эмпиризм, технократизм, сциентизм. Это подтверждается в работе Яна Фагерберга

⁹⁹ Хотяшева О. М. Инновационный менеджмент. СПб., 2007. С. 28.

¹⁰⁰ Крючкова С. Е. Инновации: философско-методологический анализ: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2001. С. 21.

(Jan Fagerberg) и Барта Фершпагена (Bart Verspagen) в работе «Innovation studies – The emerging structure of a new scientific field»¹⁰¹. Авторы провели опросы более 1000 инновационных специалистов со всего мира, при выяснении авторами состава и структуры исследований инноваций (использовалось e-mail-анкетирование и метод «снежного кома») выяснялась базовая профессиональная или научная дисциплина («native discipline») каждого инновационного эксперта. Оказалось, что почти 60% из них это выходцы из экономики (economics). Далее с примерно равными долями идут менеджмент (management), инжиниринг (engineering) и геополитика (geography policy). Небольшую долю имеет социология (sociology). Гуманитарные науки, культурология, психология, история и ряд других специальностей имеют несоизмеримо меньшую долю.

При этом указанные три контекста, при их очевидной взаимосвязанности, не составляют единую целостную картину инновационной реальности, картину инновационного мира, демонстрируя явный дефицит социокультурного содержания. Социокультурные вызовы и риски технократического развития, при котором социокультурное измерение продолжает оставаться в дефиците, описываются в третьем параграфе данной работы.

1.3. Риски технократического развития: социокультурные вызовы

Как было показано, истоками развития инноватики являются индустриализация и научно-технический прогресс первой половины 20 века. Первая «индустриальная модерность» характеризовалась тем, что научно-технические изобретения революционизировали производство товаров, рост производства позитивно сказывался на социальном положении людей (ликвидация нищеты, рост благосостояния, здоровья и личной свободы). Железные дороги повысили мобильность населения, электричество улучшило качество жизни, распространение радио и газет расширило возможности индивидуализации и

¹⁰¹ Fagerberg J. Innovation studies - The emerging structure of a new scientific field // Research Policy. 2009. Vol. 38, iss. 2. P. 218-233.

создания картины мира и своей жизни. Изменение общества в этом плане в первом модерне следовало правилу рациональной цели, которое затем было заимствовано и продолжает использоваться в инноватике, в инновационных практиках: нужно использовать или изобретать только те средства, которые позволяют достичь соответствующей цели. Этим оптимистическим представлениям «первого модерна» соответствует отождествление стремительного покорения природы и прогресса общества.

Однако после этапа интенсивной глобализации на смену идеям модерна пришли социологические теории второй модерности, центральный пункт которых состоит в том, что развитие общества уже не следует этой линейной логике. Инноватика в этом плане выступает значимым фактором того, что заявили о себе разнообразные побочные последствия общественного развития, которые уже никак не вписываются в простую схему средств и целей. Технологический уровень овладения природой качественно изменил развитие, и побочные последствия этого развития серьезно повлияли на все общество. Г. Леманн пишет, что «образцом этих побочных последствий следует считать те проблемы окружающей среды, которые создало индустриальное общество: ими уже нельзя пренебречь безнаказанно. Но всем известное изменение естественной среды – это только наиболее очевидный пример большого числа нелинейных и ненаправленных обратных эффектов, которые впоследствии ужасают само общество»¹⁰². Среди них автор называет рост безработицы вследствие автоматизации труда; автономный образ жизни и повсеместную индивидуализацию; демографический кризис¹⁰³. Осмысление глобальных социокультурных вызовов второго модерна, который в социальной теории определяется как «эпоха побочных последствий», вносит также понимание социокультурных вызовов, порождаемых инновационной логикой. Породившая идеи прогресса и следом идеи непрерывных инноваций первая модерность кажется теперь слишком простой: «в ней известна только плоская схема причины и

¹⁰² Леманн Г. Искусство рефлексивной модерности // Логос. 2010. № 4 (77). С. 89.

¹⁰³ Там же. С. 90.

следствия, и она не учитывает рефлексивного обратного движения, да и не могла бы его учесть»¹⁰⁴.

Исследование глобальных социокультурных вызовов инноватики продолжает линию внимания к побочным последствиям первой модерности и по своему духу соответствует эпохе второго, рефлексивного модерна (в понимании У. Бека), добавляющего к линейной схеме причин и следствий еще третью величину - обратное действие. Таким образом, рефлексия социокультурных вызовов, порождаемых инноватикой, в данной работе соответствует духу «рефлексивной модернизации». Ряд авторов даже вводят различие модернизации и инноватизации по принципу влияния новых технологий на социальный мир, когда модернизация, при совершенствовании разных сфер жизни, в целом не меняет способов формирования отношений в существующих социальных группах и не формирует новых, а инновации же принципиально меняют рамки и способы реализации существующих отношений (О. А. Донских)¹⁰⁵.

В социогуманитарной области знания разрабатывается ряд теоретических концепций и идей, пытающихся охватить существующие процессы развития в их сложности и многообразии, выделить существующие социокультурные вызовы и осуществить прогностические попытки. Современные социогуманитарные и социокультурные исследования, имеющие трансграничный характер, осмысляющие в целом пути развития современной цивилизации, затрагивают суть повсеместной инновизации как значимой черты современности. Зачастую можно встретить весьма критические оценки технологического бума, антропологических трансформаций, порождаемых современностью рисков. В целом ряде современных направлений развития социокультурной мысли можно обнаружить пункты анализа и проблематизации инновационной логики. Разные авторы предлагают свои концепции грядущего, но большинство сходится во мнении, что сейчас происходит слом прежней парадигмы и становление нового типа цивилизационного развития.

¹⁰⁴ Леманн Г. Искусство рефлексивной модерности // Логос. 2010. № 4 (77). С. 89.

¹⁰⁵ Донских О.А. Инновационный круг // Инновации как драйвер социо-культурного развития / под ред. В. И. Супруна. Новосибирск.: ФСПИ «Тренды», 2013. С. 244.

Новый становящийся тип цивилизации иногда называют «антропогенным», подчеркивая уход от технократических установок к установкам антропологического характера, необходимость выработки новых эталонов во взаимодействии людей друг с другом, с природой и техникой, и роль в этих процессах социогуманитарного знания. При этом сегодня сложно соотнести инноватику с какой-то одной конкретной концепцией или теорией общественного развития. Больше всего по ряду характеристик на эту роль подходит идея постиндустриального общества, доминирующие черты которого настолько многогранны, что были описаны целым спектром комплементарных теорий, в частности, теории информационного общества, постмодерна, экономики знаний, экономики, ориентированной на человека, и т.п., акцентирующие внимание на различных доминирующих чертах новой эпохи (Д. Белл, П. Друкер, Ф. Махлуп, М. Кастельс, У. Бек, Й. Масуда, А. Тоффлер, Л. Браун, Н. Штер и др.). Единой синтетической теории пока не сложилось, однако ее общие черты уже можно проследить, и одной из этих черт, безусловно, является перманентная инновационность, ценность нового, инновация как основа развития.

При этом инновация зачастую продолжает пониматься как источник социокультурного развития. В зарубежных концепциях информационного и постиндустриального и обществ инновация связывается с научно-техническим прогрессом и революцией, ведущим к культурному и социальному прогрессу. Например, М. Кастельс в исследованиях информационной эпохи и сетевого общества определяет инновацию как основной источник производительности; схожие техноцентристские идеи наблюдаются у Д. Белла и А. Тоффлера. Отечественные исследователи также отмечали связь инноваций с процессами общественного воспроизводства. Так, взаимосвязь между ростом интенсивности, усложнением процесса воспроизводства и возрастанием типов инноваций исследовал отечественный ученый А. С. Ахиезер. А. Г. Фонотов понимал под культурой непрерывный процесс, включающий в себя общественное воспроизводство, и соотносил культурный прогресс с инновациями, понимаемыми

как инструмент развития в технико-технологическом контексте. Описывая кризис, в которой находится современная техногенная цивилизация, А. Г. Фонотов подчеркивает необходимость сознательной инновационной деятельности во всех сферах культуры. Т. А. Мазаева напрямую связывает развитие культуры с развитием технологий: проводя анализ культурологических смыслов в инноватике, она пишет, что «именно адаптация способствует сохранению и развитию общества, ибо «работает» по принципу «обратной связи». Отсюда процесс инновизации определялся в качестве «культурных мутаций», возникающих в ответ на «вызовы» окружающей среды»¹⁰⁶. Спецификой инновационного общества, характеристикой которого становится всеобщая инновизация¹⁰⁷, выступает постепенное распространение рациональности как главного системообразующего принципа, организующего все сферы жизни¹⁰⁸. Можно констатировать, что социум и культура в первой волне социокультурных исследований инноваций осмысляются как производные от технологического инновационного прогресса.

Социокультурным вызовам, вызванным разрушением традиций, определенных ускоренным технологическим развитием и общественными трансформациями, посвящены исследования многих авторов из самых разных дисциплин, с различными фокусами внимания. Особое внимание уделяется анализу последствий освобождения от традиций. Темп обновления настолько возрос, что усвоение прошлого опыта индивидом становится не только ненужным, но и вредным. Ю. Хабермас указывал, что «благодаря тому, что мы усваиваем прошлый опыт, ориентируясь на будущее, аутентичная современность сохраняется как почка, где продолжают традиции и, главное, берут начало инновации, — одно невозможно без другого, и то и другое сливаются в объективность связи,

¹⁰⁶ Мазаева Т. А. Инновационная экономика в этнокультурной среде [Электронный ресурс] : автореф. дис.... д-ра филос. наук. Ростов н/Д, 2007. URL: http://delist.ru/article/15072007_mazaevata/page3.html, свободный. Загл. с экрана.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Донских О. А. Инновационный тупик // Вестник Омкого университета. 2015. № 1. С. 66.

характеризующей действенную историю»¹⁰⁹. Однако связь прошлого и будущего становится все менее прочной. Так, Э. Гидденс пишет, что сегодня повседневная жизнь освобождается от влияния традиций, а традициям следуют все менее традиционным способом. По мере повсеместно отмечающегося роста темпов инновационных преобразований инновации входят в жесткий конфликт с традициями, а традиции теряют свою роль. «Традиция, подвергшаяся коммерциализации, становится или историческим наследием, или просто китчем. Индустрия туризма превращает традицию в спектакль, лишенный связи с опытом повседневной жизни»¹¹⁰. Гидденс указывает, что дилемма между инновацией и традицией конвертируется в дилемму между свободой действий и зависимостью; космополитизмом и фундаментализмом. Автор также указывает на риски распространения непреодолимых зависимостей как обратной стороны свободы от традиций: «Там, где традиции отступают, нам приходится жить в условиях большей открытости и самостоятельности. ...Но эти свободы несут иные проблемы: общество, живущее «по ту сторону» природы и традиций требует от человека самостоятельных решений, в том числе и в повседневной жизни. Но темной стороной самостоятельных решений становится усиление непреодолимой зависимости. Распространение непреодолимой зависимости (работа, физкультура, еда, секс и т.д.) как идеи и реального явления – его причина в том, что эти сферы жизни, как и остальные, сегодня гораздо меньше, чем прежде, регулируются традициями и обычаями. Как и традиция, зависимость связана с влиянием прошлого на настоящее, и важную роль здесь играет повторяемость»¹¹¹. Инновационная логика развития, ведущая к утрате традиций, также меняет основу самоидентификации личности, в результате чего человек должен гораздо активнее создавать и воссоздавать свою идентичность, пишет Гидденс.

¹⁰⁹ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Пер. с нем., М.: Издательство «Весь Мир», 2003. С.17.

¹¹⁰ Гидденс Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004. С. 61.

¹¹¹ Гидденс Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004. С. 63.

Увеличивающаяся скорость изменений общества ведет к росту рисков его существования, усугубляющемуся разрывом преемственности, связующей прошлое с настоящим через соответствующее образование, способное продвинуть общество к достижению желаемого образа будущего. С тем, что современное общество, без обращения к опыту предыдущих поколений и его анализа, обречено на дальнейшее падение, которое уже не сдерживается *traditio*, согласны многие современные исследователи культуры¹¹².

Инновации предполагают ускоряющиеся изменения, способствуют росту скорости изменений. Это также порождает ряд последствий и эффектов социокультурного плана. Крайний динамизм, неимоверно возросшая скорость изменений всех процессов в обществе приводят к тому, что мир не просто быстро меняется, а становится «ускользающим» (Э. Гидденс), что выражается в темпах изменений в социальных практиках, образцах поведения людей, их индивидуальном сознании и общественном знании, трансформации идентичностей. Эти аспекты четко прослеживаются в дискурсе глобализма (З. Бауман, М. Кастельс, Дж. Арнет). Аурелио Печчеи, основатель и президент Римского клуба, исследовавшего глобальные модели развития человечества, еще в 1980-е гг. писал, что «проблема человеческого вида на данной стадии его эволюции состоит в том, что он оказался неспособным... полностью приспособиться к тем изменениям, которые он сам внес в этот мир»¹¹³. Как отмечается рядом современных исследователей, темпы инновационных преобразований таковы, что времени на усвоение и адаптацию к переменам остается все меньше. Еще в конце 1970 г. Э. Тоффлер описал разносторонние грани этого явления в книге «Футурошок». Книга осмысляет «грохочущий поток перемен, поток настолько мощный в настоящее время, что он опрокидывает институты, производит сдвиг ценностей и высушивает наши корни»¹¹⁴. Автор предостерегает, что «если человек быстро не научится контролировать скорость

¹¹² Мусохранова М.Б., Разумов В.И. *Traditio* как основа сохранения культуры // Идеи и Идеалы. 2017. №4. Т.1. С. 28-39.

¹¹³ Печчеи А. Человеческие качества. М., 1985. С. 43.

¹¹⁴ Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2002. С. 5.

перемен в своих личных делах, а также в обществе в целом, мы обречены на массовый адаптационный срыв»¹¹⁵.

Инновационная реальность сокращает социальную дистанцию и время для людей, проживающих в различных регионах мира. При этом человечество подошло к порогу собственно человеческих возможностей рефлексии быстротечных событий, чтобы принимать по ним адекватные, рациональные, а главное, с гуманными целями решения. Эти идеи, четко выражает отечественный автор А. С. Кравченко: «Могут дать о себе знать диспропорции между динамикой разума, как правило, быстро приспособляющегося к увеличению скорости изменений, и динамикой коллективного бессознательного, ментальности, которые, как известно, весьма инертны. Это может стать латентной причиной стрессов и у вполне здоровых людей. Отсюда следует, что если не очеловечить скорость изменений, имея в виду не только прагматические, инструментальные, но и гуманистические цели преобразований, то возрастают риски для человеческого капитала в виде больших и малых катастроф, а также социальных напряжённостей, страхов и тревог, которые дают о себе знать уже сегодня»¹¹⁶. Ряд современных исследователей инноватики подчеркивают, что «инновационные процессы являются нелегким испытанием для вовлеченных в них людей. Они должны успешно справляться с адаптацией и постоянными изменениями, быть готовыми к обучению, совершенствованию и высокой результативности в условиях дефицита времени и ресурсов»¹¹⁷. Многие исследователи фиксируют возросшие требования к специфическим личностным качествам человека, способствующим «выживанию» в мире постоянных изменений: «процесс формирования личности современного человека во многом определяется все нарастающим противоречием между инновационностью как ценностью цивилизационного развития и инновационностью как фактором, нарушающим привычные формы и средства социокультурной преемственности, воспроизводства базовых характеристик

¹¹⁵ Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2002. С. 7.

¹¹⁶ Кравченко С. А. Динамика современных социальных реалий: инновационные подходы // Социологические исследования. 2010. № 10. С. 18.

¹¹⁷ Громова Л. А. Этика управления. СПб., 2007. С. 66.

культуры личности. В ситуации роста неопределенности (...) формируется потребность в целенаправленном развитии особых личностных качеств, выражающих готовность личности к существованию в условиях инноваций (...)»¹¹⁸.

Социокультурный вызов скорости трансформаций проявляется в увеличении доля короткоживущего социума и уменьшении доли долгоживущего: сокращается время адекватного функционирования институциональных структур, включая идеалы, ценности, авторитеты, знание, которое считается научным¹¹⁹. Учитывая, что за 100 последних лет скорость передвижения увеличилась в 102 раза, связи в 107 раз, обработки информации в 106 раз¹²⁰, культурологи, социальные философы и психологи ставят вопросы о том, какие последствия это будет иметь для общества и душевного здоровья людей в технически развитом мире. Уже сейчас наблюдаются феномены реализации таких девиантных жизненных траекторий, как дауншифтинг (радикальная смена культурных норм: отказ от карьерных перспектив, высокооплачиваемой работы, высокого положения в обществе, ожесточенной конкуренции и связанного с ними стресса, норм консьюмеризма в пользу более гармоничной деятельности, малой занятости, возможности развивать свое хобби, путешествовать и т.д.), эскейпизм (кардинальная смена образа жизни, связанная с отказом от существования в урбанистической среде и пользования современными технологиями и прочими благами цивилизации, переезд в провинцию и овладение натуральным хозяйством)¹²¹.

Переход к информационной эпохе, описанный М. Кастельсом, порождает социокультурный вызов информационной усталости и гиперинформатизации, который обусловлен тем, что в основе информационной эпохи стоит рост знаний, поддерживается знаниевый тип экономики. По данным некоторых источников, знание удваивается каждые 5 - 6 лет. Если данная тенденция сохранится, то к 2050

¹¹⁸ Малянов Е. А. Социально-культурная инноватика: методология, теория и практика : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Тамбов, 2011. 48 с.

¹¹⁹ Кравченко С. А. Динамика современных социальных реалий: инновационные подходы // Социологические исследования. 2010. № 10. С. 18.

¹²⁰ Лисичкин В. А. Третья мировая (информационно-психологическая) война. М., 2003. С. 21.

¹²¹ Гладков П. А. Дауншифтинг и анония: классическая теория Р.К. Мертон и ее современное приложение // Гуманитарные научные исследования. 2012. № 3. С. 45.

г. оно будет удваиваться менее, чем за сутки, и такая динамика пока не выработала средств адекватного осмысления и управления. «Мини научно-технические революции, скачки к инновационному знанию, естественно, влияющие на качество социума, стиль жизни, смену идентификаций людей, проходят почти без инаугураций и становятся частью повседневности», пишет А. С. Кравченко¹²². В социальном плане интенсификация информационных потоков, быстрые темпы возникновения, обновления, утилизации знания, а также необходимость отсева «ненужного знания» («спама») приводят к феномену информационной усталости. За последние 30 лет в мире было произведено большее количество информации, чем за предшествующие 5000 лет¹²³. По данным Калифорнийского университета в Беркли, производство продукции на печатных, пленочных, оптических и магнитных носителях во всем мире ежегодно требует по самым грубым оценкам 1,5 млрд. гигабайт памяти. Избыток данных породил информационный взрыв, со временем ставший перманентным состоянием жизни общества. Немалую роль сыграло развитие инновационных информационных технологий.

Избыток информации, неспособность с ним справиться приводят к стрессам, устойчивому расстройству нервной системы, межличностным конфликтам, болезням человека, что привлекает внимание ученых. Так, А. И. Неклесса пишет, что «гиперинформатизация физически истощает способность человека противостоять шквалу новостей, принуждая в конце концов к их некритическому восприятию (...), что искажает саму основу взаимоотношения индивида со словом, провоцируя его девальвацию, унижение и соответственно исподволь предуготовляя кризис личности, нередко фатальный»¹²⁴. Ключевую роль в привлечении внимания к проблеме гиперинформатизации сыграл нейрофизиолог Дэвид Льюис и его книга «Гибель от информации: информационные перегрузки» (1996 г.), где и был введен в научный оборот термин «синдром информационной

¹²² Кравченко С. А. Динамика современных социальных реалий: инновационные подходы // Социологические исследования. 2010. №10. С. 19.

¹²³ Лисичкин В. А. Третья мировая (информационно-психологическая) война. М., 2003. С. 22.

¹²⁴ Неклесса А. И. Пакс экономикана, или пролог истории. Размышления у дверей третьего тысячелетия // Новый мир. 1999. № 9. С. 134.

усталости» (information fatigue syndrome), отражающий специфическое психологическое состояние человека, ведущее к неверным оценкам, умозаключениям и к принятию неудовлетворительных, даже ошибочных решений¹²⁵.

В связи с описываемыми вызовами и долгосрочными рисками все более остро встает вопрос о социальной ответственности инноваторов в разных сферах деятельности. Сегодня всё чаще представителям многих профессий – инженерам, химикам, биологам, медикам, энергетикам, политикам, и другим – необходимо принимать такие решения и осуществлять такие действия, которые потенциально приближают нас к новым технологическим прорывам и инновациям, то есть, при первом приближении, несут очевидные блага. Однако они же, при осознании их рискогенности в долгосрочной перспективе, неясности социокультурных последствий их внедрения, при выходе за допустимый порог баланса управления и саморегуляции, могут привести к потере управляемости и катастрофическим социальным последствиям.

Развивая эту тему, мы приходим к вопросу о рисках инновационной деятельности и управлении этими рисками. Российский исследователь проблем постиндустриального общества В. Л. Иноземцев в своих работах констатирует, что сегодня выявились два крупных недостатка в подходах к анализу мирового развития. Во-первых, существует чрезмерная сосредоточенность на отдельных хозяйственных, а иногда даже чисто технологических новациях, что не способствует созданию комплексной картины, указывает автор. А во-вторых, наличествует априорное предположение об устойчивости тех или иных выявленных тенденций современности и их абсолютизация, что ведет к искусственному сужению ракурса исследования прогресса человеческой цивилизации и дает основания для игнорирования кризисных моментов и радикальных сдвигов в историческом движении общества, добавляет он¹²⁶. Эти

¹²⁵ Еляков А. Д. Дефицит и избыток информации в современном социуме // СоцИс. 2010. № 12. С. 112.

¹²⁶ Иноземцев В. Л. Концепция постэкономического общества: теоретические и практические аспекты : дис. ... д-ра экон. наук. М., 1998. 392с.

сдвиги иногда являются прямым или косвенным следствием научно-технического прогресса и инновационной логики развития, однако в таком виде постановка вопроса практически отсутствует. В рамках инновационной деятельности исследуются лишь очень конкретные и очевидные (финансовые, маркетинговые, технологические, юридические, экологические и др.) риски – риски инновационных проектов, где риск понимается как потенциальная, численно измеримая возможность потери для инвестора. Риски в отдаленной перспективе, риски, которые берет на себя социум, проблематично брать в расчет, экспертировать, оценивать. Эти рукотворные риски отделяются от своих создателей и обретают собственную спонтанную активность. Э. Гидденс называл такие риски «рисковыми рисками». Последствия такого риска очень сложно предсказать, поскольку эксперты имеют часто неопределенное мнение, а простые люди зачастую узнают о нем лишь тогда, когда уже слишком поздно. «По мере нарастания рукотворного риска, сам риск становится более «рискованным»... в ситуациях, связанных с рукотворным риском, сам вопрос, действительно ли риск существует, чаще всего вызывает споры. Мы не можем знать заранее, когда мы действительно сеем панику, а когда - нет... Мы не можем просто «соглашаться» с выводами ученых, хотя бы потому, что ученые так часто не соглашаются друг с другом, особенно в ситуациях, связанных с рукотворным риском»¹²⁷.

Отметим, что инновационная логика развития в этом смысле парадоксальна: она имеет одной из своих базовых характеристик ориентацию на будущее, однако при этом в ее рамках очень мало проработаны способы отслеживания и тем более управления долгосрочными социокультурными результатами и эффектами разного рода инноваций. При анализе происходящих процессов здесь необходимо различать собственно реализацию (как «искусственное» или «искусственно-естественное» действие) и ее последствия (как «естественные» процессы), а также распространение инноваций по различным слоям реальности. «Если новшество носит мыслительный характер, реализация локализуется также в этом слое, но

¹²⁷ Гидденс Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004. С. 44, 47.

последствия распространяются вниз (например, новая логика может породить новые технологии и т.д.). Если, напротив, новшество адресовано в материально-вещественный слой, «по дороге» оно преобразует и социальный. Неизбежны также вторичные социальные последствия преобразований материально-вещественной среды: вспомним хотя бы последствия крупномасштабного строительства»¹²⁸, пишут М. В. Рац и М. Т. Ойзерман в работе «Размышления об инновациях» о взаимосвязи идеально-мыслительного, материально-вещественного и социально-культурного слоев реальности.

Точно так же долгосрочные социально-экономические вызовы для России, такие как урбанизация, демографические процессы, социально-экономические проблемы, обусловленные старением населения, геополитические факторы, ограниченный доступ к ключевым технологическим компетенциям, изменения климата и его экологические последствия, с одной стороны, связываются с востребованностью новых технологий¹²⁹, с другой стороны, выступают предметом рассмотрения ряда социальных наук, поскольку как это формулирует Н. Штер, «парадокс заключается в том, что именно наука и техника являются главными источниками растущей неопределенности современных общественных отношений»¹³⁰.

Здесь фиксация социокультурных дефицитов инноватики смыкается с критикой сциентистского технократического мировоззрения. В основании такой критики лежат положения, развитые в рамках философии техники, исследующей феномен техники, ее имманентное развитие и место в общественном развитии в целом в широкой исторической перспективе. Эти положения описывают безграничные не только возможности, но и опасности, которые несет техника (П. Энгельмейер, Э. Капп, Н. Бердяев, С. Булгаков, К. Ясперс, О. Шпенглер, Л. Мамфорд, Х. Ортега-и-Гассет, отечественные авторы - В. Г. Горохов,

¹²⁸ Рац М. В. Размышление об инновациях [Электронный ресурс] // Вопросы методологии. 1991. № 1. URL: <http://www.fondgp.ru/lib/mmk/167>, свободный. Загл. с экрана.

¹²⁹ Долгосрочные социально-экономические вызовы для России и востребованность новых технологий / А. Ю. Апокин // Форсайт. 2015. Т. 9, № 4. С. 6-17.

¹³⁰ Штер Н. Мир знания // Социологический журнал. 2002. № 2. С. 31.

В. В. Чешев, В. М. Розин, В. С. Степин и др.). В рамках современной философии техносферы особо выделяется исследование антропологического измерения техногенной цивилизации (Н. В. Попко, А. В. Григорьев, Д. И. Кузнецов). Техника осмысливается как фундаментальный фактор социального мира, исследования техники приобретают регулярность и системность, выходят в число приоритетных мировых исследований. При этом сегодня наблюдается переход от узкого осмысления структуры и динамики технического развития к комплексному междисциплинарному анализу, связанному с социальной философией, философской антропологией, философией науки и другими социогуманитарными направлениями, что, однако, вызывает и определенные трудности и противоречия методологического, социального, политического, этического, аксиологического характера.

Технократические взгляды, представляющие технологический детерминизм, полагающие определенность технических новаций, направлений развития техники и масштабность ее применения некими универсальными критериями – т.н. «технооптимисты» - имеют своих противников, эта оппозиция имеет длительную (весь XX век) и неоконченную историю. На современном этапе происходит переосмысление самой технократической парадигмы, вызванное отходом от примитивно-прогрессистских представлений о развитии техники и ее всесии, гуманизацией производственной сферы. Современный неотехнократизм, появившийся как ответ на угрозу экологического кризиса и возросший технологический риск, хоть и представляет собой попытку соединить методологию технологического детерминизма с другими детерминантами, соединяя устаревшие теории постиндустриализма с новыми концепциями информационного и компьютерного общества (Масуда, Нэйсбит), делая акцент на сбалансированном соотношении между материальными и духовными ценностями, между техническими и гуманитарными знаниями, предлагая привлекательный образ общества, в котором решены существующие экологические, социальные, антропологические проблемы, однако все же далек до воплощения в реальности и сегодня в чистом виде имеет маргинальный оттенок из-за взаимосвязи с

социалистическими идеями. Альтернативой технологическому детерминизму многим видятся комплексные программы, соединяющие результаты исследований в социологии, психологии, экономике, и других гуманитарных дисциплинах. Например, предлагаемое М. В. Розиным развитие гуманитарных технологий, которое подразумевает, что а) технология гуманитарно ориентирована; б) работа гуманитария особым образом, с ориентацией на построение гуманитарной технологии, переописана; в) конкретные варианты гуманитарных технологий выстроены, с использованием практик обучения и институционального обеспечения. При этом, как указывает автор, остается нерешенной ключевая проблема сохранения при процессе технологизации уникальности и личности, присущей гуманитарному подходу¹³¹.

Итак, долгосрочные эффекты инновационной деятельности влекут за собой разнообразные социокультурные трансформации, не всегда предсказуемые, часто кардинально меняющие жизнь человека, его образ жизни. Уже в 80-е гг. было понятно и очевидно, что новая техника вынуждает человека не только иметь дело с конфликтами, но даже и менять свой образ жизни, утверждает Б. Санто, однако на тот период еще было не ясно, до какой степени частота и скорость смены образа жизни могут быть увеличены в системе требований форсированной инновации, поскольку мы мало знакомы с методами отвода или устранения психической нагрузки, сопровождающей перемены¹³². Понимая, с одной стороны, объективность процессов, приведших к доминированию инновационной логики развития, и принимая неконкурентоспособность теорий, призывающих отказаться от прогресса и развития техносферы, а также фиксируя существующие сложности в решении обозначенных выше проблем соединения гуманитарной и технической логик, с другой стороны нельзя игнорировать нарастающее количество алармистских настроений, социальных, моральных, этических противоречий, которые несет в себе инновационная логика. Сциентизм породил антисциентизм, а в рамках футурологических представлений имеются пессимистические

¹³¹ Розин В.М. О возможности построения гуманитарной технологии // Идеи и Идеалы. 2017. №1. Т.1. С. 18.

¹³² Санто Б. Инновация как средство экономического развития. М., 1990. С. 256.

социальные концепции неизбежности «глобальной катастрофы» при существующих тенденциях развития общества (Дж. Форрестер, Д. Медоуз, Р. Хейлбронер). Об опасности вступления в сингулярность, в «социальную черную дыру»¹³³, предупреждают многие футуристы и исследователи современного общества. «Такого острого напряжения между претензиями разума, науки - с одной стороны, и срывами общественного сознания в иррациональную стихию насилия, мистицизма - с другой, человечество, пожалуй, еще не знало», пишет Г. Л. Тульчинский¹³⁴. Ярko негативную оценку современности как эпохи перманентного инновационизма, осознание и выражение современности через кризис (культуры, искусства, экологии, демократии, нравственности, науки, и т. д.) можно встретить в ряде работ как западных, так и отечественных философов. Ярким примером являются работы В. Кутырева. Наука и техника, урбанизация, микромиры, космос, генетика, информатика, виртуальные реальности - вот что определяет нашу жизнедеятельность, утверждает он¹³⁵. Кутырев указывает, что «причиной глобального кризиса человечества является обострение противоречия между естественными и искусственными формированиями на Земле «постчеловеческой» реальности. Предотвращение его перерастания в катастрофу обуславливается нашей способностью сдерживать экспансию техники, сохранить нишу природного бытия. Исследуются опасности космизации Земли, амбивалентность надежд на ноосферу и бессмертие, постмодернистская трансформация духа в разум и культуры в «тектуру». Автор описывает постмодернистское технологическое общество как постпрогрессивное, когда прогресс превращается в прогрессизм и далее в трангресс, переступающий через человека, где новое не соотносится со старым, а будущее с настоящим и прошлым, где правит перманентный инновационизм и «непрерывная революция», не развивающая систему, а порождающая измышленные конструкты¹³⁶. Автор видит

¹³³ Донских О. А. Инновационный тупик // Вестник Омкого университета. 2015. № 1. С. 66.

¹³⁴ Тульчинский Г.Л. Трансцендентальный субъект, постчеловеческая персонология и новые перспективы гуманитарной парадигмы. // Я. (А. Слинин) и МЫ. К 70-летию профессора Ярослава Анатольевича. СПб., 2002. С. 528-555.

¹³⁵ Кутырев В. А. Крик о небытии // Вопросы философии. 2007. № 2. С. 66.

¹³⁶ Там же.

проблему в том, что необходимо защититься от новаций, ибо все нужное, по мнению автора, для здоровой, нормальной жизни уже изобретено. Наука и техника видятся ему работающими на пресыщение и развращение человека. «Если бы человечество было «в своем уме», то девиз его выживания должен бы быть: «не торопиться», а не ... стремление к все более быстрому и бессмысленному развитию», утверждает Кутырев¹³⁷. Не соглашаясь с данным автором, а также рядом других авторов, высказывающих крайнюю позицию о том, что человечество не нуждается более в новых изобретениях и открытиях, технологиях, повышающих качество жизни, все же отметим справедливость призывов к «замедлению» и более вдумчивому, рефлексивному отношению в происходящим стремительным трансформациям.

Перечисленные социокультурные вызовы инновационного развития ставят вопрос о том, каким образом данные проблемы могут осмысляться и решаться. Здесь уместно вспомнить, что исторически термин «инновация» и осмысление феномена инновации пришли к нам из теории культуры, и, хоть потом этот термин стал активно заимствоваться экономическими науками, в теории культуры продолжают попытки исследовать инновацию как социокультурный феномен, влияние на культуру в целом новаторства как нового принципа организации мышления и деятельности. Поэтому согласимся с Т. А. Мазаевой в том, что сама проблема инновации должна решаться в рамках социокультурной методологии, нацеленной на соединение личностного, историко-культурного и теоретически-обществоведческого материала. Изобретение, научное открытие, новую идею можно понимать не просто как промышленный, научный или технический факт, но и как феномен культуры, и именно культура и ценности «ядра» культуры прежде всего задают параметры, границы и возможности инновационного процесса¹³⁸.

С необходимостью рассмотрения инноваций в рамках социокультурной методологии согласны многие авторы, исследующие данную тему. Так,

¹³⁷ . Нилогов А. С. О чем был «Диалог мировоззрений»? Интервью с В.А. Кутырёвым // Вестник Российского философского общества. 2012. № 4. С. 63.

¹³⁸ Мазаева Т. А. Инновационная экономика в этнокультурной среде: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д., 2007. URL: http://delist.ru/article/15072007_mazaevata/page3.html, свободный. Загл. с экрана.

А. В. Теркина подчеркивает, что в современных исследованиях изучение феномена инновации уходит от рассмотрения инновации как сложного целостного социокультурного феномена, сковано узкими рамками технико-экономической среды¹³⁹. Е. А. Малянов представляет социально-культурную инноватику новым перспективным направлением исследований, решающим междисциплинарную задачу рассмотрения современной общественной практики с точки зрения многоплановости ее антропокультурных оснований, многообразия и взаимодействия порождаемых ею реальностей и смыслов. Он указывает на необходимость «объединить в одной теоретической плоскости и критически переосмыслить с позиций социально-философской рефлексии и практических задач деятельности в сфере культуры важнейшие основания социально-культурной инноватики, антропологическую меру социокультурных трансформаций»¹⁴⁰. Эта работа призвана способствовать ассимиляции инновационных измерений реальности и новой интеграции человека в целостные порядки бытия. Э.С. Маркарян, предлагая деятельностную концепцию культуры, условие сохранения человечества видит в изменении технократического типа развития, в установлении баланса в современной цивилизации, разработке качественно новых знаний, в том числе, основ общей культурологической теории для формирования идеологии самосохранения человечества, базирующейся на идее развития как условия выживания. Н. Т. Арефьева, соглашаясь, что в жизни общества наблюдаются серьезные трансформации, связанные с развитием наукоемких технологий, расширением сферы услуг, формированием новой технократической элиты, значительным возрастанием роли технических знаний, пишет, что при этом «именно культура является инерционной сферой, отличается медленным ходом изменений, склонностью к сохранению прежних форм даже при распространении социальных изменений в обществе»¹⁴¹. Н. Т. Арефьева указывает на необходимость

¹³⁹ Теркина А. В. Инновация как социокультурный феномен: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2009. URL: www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/abstract/Terkina_AV/, свободный. Загл. с экрана.

¹⁴⁰ Малянов Е. А. Социально-культурная инноватика как направление научных исследований // Мир науки, культуры и образования. 2010. № 2 (21). С. 28-36.

¹⁴¹ Арефьева Н. Т. Прогнозирование и его социокультурные цели [Электронный ресурс] // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение», №4, 2010. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/4/Arefieva/> свободный. Загл. с экрана (дата обращения 15.05.15).

привлечения внимания общества к стоящим перед ними или только дающим о себе знать, появляющимся вызовам инновационных проектов, острейшим проблемам человечества. «Сколь бы не казались парадоксальными и полемичными проекты социокультурного развития, в любом случае они заставляют общество обратить самое пристальное внимание на них и осознать масштаб и угрозу этих проблем», указывает автор¹⁴². Опираясь на идеи П. Штомпки, У. Огбори, Р. Дарендорфа, автор отмечает, что процесс социального становления всегда протекает с использованием наличествующей культурной среды, поэтому культура выступает как дуалистичное явление, являясь одновременно и средством изменения, средой изменения, и продуктом изменения¹⁴³.

Одним из самых ярких примеров упования не на технологическое, но на социокультурное решение текущих глобальных проблем может служить второй за 50 лет существования доклад «Римского клуба», выпущенный в 2018 году, авторитетно выражающий взгляды самой передовой части мировой интеллектуальной и политической элиты. Доклад призывает пересмотреть философские основания, фундирующие текущее состояние мира, находящегося в опасности, и изменить мировоззрение человечества. По утверждению авторов доклада, экономика будущего должна стремиться не к росту, а к устойчивости, и не максимизировать частную выгоду, но увеличивать общее благо. Авторы призывают культивировать новые, более соответствующие образу желаемого будущего ценности. Образование, среди прочего, должно фокусироваться на будущем, сохранении мира и планеты, экологических ценностях, взаимосвязанности и устойчивости в развитии, включать культуру интегрального мышления и разнообразие позиций, так как именно культурное разнообразие необходимо для социальной эволюции, так же, как генетическое разнообразие - для эволюции биологической.¹⁴⁴

¹⁴² Арефьева Н. Т. Прогнозирование и его социокультурные цели [Электронный ресурс] // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение», №4, 2010. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/4/Arefieva/> свободный. Загл. с экрана (дата обращения 15.05.15).

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ Weizsaecker, E., Wijkman, A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. Springer, 2018. 220 p.

При рассмотрении культуры как средства инновационных трансформаций становится все более очевидно, что она играет весьма значимую роль, определяет отношение к инновациям, наличие инновационного типа мышления. В данном контексте культура понимается в широком смысле как комплекс, включающий в себя знания, верования, искусство, мораль, законы, обычаи и любые другие способности и привычки, приобретенные человеком, как членом общества. Также уместно определение Хофстеде, который определяет культуру как «коллективное программирование сознания, которое отличает членов одной группы от другой, совокупность общих характеристик той или иной группы, влияющих на их отношение к окружающей действительности»¹⁴⁵.

В различных исследованиях было выявлено влияние культуры на экономическое поведение (А. Смит), на государственную политику (Ф. Фукуяма), на национальные институты и бизнес-системы (Хофстеде), на экономический рост и креативность (Ариети). Так, Д. Лоу и Р. Вествуд также исследовали взаимосвязь между инновациями, культурой, креативностью. Авторы изучили, как разные культуры воспринимают креативность и какие социальные и культурные факторы лежат в основе имеющегося различного отношения к инновациям. Авторы делают однозначные выводы о том, что культура влияет на творческие и инновационные процессы, а креативность и инновационная способность являются сложными психосоциальными феноменами, включающие многие факторы, в том числе и культуру¹⁴⁶.

Для преодоления технократической ориентации инноватики важно более глубокое понимание взаимосвязи культурных инноваций и технологических инноваций. Указание на недостаточность таких представлений мы находим у многих современных авторов. Например, А. Ястребов пишет, что «инновационность из модного лозунга должна превратиться в системный

¹⁴⁵ Голдырева В.А. Взаимосвязь культурных ценностей и отношения к инновациям // *Liberal Arts in Russia*. 2013 (2). № 5. С. 427.

¹⁴⁶ Westwood R., David R. Culture, Creativity and Innovation. *International Journal of Cross Cultural Management*. 2003. Vol. 3. Pp. 235.

механизм, который позволит культуре перейти в новое качество. (...) Устоявшееся представление о том, что инновации – синоним создания и внедрения технологий – недостаточны. На самом деле, понятие инноватики шире»¹⁴⁷.

Итак, в целом логика исследования социокультурного измерения инноватики в данном параграфе концентрируется на последствиях и эффектах инновационной деятельности, порождаемых ею социокультурных вызовах, необходимость чего активно обсуждается представителями социогуманитарных областей знания, что соответствует духу «рефлексивной модернизации». Было показано, что сегодня все больше исследований посвящены таким социокультурным вызовам, как влияния темпов технологических изменений на социокультурные практики, образцы поведения людей, образы жизни и привычки; исследуются трансформации самоидентификации личности («цифровые кочевники»), кризис и дробление идентичностей, распространяющиеся непреодолимые зависимости. Все большее внимание привлекают «рисковые риски», а также информационная усталость и гиперинформатизация, девиантные жизненные траектории.

При систематизации социокультурного измерения на основании степени его интегрированности в инновационный дискурс на основании проделанного обзора можно выделить: а) актуальное социокультурное содержание инноватики, к которому относятся, прежде всего, социо-экономические аспекты инноваций (влияние инноваций на динамику занятости, вопросы инновационного предпринимательства и качеств предпринимателя, концепция «социальной способности» в рамках теории национальных инновационных систем); б) самостоятельные области социогуманитарного знания, развивающиеся во взаимосвязи с теорией инноваций (связь инноваций с процессами общественного воспроизводства; концепции инновационного общества; вопросы возникновения и распространения культурных нововведений; разработки в области психологии и социологии инноваций); в) латентное, потенциальное социокультурное содержание инноватики, на сегодняшний день мало интегрированное в

¹⁴⁷ Ястребов А. Пушкин и пустота. Рождение культуры из духа реальности // М.: РИПОЛ Классик, 2012. С. 214.

инновационный дискурс, источниками которого выступают философия и социология техники, представления о социотехнических системах, исследования общества риска, этические аспекты внедрения новых технологий, социокультурное прогнозирование и сценирование, социокультурная и гуманитарная экспертиза. Основными ресурсами для инноватики здесь выступают: теория культуры и социокультурный подход (анализ параметров, границ и возможностей инновационного процесса, процессы принятия, адаптации, сопротивления инновациям), социальная теория (возросшие темпы изменений в социальных практиках, образцах поведения людей, их индивидуальном сознании и общественном знании, трансформации идентичностей, проблемы усвоения новшеств и адаптации к переменам), психология (психология инновационной деятельности и психология перемен), антропоцентристский подход к исследованию техносферы (прогнозирование техногенных изменений в человеческой жизни, порождаемых технологическими изменениями этических вопросов, постановка вопросов об ответственности субъектов порождаемых изменений, социокультурная экспертиза) и возникающие на их пересечениях новые междисциплинарные течения в науке и практике.

Как было показано, до последнего времени социальные и социокультурные инновации являлись вторичными по отношению к технологическим, и именно последние легли в основу понимания и определения инноваций, инновационного процесса. Между тем, исследование инноваций в рамках изучения культуры имеет глубокие корни и могло бы внести существенный вклад в современную инноватику. Оно тесно связано с сопоставлением традиций и инноваций, что перекликается с культурой выбора использования технологических новшеств и постоянного отказа от имеющихся привычек и навыков. Культурологическое представление о культурной диффузии уже послужило в вопросе понимания принципов распространения и тиражирования инноваций, с переносом из культурологического поля смыслов в экономическое. Вопрос культурных девиаций и их предела совершенно точно описывает опасения технократических лидеров по поводу границ применимости тех или иных технологий, и границы

здесь важны не столько экономические, сколько социальные, этические, культурные. Инновационная патология как синдром “новизны во что бы то ни стало” обсуждается в рамках культурологии в парадигме противостояния модерна и постмодерна.

Однако большинство идей и наработок в области философии культурных инноваций пока не нашли достойного места в современной теории инноваций. Несмотря на то, что инноватика междисциплинарна, а решаемые в ее рамках задачи чрезвычайно разнообразны, тесные взаимосвязи и взаимообусловленности не структурированы, не выстроены, что ведет к дефицитности социокультурного измерения и его малой интегрированности в инновационный подход. Это приводит к таким последствиям, как сужению потенциала инновации как сферы знания и практики, непредсказуемым и неуправляемым прямым и косвенным негативным социальным и социокультурным эффектам инновационного технологического развития, сложностям с управлением социокультурными рисками, дефициту понимания субъектов ответственности за эти риски. Как было показано выше, социокультурные условия реализации инновационных устремлений все более вступают в противоречие с целями и задачами инноватики как безусловного источника социальных благ, усиливая этим социальную напряженность. В настоящее время это не соответствует принципам общественного развития в рамках современной гуманистической парадигмы. Решение указанным проблем видится нам в актуализации социально-культурного аспекта инноватики как теории и практики, идей и наработок философии культурных инноваций. Перспективы вектора развития инноватики, открываемые углублением ее социокультурного измерения, подробно описываются во второй главе работы.

2. Потенциал развития социокультурного измерения инноватики в решении глобальных и локальных проблем инновационного развития

2.1. Перспективы инноватики в разрешении последствий и эффектов глобальных социокультурных трансформаций

В первой главе была продемонстрирована дефицитность социокультурной рефлексии инновационной реальности в рамках современного инновационного подхода. Это означает, что наблюдается узость, однобокость понимания инноваций и инновационного процесса, их условий и последствий. Гораздо чаще в фокус внимания попадают экономические, технологические, управленческие аспекты инновационных процессов. Это объясняется рациональностью, практикоориентированностью, нацеленностью на конкретный измеримый результат большей части инновационных практик. Однако при этом в долгосрочной перспективе инновационные преобразования также серьезным образом меняют жизнь людей, как в настоящем, так и в будущем, инновационные ценности трансформируют представления о должном, задают новые стандарты жизни и деятельности; инновационная реальность формирует человека особого типа, с соответствующими качествами и установками. Долгосрочные последствия и эффекты инновационной логики развития отражаются в глобальных социокультурных трансформациях.

Таким образом, углубление дефицитарной социокультурной рефлексии инноватики позволяет концептуально обогатить ее практический, внутренний контур, расширить предметное поле. Такой подход соответствует современному пониманию способов развития научного знания, а именно представлению о том, что теоретическое исследование, оперирующее идеализированными объектами, способно открывать новые предметные области до того, как они начинают осваиваться практикой¹⁴⁸. Поскольку инноватика находится на стадии расширения и более детальной проработки своего предметного и проблемного полей, именно

¹⁴⁸ Степин В. С. Теоретическое знание. М., 1999. С. 16.

эта задача решается во второй главы данной работы при описании перспектив развития социокультурного измерения инноватики.

В настоящее время появляется все больше подтверждений тому, что социокультурное содержание становится все более востребованным в рамках инноватики. Так, например, инновационная модель «тройной спирали» получила развитие в виде «четверной спирали», где указывается, что «наряду с наукой, промышленностью и государством ключевую роль в инновационном процессе играет общество, которое зачастую является конечным пользователем инноваций и поэтому существенно влияет на создание знаний и технологий – через спрос и реализацию пользовательской функции»¹⁴⁹. Социум и культура включаются в инновационную цепочку как подсистема гражданского общества, в основе которого лежат СМИ и культура, образующие в совокупности две формы капитала: социальный (определенные культурой, традиционные ценности и т. п.) и информационный (телевидение, интернет, газеты и т. п.).¹⁵⁰ Пользователи выступают движущей силой инноваций. Идею развития гражданского общества как условие перехода к экономике знаний обосновывает и О.А. Донских¹⁵¹, делая упор на развитие системы образования.

Если обратиться к дискуссиям, происходящим сегодня по поводу развития направления «инноватика» в мире в ведущих инновационных центрах, то также обнаруживается, что движение в сторону более тесной интеграции социогуманитарного знания уже началось. Так, в докладе «Двадцать направлений развития инноватики» университета Оксфорда за 2013 год говорится, в том числе, о необходимости более системного рассмотрения технологических инноваций, о необходимости перехода от рискованных инноваций к социально-ответственным инновациям, о необходимости развития плодотворного взаимодействия с

¹⁴⁹ Carayannis E., Grigoroudis E. Quadruple Innovation Helix and Smart Specialization: Knowledge Production and National Competitiveness. Foresight and STI Governance, 2016. – vol. 10 (1). – P. 31.

¹⁵⁰ Там же. С. 37.

¹⁵¹ Донских О.А. Модернизация – инноватизация – экспертная рефлексия // Инновационный человек и инновационное общество. Под ред. В. И. Супруна. Н.: ФСПИ «Тренды», 2012. С. 238 – 252.

исследователями социума и культуры из смежных дисциплин. Особо выделяются т.н. «скрытые» инновации, например, институциональные, финансовые, культурные, социальные, которые пока не могут быть «схвачены» в традиционных показателях инноваций, поскольку «невидимы» для существующих инструментов измерения инноваций. К «невидимым» относятся многие нововведения, связанные с глубокими социальными изменениями, такие, как социальные сети, «низовые инновации» в Индии, микрофинансирование или инновационное использование мобильных телефонов фермерами в Африке, порожденные развитием технологий. Все это, как правило, не учитывается в традиционных показателях инноваций¹⁵².

Инноватику в этом смысле требуется «разгерметизировать», освободить от довлеющей рациональности техно- и экономоцентризма, открыть для философской рефлексии. Это является первым и необходимым условием на пути к поиску новых решений, связанных с развитием инновационных технологий в свете описываемой социокультурной проблематики. Описанные в первой главе когнитивные преимущества концепции инноватики, связанные с ее практикоориентированностью, междисциплинарностью, с внутренним синтезом знаний, с непосредственной связью с макромасштабом в области принятия решений, дают основания надеяться на то, что социокультурное содержание станет значимой областью разработок, экспертизы и решений в инновационной практике в ближайшем будущем. Именно в этом и заключается разница в обсуждении социокультурного измерения инноватики и социокультурных последствий научно-технического прогресса, хотя такое обсуждение кажется внешне схожим. Инноватика видится более перспективной с позиций присущих ей политических, управленческих, экономических и – в перспективе – социокультурных ресурсов, и является в своем потенциале той площадкой, где происходит пересмотр устаревших аксиом и ценностей научно-технического прогресса.

¹⁵² Martin, B.R. Twenty challenges for innovation studies [Electronic resource] / Centre for Business Research, University of Cambridge / Working Paper No. 443. 2013. – URL: https://www.cbr.cam.ac.uk/fileadmin/user_upload/centre-for-business-research/downloads/working-papers/wp443.pdf, free. – Tit. screen (access date: 01.05.17).

Другим значимым примером, подтверждающим движение инноватики в сторону развития социокультурного содержания, является пример конкретных инновационных технологий, а именно - конвергентных технологий, которые представляют собой «большую четверку» технологий, в которую входят информационно-коммуникационные технологии, биотехнологии, нанотехнологии и когнитивные технологии (НБИК). Эти технологии возглавляют мейнстрим инновационных разработок мирового уровня значения, соотносятся с шестым технологическим укладом, и представители естественных наук считают, что будущее за развитием этих технологий и за междисциплинарными исследованиями в области химии, физики и биологии. Многими исследователями сегодня утверждается, что необходимо осмысление перспектив изменения жизненного мира человека под воздействием конвергентных технологий. При этом ряд исследователей высказывают мысль, что возможность контроля за социальными последствиями лавины инноваций уже утрачена безвозвратно и остается лишь иметь дело с результатами и эффектами. В качестве примера приводится исследование влияния на развитие общества пренатальной диагностики и успехов в расшифровке генома человека. «Пренатальная диагностика не только помогает выявить наличие генных заболеваний на ранней стадии развития плода, но и, как выявили социологи, может привести к половой селекции. Так, в странах, где рождению мальчика придается большое значение, например, в Индии, Китае и Турции, в начале 1990-х годов половая селекция приняла такие масштабы, что пренатальное установление пола без медицинских показаний было законодательно запрещено»¹⁵³. Когда успехи ученых в расшифровке генома человека доказали присутствие генного компонента во многих болезнях, то оказалось, что «генный анализ не только помогает рассчитать риски наступления заболевания и подобрать индивидуальную терапию, но и является источником новых страхов и дискриминации людей: их стигматизации, исключения или ущемления в

¹⁵³ Гиряева В. Н. Конвергентные технологии как шанс и вызов для устойчивого развития (на примере нанотехнологий) // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2011. № 10. С. 14.

правах»¹⁵⁴. Такие изменения в жизни общества и становятся объектом внимания социологов-теоретиков и представителей эмпирических исследований в социологии, однако обычно исследования ведутся уже постфактум, исследуются результаты и эффекты принятых технологических решений. В. Г. Горохов указывает, что реальная опасность может заключаться в том, что человечество просто не успеет вовремя провести оценки и выработать меры предосторожности, а общественная дискуссия о таких опасностях отстает примерно на пять лет от их внедрения в жизнь¹⁵⁵.

В. А. Лекторский, обсуждая социокультурный вызов со стороны конвергентных технологий (НБИК), описывает новый этап технологического развития как разрушение жизненного мира человека, а точнее, тех инвариантов этого мира, которые делают человека человеком, поскольку эти новые технологии провоцируют развитие и формулирование новых биотехнологических утопий (трансформация человеческой телесности и психики, создание «постчеловека», достижение бессмертия и т.д.)¹⁵⁶. Многие исследователи соглашаются, что конвергентное развитие НБИК создает чрезвычайно мощные, небывалые средства для преобразования человека и социума, но вместе с тем и столь же масштабные риски и угрозы будущему человечества. «Кумулятивный эффект, создаваемый конвергенцией этих технологий, определяется быстрым развитием соответствующих им областей знания. Мы являемся свидетелями небывало высокого темпа инноваций. Некоторые из них затрагивают фундаментальные основы жизни и чреваты непредсказуемыми последствиями»¹⁵⁷, утверждают участники круглого стола, посвященного НБИК-технологиям, проведенного в 2013г. Институтом философии РАН. При этом «поток новаций растет в геометрической прогрессии, но это влечет столь же быстрое нарастание новых проблем. И нынешняя ситуация такова, что контроль над размножением проблем

¹⁵⁴ Гиряева В. Н. Биополитика в Германии: от теоретических дебатов к эмпирическим социальным исследованиям // Социальные и гуманитарные науки. 2010. № 3. С. 38.

¹⁵⁵ Горохов В.Г. Конвергенция биологических, информационных, нано- и когнитивных технологий: вызов философии (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2013. №1. С. 3-23.

¹⁵⁶ Там же.

¹⁵⁷ Там же. С. 26.

уже фактически утрачен», замечают участники. Звучит указание на возникающие проблемы социогуманитарного плана: социального прогнозирования, системного управления и контроля, критериев оценки вероятных и уже достигнутых результатов, методов эффективной экспертизы, на сопровождающие инновации юридические и этические проблемы. Для решения этих проблем НБИК-сообщество в России указывает на необходимость включения в систему НБИК социокультурной составляющей (превращение НБИК в НБИКС), в том числе социальных технологий, которые призваны осуществлять оценочные и контролирующие функции, и приоритетное значение социогуманитарного знания и технологии в развитии современной технотехники¹⁵⁸. Эксперты выделяют такие философские и мировоззренческие проблемы, порождаемые НБИК-конвергенцией, как различие живого и неживого, различие между мыслящей системой, обладающей разумом и свободной волей, и жестко запрограммированной системой, этическую сторону «цифрового бессмертия», вопрос о границах «человечности» (границе между человеком и не-человеком), относительность понятия разумного, соотношение искусственного - естественного¹⁵⁹.

Концептуализация инноватики как преимущественно технологической или технократически ориентированную деятельности, фиксация дефицитности социокультурного измерения в инновационном подходе, приводит к вопросу об оппозиции гуманитарного и технического – вопросу, обретшему традиционность и определенную драматичность еще в первой половине прошлого столетия. Одним из первых обозначившуюся оппозицию отметил Ч. П. Сноу в своей работе 1960-х гг. «Две культуры и научная революция»: «Создается впечатление, что для объединения двух культур вообще нет почвы. (...) Это не только печально, но и трагично. [...] Для нашей же умственной и творческой деятельности это значит, что богатейшие возможности пропадают впустую. (...) Люди, принадлежащие к двум

¹⁵⁸ Горохов В.Г. Конвергенция биологических, информационных, нано- и когнитивных технологий: вызов философии (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2013. №1. С. 3-23.

¹⁵⁹ Прайд В. Феномен NBIC-конвергенции: Реальность и ожидания // Философские науки. 2008. № 1. С. 99.

культурам, утратили способность общаться друг с другом»¹⁶⁰. Развитие данной оппозиции привело к экономикоцентризму и техноцентризму, характеризующим современную инноватику, и, шире, весь современный глобализованный мир, порождающий «массовую» культуру и «массового» человека. При этом происходящие в мире экономические и технологические трансформации опережают социальные и гуманитарно-экзистенциальные изменения. «Глобализация, способствуя распространению новых технологий, усиливает динамизм исторического процесса, что в свою очередь ставит новые проблемы и в плане соотношения технологического и социально-гуманитарно-экзистенциального в современной культуре, - пишет В. Б. Устьянцев. (...) Вот почему постиндустриализм, как ядро глобализирующегося мира, должен обратить внимание не только на успехи в области экономики и технологии, но и на состояние гуманитарной культуры»¹⁶¹. Принципиальную важность социокультурной составляющей глобальных экономико-технологических процессов отмечают и многие исследователи глобализма: «Если современная цивилизация хочет справиться с глобальными проблемами и сформировать новый более устойчивый, стабильный глобальный миропорядок, она должна переосмыслить такие ценностно-методологические установки западного общества, как экономикоцентризм, технократизм, редукционизм, примат научных форм рациональности над другими формами постижения человеком себя и мира, увеличить место и роль гуманитарной культуры, научиться жить в условиях нестабильности»¹⁶².

На фоне упомянутых противоречий рядом современных авторов продолжает обсуждаться необходимость синтеза гуманитарной и технологической культур. В частности, одним из обсуждаемых выходов из положения дефицита социокультурного содержания в инновационных практиках является предложение

¹⁶⁰ Сноу Ч. П. Портреты и размышления. М., 1985. С. 204.

¹⁶¹ Там же. С. 174.

¹⁶² Там же.

о необходимости гуманитаризации инженерного образования (В. Г. Горохов, В. М. Розин, А. И. Ашмарин и др.).

Вызовом для не признанного, неразвитого «симбиоза естественных и гуманитарных наук, обыденной рациональности и рациональности экспертов, интереса и факта» У. Бек видит глобальные риски, а констатацию рисков определяет как одновременно «и то и другое вместе, причем в новой форме. Их уже нельзя развивать и фиксировать изолированно, в соответствии с собственными стандартами рациональности. Они предполагают взаимодействие поверх переживающих серьезные трудности научных дисциплин, общественных групп и предприятий, взаимодействие над управлением и политикой»¹⁶³. Обсуждение непредсказуемости последствий научно-технических инноваций приводит к выводам о повышении степени неопределенности и риска, нестабильности. Повсеместное возрастание рисков фиксируется целым рядом исследователей. «Мир не стал более управляемым – наоборот, он ускользает из рук», пишет Э. Гидденс¹⁶⁴. Глобализация и сопутствующее ей глобальное распространение инновационных технологий приводит к тому, что коренным образом меняется суть таких институтов, как государство, семья, традиции, работа, природа, утверждает он. Инновационные технологии определяют лицо современного капитализма, который отличается от всех предыдущих экономических систем как раз своим отношением к будущему (с.40)¹⁶⁵. Современное общество риска видится миром, полным парадоксов нелинейного развития постиндустриальной цивилизации. В. Б. Устьянцев описывает развитие общества риска одновременно в досовременном мире судьбы (прошлые), в рационализированном мире техники и научной рациональности, в котором рисками управляют (настоящее), и в постсовременном мире глобальных рисков (будущее), вызванных к жизни желанием предотвратить их наступление¹⁶⁶.

¹⁶³ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000. С. 33.

¹⁶⁴ Гидденс Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004. С. 18.

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ Общество риска и человек: онтологический и ценностный аспекты. Саратов, 2006. 188 с.

При этом сегодня риск приобретает новое, специфическое значение. «Риск считался способом регулирования будущего, его нормализации и подчинения нашей воле. Но все вышло не так. Сами наши попытки поставить будущее под контроль оборачиваются против нас, заставляя искать другие пути, как справиться с неопределенностью» (с.40)¹⁶⁷, пишет Гидденс. Фиксируя нарастание рукотворного риска (связанного с познанием окружающего мира), автор указывает, что сам риск становится все более «рискованным»: «в ситуациях рукотворного риска мы просто не знаем, каков его уровень, и зачастую узнаем об этом лишь тогда, когда уже слишком поздно»¹⁶⁸. Некоторые из рукотворных рисков носят катастрофический характер (глобальные риски, связанные с экологией, распространением ядерного оружия или возможностью краха мировой экономики), другие куда более непосредственно затрагивают нас лично (риски, связанные с питанием, здоровьем и браком)¹⁶⁹. Описывая современное общество как общество риска, У. Бек пишет, что это «есть общество, чреватое катастрофами. Его нормальным состоянием грозит стать чрезвычайное положение»¹⁷⁰.

Исследование рисков, понимаемое как активный анализ опасности с точки зрения будущих последствий, видится очень актуальным в области инновационных технологий. Риски должны прорываться сквозь табуизацию и возникать в научном сообществе, утверждает У. Бек¹⁷¹. Без понимания баланса между преимуществами и опасностями невозможно принятие решений об ограничении или поощрении тех или иных инноваций¹⁷². Понимание степени риска становится ключевой общественно – политической позицией, поскольку риски, возникающие на самой высокой степени развития производительных сил, «высвобождают системно-обусловленные, часто необратимые разрушительные силы, остаются, как правило, невидимыми, основываются на каузальных интерпретациях, т.е. проявляются

¹⁶⁷ Гидденс Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004. С. 40.

¹⁶⁸ Там же. С. 44-45.

¹⁶⁹ Там же. С. 51.

¹⁷⁰ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000. С. 27.

¹⁷¹ Там же. С. 40.

¹⁷² Там же. С. 48.

только в знании ... о них, посредством этого знания могут меняться, уменьшаться или увеличиваться, драматизироваться или недооцениваться»¹⁷³.

Гидденс указывает, что «пока у нас нет институтов, позволяющих отслеживать технологические изменения, ни в национальном, ни в глобальном масштабе. ... Должен существовать публичный диалог о техническом прогрессе и его проблематичных последствиях. Наличие у общества дополнительных средств воздействия на науку и технику ... вероятно, позволит свести к минимуму ее наиболее вредные последствия»¹⁷⁴. Обращение к цивилизационным рискам видится полем, где этика, философия, культура, политика снова занимают свое место в центрах модернизации – в экономике, естественных науках, технических дисциплинах. Актуализируется вопрос о состоятельности научно-технологической рациональности перед лицом растущих рисков и цивилизационных опасностей. «Это не несостоятельность отдельных ученых и дисциплин, она вытекает из системного институционально-методического подхода науки к рискам. Науки таковы, какими их делают. Ориентированные на узкую специализацию, отчужденно воздерживающиеся от проверки практикой, они совершенно не в состоянии адекватно реагировать на цивилизационные риски», пишет У. Бек¹⁷⁵.

Разработка теории и методологии исследования долгосрочных рисков инновационных проектов видится важной и востребует самостоятельного глубокого исследования. Это направление исследований соответствует социокультурному направлению исследования рисков, базирующемуся на социологии, философии и культурной антропологии (М. Дуглас, А. Вильдавски, У. Бек, Э. Гидденс), где риск необходимо рассматривать как социальный конструкт, обусловленный социальным, политическим и культурным контекстом, определяемым современными инновационными трансформациями.

С проблемой анализа рисков, ответственности и разделения ответственности в сфере инновационных технологий тесно связано развитие социокультурной

¹⁷³ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000. С. 25.

¹⁷⁴ Гидденс Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004. С. 51.

¹⁷⁵ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000. С. 71.

гуманитарной экспертизы. «Гуманитарная экспертиза – форма диалога гражданского общества с государством о допустимости или масштабах применения технологий, которые могут содержать угрозу жизни и здоровью человека и человечества, а также о приемлемости для человека и общества различного рода социальных, культурных, научных, технических и других новаций»¹⁷⁶. Такого рода экспертиза реализуется экспертами - представителями различных областей гуманитарного знания, и представляет собой мощное средство социокультурного влияния на общественные процессы. Как пишет Вал. А. Луков, такая экспертиза видится «эффективным инструментом стратегической и тактической корректировки всей социальной и культурной политики государства, а также определения приоритетов ее жизненно важных направлений»¹⁷⁷. Идеи социальной, культурной, гуманитарной, этической экспертизы и их взаимосвязи разрабатываются такими отечественными авторами, как Вал. А. Луков, Б. Г. Юдин, И. И. Ашмарин, Л. Г. Ионин, Г. Л. Тульчинский и др. Социокультурная экспертиза описывается как принципиально междисциплинарная, что призвано преодолеть ограничения разных дисциплинарных рамок понимания человека. Б. Г. Юдин указывает, что необходимо отойти от предметного восприятия человека гуманитарными науками и отнести ее к человеку как таковому, который выступает в этом случае как своего рода «точка отсчета», т.е. реализовать экспертизу «не по поводу человека, а экспертизу для человека»¹⁷⁸.

Показательный пример гуманитарной экспертизы приводит В. Г. Федотова - модель экспертизы Ямало-ненецкого конфликта, которая делилась на части: «технико-экономическую, касающуюся выгод добычи нефти на Ямале, социальную – делающую заключение о возможности приемлемой социальной инфраструктуры, гуманитарную – отвечающую на вопрос о возможности развития людей и их достойной культурной жизни в данном месте, и ноологическую,

¹⁷⁶ Луков В. А. От экспертизы социальной к гуманитарной экспертизе // Знание. Понимание. Умение. 2012. №2. С. 115.

¹⁷⁷ Там же. С. 117.

¹⁷⁸ Юдин Б. Г. От этической экспертизы к экспертизе гуманитарной // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 2. С. 126-135.

рассматривающую соотношение вводимых технических инноваций и архетипа коренного населения – ненцев, который состоит в их неразрывной связи с природой. Именно разрыв этой связи, осуществленный в самой грубой форме и безо всякой компенсации для коренного народа, был источником Ямало-ненецкого конфликта. Сегодня уже очевидно, что отсутствие анализа архетипического фактора, исторического кода народа в социальных и даже технических проектах и программах может иметь следствием неуспешность этих программ»¹⁷⁹. Как указывает В. Г. Федотова, схема экспертизы оказалась весьма полезна, но нигде не была зарегистрирована в качестве социального изобретения и больше нигде не применялась.

Одним из подвидов гуманитарной экспертизы выступает этическая экспертиза. Она более развита, поскольку основывается на опыте проведения биомедицинских исследований, была отработана в течение нескольких десятков лет, более институционализирована (пример – существование Европейской группы по этике науки и новых технологий, Комиссии по этике научных знаний и технологий (КОМЕСТ) при Юнеско и др.). Однако с этической стороной технологических изменений сегодня также не все просто. Так, в настоящее время идут дискуссии о необходимости менять этическую экспертизу в отношении нанотехнологий, поскольку последние могут востребовать особую «наноэтику». Это связано с тем, что, как полагает Грюнвальд, «в некоторой степени новым в нанотехнологиях является конвергенция различных этических проблем в одной технологии. Подобно тому, как нанонаука и нанотехнологии являются областями, в которых традиционные границы между физикой, химией, биологией и техническими науками пересекаются, точно так же традиционные подходы этической рефлексии сливаются с этическими вопросами в нанотехнологии»¹⁸⁰. «Совершенствование человека в рамках наномедицины – это потенциальное направление развития нанотехнологий и вместе с тем амбивалентная этическая

¹⁷⁹ Федотова В. Г. Социальные инновации: макро- и микротенденции // Вопросы философии. 2010. № 10. С. 84.

¹⁸⁰ Цит. по: Белялетдинов Р. Р. Этическое регулирование нанотехнологий: исследовательская этика или наноэтика? // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. М., 2010. Вып. 4. С. 70.

проблема, дискуссии по которой начинаются всякий раз, когда открываются новые возможности для этого»¹⁸¹, пишет Р. Беялетдинов. Комиссия по этике научных знаний и технологий (КОМЕСТ) обозначает важность более широкого исследования влияния нанотехнологий на человека: «Естественнонаучные исследования, даже междисциплинарного характера, сами по себе не могут обеспечить решение проблем, связанных с развитием нанотехнологий. Необходимы исследования в области социальных наук»¹⁸². Таким образом, социогуманитарная экспертиза видится перспективным инструментом работы с рисками и разделении ответственности в сфере социальных и технологических преобразований.

Один из видов гуманитарной экспертизы – социальная оценка техники – представляет собой относительно новое прикладное направление философии науки и техники, начавшее свое развитие в США, но затем продолжившее активно развиваться уже в Европе (Германия) в течение последних 15 лет. Это направление исследований оформляет тренд в сторону необходимости «диагностировать потенциал и риски новых технологий, оценивать социальные и экологические следствия их внедрения. Этот тренд в свою очередь вызван потребностью научно-технической политики выработать рекомендации или директивы для последующей деятельности»¹⁸³. Предполагается, что «исследования возможных технологических рисков и шансов науки и техники в современном обществе, а также предпосылок и следствий научно-технического развития должны проводиться на основе научных методов и рационально обоснованных оценочных критериев. Целью же их становится поддержка принятия научно обоснованных решений в сфере научно-технической и социально-экономической политики, а также формирования общественного мнения при внедрении новейших технологий»¹⁸⁴. В. Г. Горохов указывает, что социальная оценка техники подразумевает сегодня

¹⁸¹ Беялетдинов Р. Р. Этическое регулирование нанотехнологий: исследовательская этика или наноэтика? // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. М., 2010. Вып. 4. С. 70.

¹⁸² Там же. С. 72.

¹⁸³ Горохов В. Г. Оценка социальных рисков технологических инноваций (обзор научной конференции в Берлине) // Вопросы философии. 2011. № 11. С. 74.

¹⁸⁴ Там же.

междисциплинарный подход при ведущей роли социально-гуманитарных наук. Такого рода социальный институт полностью отсутствует в современном российском обществе и государстве, замечает Горохов.

В рамках развития направления по социальной оценке техники в Германии были подвергнуты последовательной рефлексии следующие аспекты: этическая рефлексия научно-технологических процессов и вызываемых ими изменений; социально-научная рефлексия производства новых технологий; рефлексия с точки зрения перспектив управления научно-техническим развитием. В последние годы в центр дискуссии была поставлена проблематика системного анализа как основной концепции социальной оценки техники. Как указывает В. Г. Горохов, реализация системного подхода в области социальной оценки техники выразилась в акцентировании его на следующих трех основных проблемах:

1. «Перспективный системный анализ выдвинул на первый план эпистемологическую проблему ненадежности знаний о будущих технологиях при возрастании сложности рассматриваемой системы.

2. Поскольку научно-техническое развитие необходимо рассматривать в контексте будущего использования новой техники и технологии, то требуется комбинирование системотехнического и социально-системного способов рассмотрения, что накладывает особые требования на определение границ системного анализа техники.

3. Возникает поле напряжения между широтой охвата и детализированностью такого рода анализа, который требует часто наряду с системностью рассмотрения трудно реализуемых относительно сложных систем детальных количественных оценок. Такого рода решения о степени охвата и детализации исследования всегда необходимо принимать в рамках конкретных проектов»¹⁸⁵.

В рамках социальной оценки техники поднимаются вопросы о системных рисках, возникающих при реализации крупных инфраструктурных проектов

¹⁸⁵ Горохов В. Г. Оценка социальных рисков технологических инноваций (обзор научной конференции в Берлине) // Вопросы философии. 2011. № 11. С. 76.

(например в транспортной или энергетической областях), что важно для общества в целом, а не только для отдельных лоббирующих данные проекты лиц и организаций. Обсуждается принятие на себя рисков и объединение в сеть как важнейшие характеристики таких функционирующих систем как в техническом, так и в организационном плане. Поскольку очевидно, что инновации могут не только принести много полезных изменений, но и одновременно угрожать стабильности функционирования этих систем, то обсуждается, каким же образом управление рисками может сочетаться со стратегией достижения устойчивого развития. Учитывая различия в эпистемологических культурах, отсюда вытекают вопросы о необходимости конвергенции оценки технологических рисков с исследованием устойчивого развития, которая может выражаться, например, в «принципе государственной политики рационального использования окружающей среды по обеспечению основ жизни настоящего и будущего поколений, который можно рассматривать в качестве мостика между этими двумя видами рефлексии будущего научно-технического развития»¹⁸⁶.

Говоря о конкретных технологиях, упомянем обсуждение в рамках социальной оценки техники таких активно развивающихся областей, как биотехнологии и нанотехнологии. Так, в области биотехнологии растений и зеленой генной инженерии обнаруживается, что «в течение двадцатилетнего их внедрения и четырнадцатилетия отмены вмешательства в эту область государственных структур почти не было проведено никаких оценок их распространения. Речь идет не только об экологических последствиях, но и об экономических и социальных, и все это с учетом международного контекста, т.к. генноизмененные растения давно уже перешагнули национальные границы»¹⁸⁷. Ряд экспертов в области социальной оценки техники склонны критически рассматривать развитие так называемой зеленой генной инженерии, как, с одной стороны, технологии будущего, а с другой - как угрожающей самому

¹⁸⁶ Горохов В. Г. Оценка социальных рисков технологических инноваций (обзор научной конференции в Берлине) // Вопросы философии. 2011. № 11. С. 77.

¹⁸⁷ Там же.

существованию человечества. При обсуждении нанотехнологий поднимаются вопросы «дефицита знаний при внедрении новейших технологий в экономически прибыльные и экологически дружелюбные продукты. Этот факт затрудняет в свою очередь и социальную оценку этих технологий и предприятий, их применяющих. В этих случаях многие решения принимаются в условиях неопределенности и технологического риска, и перспективная социальная оценка техники не в состоянии сделать эти знания и риски абсолютно надежными. Они, однако, указывают промышленности некоторый «коридор», в котором можно эти неопределенности и риски редуцировать»¹⁸⁸.

Развитие инновационных конвергентных НБИК-технологий акцентирует внимание на проблеме «улучшения человека», «человеческой функциональности», что привело к активизации трансгуманистического движения, главной целью объявляющего достижение бессмертия человека, и увидевшего реальный практический инструмент создания следующего поколения постчеловеческих существ. Многочисленные и разнообразные замены в человеческом организме уже сегодня являются реальностью, и по оптимистическим прогнозам в недалеком будущем станут повседневной и рутинной ситуацией. Поэтому в целом теоретически допустимо существование мыслящего разума и человека на небиологической основе. Однако всерьез социогуманитарным научным сообществом перспективы такого хода развития событий не обсуждаются, несмотря на наличие конкретных амбициозных трансгуманистических проектов, как в России (таких как проект «Россия – 2045»), так и за рубежом (например, деятельность директора по техническим разработкам корпорации Google изобретателя Р. Курцвейла – «гуру» современного трансгуманизма). Идеи трансгуманизма все более набирают популярность. Иллюстрацией к этому послужит то, что в июне 2013г. в Нью-Йорке состоялся Второй международный конгресс форума «Глобальное будущее 2045», собравший специалистов в области нейронаук и нанотехнологий для обсуждения кибернетических методов

¹⁸⁸ Горохов В. Г. Оценка социальных рисков технологических инноваций (обзор научной конференции в Берлине) // Вопросы философии. 2011. № 11. С. 80.

достижения бессмертия человека. Цель участников конгресса объявлялась как создание мегапроекта «Аватар», который включает разработку антропоморфных роботов, интерфейса «мозг-компьютер», систем телеприсутствия, нейропротезирования и моделирования мозга, изучение сознания и способов переноса «Я» человека на небиологический субстрат – искусственное тело, что приведет в перспективе к таким изменениям в природе *Homo Sapiens*, при которых человек превратится в «постчеловека» или «сверхчеловека». Основными темами на конгрессе стали духовное развитие, кибернетические технологии продления жизни, «кибернетическое бессмертие», «метаразум», «неочеловечество». Серьезность трансгуманистического движения подтверждается и другими фактами: привлечение ведущих разработчиков и экспертов НБИК в области искусственного интеллекта, протезирования мозга, создания интерфейсов «мозг-компьютер», робототехники и др.; значительные объемы финансирования в развитие НБИК-технологий; создание Университета Сингулярности (Singularity University) в Силиконовой долине (США), в Исследовательском центре Эймса, принадлежащем NASA; превращение искусственного интеллекта в ключевое исследовательское направление Google; объявление намерений о сотрудничестве с DARPA – военным подразделением минобороны США по передовым исследованиям.

Безусловно, трансгуманистическое движение вызывает серьезные споры и критику. Существует ряд открытых вопросов о долгосрочных последствиях и эффектах трансгуманистических проектов. Само понятие и перспективы улучшения человека достаточно спорны. Так, футуролог Ф. Фукуяма назвал трансгуманизм «самой опасной в мире идеей»¹⁸⁹. Критике подвергается этическое содержание целей и идей трансгуманизма, нравственных принципов и мировоззрения тех, кто поддерживает трансгуманизм. Ставятся вопросы о том, что происходит с суверенитетом личности и суверенитетом государства, как обеспечиваются базовые гражданские права человека, как сохраняются

¹⁸⁹ Bostrom N. A. History of Transhumanist Thought [Electronic resource] // Journal of Evolution and Technology. 2005. Vol. 14 (1). URL: <http://www.nickbostrom.com/papers/history.pdf>, free. Tit. screen.

общечеловеческие ценности, государственные социальные программы и гражданские права и свободы. Одним из крайних, но нередко звучащих аргументов является сопоставление целей трансгуманизма с евгеническими исследованиями. Критики часто обвиняют трансгуманистов в том, что они предлагают изначально неверное направление пути совершенствования человека, заключающееся не в самосовершенствовании с использованием внутренних ресурсов человека, таких как воля, мотивы, смыслообразование, память, другие навыки и способности, а в экзогенном вмешательстве в тело человека, имплантационном апгрейде на физическом уровне. А. В. Лекторский сформулировал этот вопрос как глобальный экзистенциальный вопрос современности: «В чем заключаются подлинные смыслы нашей преобразовательной деятельности? Он относится и к отдельной личности, к институциональным субъектам, к народам, ко всему человечеству. Беспрецедентное разрастание абсурда в общественной и личной жизни, темнота смысло-жизненных ориентиров нашей цивилизации, самой антропологической перспективы бросает философии главный вызов. Это касается и целей конвергентного развития НБИК, так как оно несет быстрый рост поистине колоссальных преобразующих сил и средств, способных решать глобальные проблемы нашей цивилизации, но в то же время способных и погубить ее»¹⁹⁰.

Сторонники преобразования человека, ссылаясь на быстрое углубление экологического кризиса и неизбежную гибель жизни на Земле, утверждают, что необходимо поторопиться с реализацией трансгуманистических проектов. И этот императив так же вызывает жесткую критику, поскольку имплицитно содержит отказ от попыток восстановления экологического баланса и поддержания жизни на земле в ее первоначальном биологическом виде.

В критике трансгуманизма наиболее ярко видны противоречия инновационной логики развития и сложность с предвидением и управлением ее долгосрочными результатами и эффектами. Такие современные инновационные технологии, как НБИК технологии, вызывают дискуссию о необходимости и

¹⁹⁰ Лекторский В. А. Конвергенция биологических, информационных, нано- и когнитивных технологий: вызов философии (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2013. №1. С. 3-23.

способах активного включения социокультурного измерения в современные технологические процессы, актуализируют развитие такого направления, как этика инноватики. «Заслуживает ли сохранения человеческое в человеке и природное в природе?» (с.32)¹⁹¹, сформулировал У. Бек вопросы, которые становятся первоочередными для развития цивилизации. Высказываются различные предположения о будущем цивилизации, общества, человека, предлагаются различные варианты и сценарии. Эти варианты располагаются на условной шкале, на одной из полюсов которого мы встречаем торжествующий инновационизм и трансгуманизм, на другом – не менее экстремальные антисциентистские и антитехнократические воззрения. Однако большинство ученых, осмысляющих описываемые проблемы, ищут способы обуздания существующих тенденций, их корректировки и нормирования без ухода в крайности. Так, например, В. Г. Горохов пишет, что перспективой вовсе не является отказ от техники вообще, от технического отношения к миру, без которого невозможно существование человеческой цивилизации, но необходим поиск новых, более гуманных форм этого отношения, необходимо изменение самой внутренней установки науки и инженерной деятельности. Поскольку «поддержка инновационной деятельности понимается как поддержка технологических инноваций, а вызванные ими социальные инновации почти совсем не исследованы. Мы живем сегодня в обществе риска и побочных непланируемых последствий, многие из которых инициированы научно-техническим развитием. Поэтому сама наука должны стать более рефлексивной и больше не может отстраняться от просчитывания возможных последствий своей деятельности», пишет он.

В. Г. Горохов указывает на такую важную проблему, как отсутствие общего языка, понятного всем включенным в развитие конвергентных технологий исследовательским группам, в том числе отсутствие социогуманитарного языка. Выработка такого языка видится автору уже не частнонаучной, а общенаучной или даже методологической проблемой, поскольку предполагает выход на более

¹⁹¹ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000. С. 32.

высокий, философский уровень. Соответственно указывается на необходимость развития интегративных механизмов для осуществления коммуникации как внутри самой науки, так и между различными социальными системами не только в рамках национальных государств, но и в глобальном масштабе. Наибольший дефицит автор видит в трансдисциплинарных знаниях, т.е. знаниях о том, как перевести теоретические знания в конкретные действия.

Одним из возможных способов контроля долгосрочных последствий и эффектов инновационной логики развития и управления сопутствующими глобальными социокультурными трансформациями рассматривается развитие прогностической деятельности, сценирования, работ по выстраиванию траекторий развития инновационных секторов хозяйства. М. Кастельс делает акцент на том, что «важный вопрос социального прогнозирования все еще не имеет ответа в момент его формулирования»¹⁹², обращая особое внимание на прогнозирование системы занятости, влияния развития технологий на структуру занятости. «Способность моделей управления ... к программированию и прогнозированию делает возможным "колонизовать" будущее и его возможные альтернативные сценарии», подчеркивает Кастельс на примере финансового капитала¹⁹³. В современном обществе, для которого будущее – это, по похожему высказыванию Гидденса, «территория, подлежащая завоеванию и колонизации»¹⁹⁴, активно развиваются такие технологии, как форсайты, «дорожные карты» (roadmapping), долгосрочные прогнозы. В рамках системного анализа социотехнических систем был развит метод сценариев, и сегодня сценарные методы играют значимую роль для социальной оценки техники на ранних этапах ее создания. Такое направление, как форсайт, появилось в 1970-е гг. (США, Япония), активно развивается и применяется в Европе начиная с 80-х - 90-х гг. для выделения приоритетов современных исследований на основе базовых сценариев развития науки, технологии, общества и экономики. Технология форсайта активно развивается и не

¹⁹² Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М. : ГУ ВШЭ, 2000. С. 201.

¹⁹³ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М. : ГУ ВШЭ, 2000. С. 498.

¹⁹⁴ Гидденс Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004. 120 с.

имеет единого определения и методологии, не имея четких границ со сканированием горизонтов и стратегическим планированием. Она прежде всего используется для получения данных для планирования исследований и разработок (R&D), в частности для обзора долгосрочных технологических тенденций и определения важных возникающих технологий; а также для мониторинга текущего состояния науки и технологии в конкретной стране, в сравнении с другими странами, выявляя области, где возникает необходимость в международном сотрудничестве и определяя факторы, сдерживающие технологическое развитие. Однако тематические области, охватываемые форсайтами, становятся все шире, включают не только технологические направления, но и энергетику, сельское хозяйство, и сегодня уже активно применяются и в общественных науках, реализуя исследования будущего, прежде всего, в сфере образования (пример - Форсайт «Компетенции 2030», проведенный Агентством стратегических инициатив РФ), медицины («Форсайт здоровья», поддержанный Минпромторгом России), детства (российский форсайт-проект «Детство-2030», проведенный Агентством стратегических инициатив РФ), где важную роль продолжает играть вопрос развития технологий и их влияния на развитие той или иной сферы деятельности. Исследуются возможности и угрозы, которые несет с собой потенциальное продление эффективной жизни человека до 100 – 120 лет («пятый возраст»), перспективу чего открывают НБИК-технологии. Систематический мониторинг и анализ сотен и тысяч форсайт-исследований, организуемых в ЕС и других регионах мира, ведется в течение десяти лет при поддержке Европейской Комиссии¹⁹⁵. Прогностическая деятельность видится перспективной технологией для анализа глобальных социокультурных трансформаций и роли в них инновационного технологического развития, поскольку снимает оппозицию социокультурных и технологических аспектов развития, рассматривая их в единстве.

¹⁹⁵ Поппер Р. Мониторинг исследований будущего // Форсайт. 2012. Т. 6, № 2. С. 56 -75.

В активно развивающемся направлении технологического прогнозирования все актуальней становятся вопросы пока недостаточно развитого сценирования долгосрочных социокультурных последствий внедрения новых технологических решений. Примеры такого сценирования пока редки (например, национальный технологический форсайт Кореи, включающий не только перспективные технологии, но и в форме сценариев и специальных иллюстраций показывающий их влияние на возможные изменения в жизни и культуре людей, в т.ч. их потенциальные негативные последствия¹⁹⁶). Однако все больше исследователей убеждены, что успешная реализация научно-технических прогнозов призвана также способствовать развитию и реализации социальных прогнозов развития стран. Так, В. С. Малышев и Л. Л. Геращенко, обсуждая вопрос развития прогнозирования социального и культурного пространства, обращают особое внимание на необходимость развития новых футурологических теорий, в которых значительное место уделялось бы именно изменениям, происходящим в культуре, а также этическим проблемам (проблемы поиска новых ценностей, норм и целей индивида и общества)¹⁹⁷.

Примером востребованности более тесного объединения социогуманитарного и технологического планов инноваций может выступить, например, ситуация значительного увеличения продолжительности жизни, с одной стороны, инициируемая современными инновационными биомедицинскими технологиями, с другой стороны, востребующая сценирования и прогнозирования. Так, в статье «Opportunities and challenges of a world with negligible senescence» («Возможности и вызовы мира, где почти не стареют») авторы Барри Б. Хьюз, Рэндалл Кун, Эли С. Марголиз-Малин, Дейл С. Ротман, Хосе Р. Солорсано анализируют в комплексе социальные, культурные, политические, экономические, экологические

¹⁹⁶ Чои М. Формирование национальной системы технологического Форсайта в Корее // Форсайт. 2015. Т. 9, № 3. С. 54-65.

¹⁹⁷ Малышев В.С., Геращенко Л.Л. Социокультурное прогнозирование в системе координат философии и искусствоведения // Аналитика культурологии. 2014. № 28. С. 113-119.

аспекты значительного увеличения продолжительности и качества жизни, указывая на их комплексность и сопутствующие проблемы¹⁹⁸.

Сценирование предполагает понимание места и функций новшества в структуре целого. М. В. Рац и М. Т. Ойзерман в работе «Размышления об инновациях» указывают, что инновацию можно рассматривать как исторически новую форму «внедрения», когда вместе с конструированием тела новшества появляется проектирование его места и функций. Т.е. инновация комплексно вписывается в существующую реальность и трансформирует ее. При этом любая инновация, хоть осуществляется в деятельности, но так или иначе прорезает все три слоя среды обитания – мыследеятельностный, социокультурный и материально-вещественный. Соответственно, любая инновация, хоть материальная (например, новая техника), хоть мыслительная (например, новая теория), так или иначе вызывает определенные социокультурные трансформации¹⁹⁹.

М. Добрякова и З. Котельникова утверждают, что большинство перспективных технологий хоть и материальны, но окажутся более эффективными, «если их внедрение и, возможно, элементы разработки будут сопровождаться (а в ряде случаев – и предваряться) результатами соответствующих гуманитарных и социальных исследований»²⁰⁰. Авторы предлагают ввести в обиход понятие «социальная укоренённость технологий» и принимать его во внимание как значимый фактор успешности разработки и внедрения технологии. Для осуществления анализа востребованных социальных исследований авторы предлагают использовать параметры теории SCOT, а именно: релевантные технологии социальные группы; множественность трактовок технологии; технологическую рамку взаимодействия; «закрытие» технологии; взаимную трансформацию (социум – технология). На примере анализа перечня критических технологий Российской Федерации, авторы выделяют такие проблемные зоны, как

¹⁹⁸ Opportunities and challenges of a world with negligible senescence // Technological Forecasting and Social Change. 2015. Vol. 99. С. 77-91.

¹⁹⁹ Рац М. В. Размышление об инновациях [Электронный ресурс] // Вопросы методологии. 1991. URL: <http://www.fondgp.ru/lib/mmk/167>, свободный. Загл. с экрана.

²⁰⁰ Dobryakova M., Kotelnikova Z. Social Embeddedness of Technology: Prospective Research Areas // Foresight-Russia, 2015. vol. 9. no 1. p. 15.

неравенство в отношении здоровья, изменение климата и его социетальные последствия, формирование экосознания и распространение моделей экологичного поведения населения, и др., дела акцент на изменение культуры поведения людей, их ценностей, отношений.

При этом в инновационной политике существуют сложности с определением субъектов, несущих ответственность за долгосрочные последствия инновационных решений, происходит поиск этих субъектов. С одной стороны, инновации призваны служить способом разрешения социальных проблем (так, Рамочная программа развития научных исследований и инноваций ЕС «Горизонт 2020» одним из своих базовых приоритетов имеет «социальные вызовы», которые включают программы в области здоровья, демографии и качества жизни; пищевой безопасности; безопасной, чистой и эффективной энергетики; открытого, инновационного и безопасного общества), с другой стороны, сами порождают нестабильность и сложно предсказуемые последствия.

В прикладном аспекте развитие социокультурного измерения в рамках инноватики означает, таким образом, развитие оценочного и контролирующего подхода относительно долгосрочных последствий и эффектов инновационной логики развития, вызываемых ею глобальных социокультурных трансформаций и рисков. На практике такой подход только начал свое развитие, однако видится чрезвычайно важным исследователям и практикам как гуманитарного, так и технического профиля, как в России, так и в других развитых странах.

Исследования социокультурных последствий и эффектов развития инновационных технологий приобретают все большую значимость, но пока идут в отрыве от процесса создания и внедрения инновации. Так, примером долгосрочных последствий и эффектов инновационных решений, которые стали доступны для исследования в последнее время, однако были мало предсказуемы в моменты их открытия и запуска в массовое производство, стали исследования результата бума информационных технологий и развития интернета. Последние породили особую электронную культуру, и, как когда-то изобретение микроскопа или телескопа открыли исследователям новые миры, так и IT-технологии открыли

«пользователям» новый «жизненный мир». Исследователи электронной культуры обнаруживают, что «в этом мире возникли свои законы, свободы и права, свои термины, свой автор и потребитель, свои формы выражения. В нем большое место занимает игра, развлечения, он уделяет большую роль визуализации и обращен в значительной степени к чувственной сфере человека, он не имеет прежних моральных регуляторов (поскольку виртуален и, казалось бы, не связан с реальными поступками), он предоставляет небывалую ранее свободу, формы для самореализации»²⁰¹. Помимо констатации и описания нового жизненного мира человека, существуют исследования, связанные с новыми присущими этим мирам рисками, например, исследования информационно-психологической безопасности личности, общества и государства. И здесь вновь обнаруживаются глобальные социокультурные трансформации, с которыми все больше сталкивается человечество, и туманность перспектив управления ими, разрешения вновь обнаруживающихся проблем, в связи с отсутствием адекватного опыта, способов, методик, языка. Эти проблемы – из числа тех, которые и дают импульс конвергенции информационных и социокультурных технологий и наук.

Так, в Центре по исследованию науки, технологий и общества Массачусетского технологического института существует исследовательское направление, реализуемое профессором Шерри Таркл, направленное на изучение влияния цифровых технологий (компьютеры, мобильные телефоны, смартфоны) на социальную и психологическую жизнь людей. В книге «Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other» («Совместное одиночество: почему мы больше надеемся на технологии, чем друг на друга») автор подводит итоги более чем 15-летнего исследования и нескольких сотен интервью, приходя к выводам о прогрессирующей эмоциональной блокировке, являющейся следствием массовой дигитализации обыденных практик, о рисках, которые пользователи, не ведая о них, берут на себя, описывает новые типы взаимоотношений, появившиеся между друзьями, родителями и детьми, а также смену понимания того, что такое

²⁰¹ Басева Л. В. Электронная культура: опыт философского анализа // Вопросы философии. 2013. № 5. С. 75-83.

неприкосновенность частной жизни и сообщества, интимность и уединение. В книге «Life on the Screen: Identity in the Age of the Internet» («Жизнь на экране: идентичность в эпоху интернета») автор описывает децентрированность и множественность идентичностей, порожденную интернетом, а также те «следы», которые, оставаясь в сети, показывают смену идентичностей каждого «цифрового тела». Она описывает тенденции в компьютерном дизайне, в области искусственного интеллекта, в опыте пребывания людей в виртуальных средах, которые подтверждают резкое изменение представлений людей о себе, о других, о технологиях, о мире в целом. Автор указывает, что в жизни, возможность которой нам подарили технологии, мы начинаем чувствовать себя разбитым и истощенным. Мы можем быть свободны и работать в любом месте, но при этом мы все более склонны к одиночеству. Это удивительный феномен, когда интенсификация все новых и новых связей с помощью технологий приводит в итоге к все более глубокому одиночеству. Мы овладеваем все новыми технологиями, чтобы заполнить возникающую пустоту, но, как при этом все возрастает темп развития технологий, так при этом парадоксально замедляется и мельчает наша эмоциональная жизнь²⁰².

Работы Шерри Таркл являются примером такого активно развивающегося сравнительно нового направления, как компьютерная психология, посвящённого изучению человеко-компьютерного взаимодействия, и психологическим явлениям, связанным с компьютером и Интернетом. Отметим, что в рамках данного направления изучаются как краткосрочные результаты, так, в силу накопленных данных, уже и эффекты влияния инновационных технологий на человека и социум. Однако данные практики, имея дело с результатами и эффектами, практически не участвуют в процессах прогнозирования, ограничиваясь краткосрочными выводами или малообоснованными предвидениями - предположениями. К. Ахметов, специалист департамента технологий Microsoft в России, занимающийся технологическими политиками Microsoft, характеризуя современные

²⁰² Turkle S. Alone together: why we expect more from technology and less from each other. N. Y., 2011. 384p.

информационно-коммуникационные технологии, указывает, что необходимо расширять их научно-проектный цикл за счет введения дополнительной стадии – концептуального анализа, касающегося этических, социальных и политических эффектов складывающихся тенденций²⁰³.

В рядах исследователей взаимовлияния науки, общества и технологий (STS) также четко звучит мысль о необходимости понимания субъектов ответственности за технологический прогресс и более тесного вовлечения общества в дискуссии о нем. Так, в статье «Выступая против социально разрушительных технологий», с отсылкой к работам и позиции Н. Винера, предлагается всем сознательным педагогам, изобретателям, разработчикам и предпринимателям признать, что, они не должны строить новое просто ради новизны. Вместо этого предлагается задавать себе (и студентам) жесткие этические вопросы. Кто формирует направление и цели технологических инноваций сегодня? Что их мотивирует участвовать в этих процессах? Каким образом они меняют общество? Как другие заинтересованные стороны приобретают влияние в принятии решений о технологическом процессе? Каким образом правительство и промышленность доносят до общественности информацию о происходящих и новых разработках?²⁰⁴ Эти вопросы пока не обрели институционализированных форм получения на них ответа.

Однако на вопрос о том, является ли инновационное развитие вызовом стабильности социального и культурного существования, либо, наоборот, поддерживает в них равновесное состояние в постоянной динамике, существуют разные ответы. Многие авторы придерживаются мнения о том, что инновации как раз обеспечивают устойчивое развитие. Так, Ю. А. Никитина обсуждает инновационную направленность развития социума как условие создания стратегии некатастрофического разрешения системного кризиса в современном обществе как обществе риска. Автор отслеживает взаимосвязь инновации и общественно-культурной среды в историко-культурном и социально-философском срезе,

²⁰³ Ахметов К. Взаимодействие человека и компьютера: тенденции, исследования, будущее // Форсайт. 2013. Т. 7, № 2. С. 58-68.

²⁰⁴ Katina Michael, K., Love, H.A., Wajcman, J. Speaking Out Against Socially Destructive Technologies // IEEE Technology and Society Magazine. June 2017. P. 17.

интерпретирует инновацию как социокультурный феномен и модель объективации «нового» постиндустриального социума. Автор обсуждает, возможно ли единство коэволюции и инновации в социальном и культурном развитии; можно ли на основе коэволюционной инноватики своевременно адаптировать социальную систему к условиям её системного кризиса, и может ли это обеспечить обновление социальной системы и её некатастрофическое состояние²⁰⁵. В. Б. Агранович также придерживается позиции позитивной роли инноваций в условиях перманентных изменений и представляет инновацию как способ конструирования социальной действительности в режиме нелинейности, альтернативности, коэволюционности, в ситуации транзитивного общества²⁰⁶.

С такой точкой зрения согласен и Г. А. Прокопчук, который связывает роль инновационных социотехнических систем с переходом к устойчивому развитию и представляет воплощённые в инновационной системе концепции «устойчивого развития» противоречивым, сложным, но эффективным инструментом решения кризисных проблем техногенной цивилизации. При этом автор указывает такие основные положения концепции устойчивого развития, которые возможно воплотить в инновационных системах при создании новых технологий, как экологизация и гуманизация техники, постоянный процесс обучения общества, осознание пределов роста технологий на основе учёта будущих потребностей человечества²⁰⁷. Без развития в указанном направлении инноватика рискует остаться политическим средством ускорения научно-технического прогресса с усугублением всех присущих ему и множество раз описанных негативных тенденций и глобальных рисков.

С точки зрения практики, стоит отметить, что существуют институты, поддерживающие инновации, способствующие устойчивому развитию, которое в данном случае связывается, прежде всего, с решением социальных проблем,

²⁰⁵ Никитина Ю. А. Коэволюционная инноватика как принцип управления развитием общества в условиях системного кризиса: социально-философский анализ : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Томск, 2011.

²⁰⁶ Никитина Ю. А. Коэволюционная инноватика как принцип управления развитием общества в условиях системного кризиса [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Томск, 2011. URL: <http://dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-filosofiya/a108.php>, свободный. Загл. с экрана.

²⁰⁷ Прокопчук Г.А. Роль социологии техники в построении инновационной экономики // Эпистемология и философия науки. Т. XXI, № 3. С. 218-223.

снижением социальной несправедливости, улучшением качества жизни, поддержкой менее защищенных социальных слоев. Так, например, существует международный исследовательский центр Sustainia по вопросам устойчивого развития, целью которого является поиск и освещение инноваций в области устойчивого развития, позволяющих улучшить качество жизни во всем мире, демонстрация устойчивого будущего, возможного в случае широкомасштабного воплощения этих инноваций.

Таким образом, в культурологическом осмыслении границ инновизации инновация может рассматриваться в разных модусах – и как то, что порождает хаос и нестабильность, и как то, что способно его удерживать и контролировать, и как то, что позволяет действовать в ситуации хаоса. Это приводит нас к такому значимому развороту культурологической мысли относительно инноваций, как осмысление соотношения инноваций и традиций. При всей своей оппозиционности в культурологии и традиция, и инновация рассматриваются как взаимосвязанные и взаимообусловленные, поскольку любая традиция возникает первоначально как инновация, и ни одна инновация никогда не сохраняет своего статуса новшества на сколько-нибудь долгое время, постепенно превращаясь в обыденность и рутинизируясь. В умении принимать и усваивать инновации и состоит жизнеспособность традиции. Однако интенсивность инновационных преобразований, превышающая темпы освоения и рутинизации, приводит к тому, что инновации все чаще противопоставляются традиции. «Мы ... сформулировали суть эпохи современности как переход от господства традиций к господству инноваций с вытекающими отсюда коренными переменами в большинстве сфер жизни», - пишет В. Г. Федотова²⁰⁸. «По логике вещей, инновационность – это то, что противоречит, соперничает и разрушает традицию, традиционно принятые алгоритмы и механизмы, следовательно – это то неизведанное, которое может быть как со знаком плюс, так и со знаком минус», - заостряет Т. Г. Лешкевич. «Такое понятие, как радикальная новация, характеризуется как максимально интенсивная

²⁰⁸ Федотова В. Г. Социальные инновации как основа процесса модернизации общества // Вопросы философии. 2010, № 10. С. 7.

и предполагает коренную ломку устоявшихся связей и зависимостей системы. В традиции же часто усматривают программы, связанные с долгосрочными целями и идентичными способами деятельности. Давление традиций расценивается как фактор, препятствующий инновациям»²⁰⁹. Указывая, что инновации изначально связаны с нарушением традиционных запретов, российский культуролог А. С. Панарин отмечает, что в основе инновационной установки лежит презумпция о том, что искусственное, рационально сконструированное может быть совершеннее естественного и унаследованного. «В этом смысле инновационная система отражает процесс десакрализации мира и постепенного исчезновения традиционалистского пиетета перед тайнами мироздания», пишет автор²¹⁰. Инновация как целенаправленное изобретение в культурологическом ключе понимается как культурная мутация, проходящая этапы отбора, модификации и интеграции.

Данная мысль развивается в социокультурных исследованиях инноваций через идею того, что, поскольку в современном обществе одной из базисных ценностей является обновление, новаторство, то в результате социальные и культурные подсистемы подвергаются постоянному изменению, а, следовательно, находятся в состоянии непрерывного кризиса²¹¹. В этой связи Т. А. Мазаева ставит вопрос о «границах инновизации»: «В современной инноватике, как правило, упускается вопрос о границах допустимой меры инновизации, пишет она: до каких пор можно «инновизировать» социальную среду, где границы возможных её изменений? Парадокс инновации (...) заключается в том, что само новшество, даже если оно и является рациональным с точки зрения технологии социального, образовательного или технического процесса, может в действительности дестабилизировать, хаотизировать ситуацию в связи с культурной и психологической неподготовленностью индивидов – субъектов данного

²⁰⁹ Лешкевич Т. Г. Проблема преобразования реальности и парадоксы креативности / Философская инноватика: поиски, проблемы, решения. Ростов н/Д, 2011. С. 16.

²¹⁰ Панарин А. С. Инновации // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 2. М., 2001. С. 121-122.

²¹¹ Философская инноватика: поиски, проблемы, решения. Ростов н/Д., 2011. 736 с.

процесса»²¹². Т. А. Мазаева обсуждает ресурс «срединного ядра» культуры для ограничения общества от инновационного хаоса, соблюдения границ «шага новизны», меры инновизации.

С точки зрения развития представлений о границе инновизации, балансе хаоса и стабильности ресурсным видится представление о социокультурных институтах обновления, введенное одним из основателей отечественной культурологии и философии науки и образования М. К. Петровым, и обсуждаемое В. С. Игнатовой в работе «Инновации в культуре и социокультурные институты обновления»²¹³. «От институтов обновления зависит мера подвижности ритуала, скорость накопления в нем нового качества, движение социальной определенности и системы ценностей, способность общества адаптироваться к меняющимся условиям окружения и т.п.»²¹⁴. М. К. Петров одним из первых ввел в научный оборот термин «инновации», разрабатывая идеи «онаучивания общества», «институтов обновления знания» и «институтов трансляции знания», обозначив проблему границы инновизации как проблему творчества и репродукции в культуре. Как показывает В. С. Игнатова, инновации в культуре можно разделить на а) «творческие инновации - производство в институтах обновления радикально новых идеальных продуктов (знаний, технологий, норм и схематизмов) в условиях неравновесной и кризисной социокультурной динамики с повышенным избытком информации и степеней свободы в деятельности субъектов творчества; и б) технологические инновации - творческое воспроизводство в институтах инновации и трансляции старых и вновь созданных идеальных форм в ситуации определенной социальной упорядоченности, что имеет значение для стабилизации и развития конкретно-исторических культурно-цивилизационных систем»²¹⁵. Такое разделение продуктивно с точки зрения выявления степени рискованности

²¹² Мазаева Т. А. Инновационная экономика в этнокультурной среде [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Дону, 2007. URL: http://delist.ru/article/15072007_mazaevata/page3.html, свободный. Загл. с экрана.

²¹³ Игнатова В.С. Инновации в культуре и социокультурные институты обновления [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Белгород, 2013. URL: <http://cheloveknauka.com/innovatsii-v-kulture-i-sotsiokulturnye-instituty-obnovleniya>, свободный. Загл. с экрана.

²¹⁴ Там же.

²¹⁵ Там же.

той или иной инновации, потенциального градуса сопротивления введению инновации, понимания вектора дальнейшего развития социума и культуры в ответ на инновацию (развитие – упорядочивание). Схожим образом, В. С. Игнатова, рассматривая инновации в рамке культуры, в качестве базового предлагает представление о культуре как сложноорганизованной целостности, которое формируется двумя типами разнонаправленных процессов: вектором креативности культуры (изменений, обновлений, творчества) и вектором структурирования²¹⁶. Таким образом, представление об инновационных институтах должно быть дополнено представлением об институтах обновления, включающих обновление не только материальной составляющей мира, но и его ценностно-духовной составляющей, сопровождающей инновационные процессы, а социокультурное измерение инноваций должно учитывать как вектор обновления, креативности, так и вектор упорядочивания, нормирования, традиционализации.

Подведем итоги. В данном параграфе была рассмотрена та составляющая социокультурного измерения инноватики, которая соотносится с глобальными контекстами цивилизационного развития и соответствующими им вызовами, связанными с долгосрочными последствиями и эффектами инновационной логики развития. Речь в данном случае идет не только о возросшем уровне развития науки и техники, новых отраслях экономики и способах организации производства, но и о новых формах социальности, ценностных ориентирах, о новом понимании сущности и природы человека. Преодоление дефицитности философской рефлексии инновационной реальности осуществляется с помощью ряда социогуманитарных теорий и концепций, имеющих трансграничный характер, осмысляющих в целом пути развития современной цивилизации, в том числе затрагивающих суть повсеместной инновизации как значимой черты современности (Д. Белл, Ф. Махлуп, М. Кастельс, У. Бек, Й. Масуда, А. Тоффлер, Л. Браун, Н. Штер, В. Л. Иноземцев, Э. Гидденс, З. Бауман, Э. Тоффлер, Г. Леманн, У. Бек).

²¹⁶ Игнатова В.С. Проблема инноваций в философии культуры М.К. Петрова//Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». №8 (151). Вып. 24. Белгород, 2013. С. 61.

Для достижения поставленной цели значимым увиделся социокультурный подход, ставящий вопрос о границах инновизации, антропологической мере социокультурных трансформаций, соотношении инноваций и традиций, последствиях инновационных преобразований с точки зрения трансформации идентичностей и смысловых нормативно-ценностных структур. Непредсказуемость эффектов технологических решений и накопленный опыт экологических катастроф, связанных с техногенным характером человеческой цивилизации, приводит к обсуждению идеи социокультурных рисков, их интенсификации и распространения, катастрофических предчувствий, констатации системного кризиса. Возникающие вопросы о социальной ответственности инноваторов, вопросы предвидения и прогнозирования, управления рисками в долгосрочной перспективе открывают широкое поле для междисциплинарных исследований и разработок. На сегодняшний день существующие в этом поле разработки, такие, как социальная оценка техники, технологии работы с будущим (форсаты, «дорожные карты» и др.), социокультурная экспертиза технологических решений, разработка новых требований к инженерному образованию, разнородны и мало связаны, редко звучат при обсуждении задач инновационного развития на национальном уровне. Обсуждается необходимость снятия оппозиции гуманитарного и технического, прорабатывается гипотеза техногуманитарного баланса, трансдисциплинарной интеграции знания, изменения самой внутренней установки науки и инженерной деятельности; ставятся новые задачи перед эпистемологией и методологией науки, связанные с отсутствием общего социогуманитарного языка. Соответственно указывается на необходимость развития интегративных механизмов для осуществления коммуникации как внутри самой науки, так и между различными социальными системами не только в рамках национальных государств, но и в глобальном масштабе. В целом выход видится в радикальном изменении ряда базисных ценностей техногенной цивилизации. Все это обуславливает направления развития социокультурного измерения в рамках инновационного подхода, необходимость пересмотра базовых ценностей инновационной идеологии, оформления этической стороны инновационных

научно-технических разработок, и целый ряд других вопросов социального, культурного, в целом гуманитарного характера, которые должны оформиться и найти свое место в рамках инновационного подхода.

Обобщая, ключевые сферы дефицитарности социокультурного измерения инноватики на современном этапе ее развития связаны, во-первых, с дефицитом социокультурного предвидения и прогнозирования, предполагающего получение комплексных оценок будущего различными методами, такими как экстраполяция, прогноз, теория вероятностей, форсайт. Во-вторых, с невниманием к социокультурному сценированию и экспертизе, предполагающему исследование социокультурных эффектов от внедрения технологических инноваций в средне- и долгосрочной перспективе и повышение контроля над социокультурными эффектами технических инноваций. В-третьих, с неразработанностью релевантной теории управления социокультурным развитием, предполагающей предвидение рисков, определение их вероятных размеров и последствий, разработку и реализацию мероприятий по предотвращению или минимизации связанных с ними потерь, а также определение субъектов ответственности и процедур выработки и согласования новых социокультурных норм в порождаемой инновациями новой социокультурной реальности. В-четвертых, с неразвитостью социальных технологий и инноваций, способствующих социальной адаптации и координации инноваций в социуме. Ресурсной для развития социокультурного измерения инноватики составляющей теории культуры с точки зрения границ инновизации и способности общества адаптироваться к меняющимся условиям выступают представления о балансе обновления, креативности, хаоса и стабильности, ритуала, нормирования, традиционализации; представления о социокультурных институтах обновления. Перечисленные сферы внимания составляют социокультурное измерение инноватики, реализующее прогностическую и адаптационную функции культуры, где прогностическая функция культуры понимается в самом общем виде как определение перспектив и возможных путей развития культурных процессов, а адаптационная функция в данном случае подразумевает приспособление

человека к окружающей техногенной среде, регулярно обновляющимся технологическим условиям его обитания.

2.2. Российский контекст: локализация социокультурных вызовов, обуславливающих эффективность инновационного развития

В первом параграфе рассматривались те сферы внимания, которые призваны обогатить социокультурное измерение инноватики, расширить ее предметное и проблемное поля, подвергнуть философской рефлексии. Однако при всем описанном дефиците социокультурные факторы в рамках инновационного подхода в настоящее время все же учитываются, хоть и играют второстепенную роль. В данном параграфе рассматривается «внутренний контур» социокультурного измерения в рамках инновационного подхода: это знание уже прочно вошло в него и закрепилось, оно постепенно развивается и представляет собой наработки, артикулированные как в теоретическом пространстве мысли, так и практическом пространстве деятельности. Базовой онтологической рамкой при развитии данных областей знания и практики выступает ценность инновации как таковой, ценность обновления, соответственно сохраняется инновационная логика рационализма и прагматизма. В конечном итоге оценивается эффективность инновационной деятельности, реализуемой субъектами разного масштаба и направлений деятельности (государственная и региональная, корпораций и общественного сектора, в сфере образования и науки, промышленности и торговли, и др.). Так, в целом ряде авторитетных зарубежных исследований в сфере инновационных систем и экономического развития подчеркивается, что скорость технического прогресса и экономического роста в большей степени зависит не только и не столько от первых в мире радикальных нововведений, сколько от их эффективной диффузии, и в этом плане социальные инновации и социокультурная сфера играют не меньшую роль, чем технические новшества²¹⁷. Таким образом, подавляющее

²¹⁷ Lundvall B.-A. Notes on innovation systems and economic development // Innovation and Development. 2011. Vol. 1, № 1. P. 25-38.

большинство социогуманитарных направлений исследований, связанных с инноватикой, реализуются именно в данном зале, «изнутри» нормативной системы инноватики.

В данном параграфе мы охарактеризуем и систематизируем эти направления исследований, сделав акцент на тех дефицитах, или вызовах для инновационного развития, которые покрываются за счет развития социокультурного подхода. При этом мы будем характеризовать именно российский контекст, сосредоточимся на развитии данного направления именно в отечественной науке и практике, поскольку имеется серьезная национальная специфика, связанная с особенностями исторического развития и экономического положения России как страны, с одной стороны, осуществляющей программу модернизации, а с другой - на сегодняшний день не достаточно интегрированную в мировой инновационный процесс.

Экономические показатели на практике подтверждают эту мысль – «большая часть ВВП России создается за счет экспорта сырья, так минеральные продукты составили 62,9% в общей структуре экспорта, на долю машин и оборудования пришлось только 4,1%, а экспорт высокотехнологичной продукции составил всего 2,3% промышленного экспорта России. В США этот показатель составляет 32,9%, в Китае – 32,8%. Удельный вес России в глобальном экспорте наукоемкой продукции не превышает 0,3%»²¹⁸.

В силу такого положения российские исследования имеют соответствующий характер, освещают специфические актуальные вопросы и проблемы. В основе своей все эти труды, безусловно, опираются на общие разработки теории инноваций, основные идеи которой описаны в первой главе работы. Однако, как было упомянуто выше, российская научно-аналитическая среда в области инноваций продолжает оставаться глубоко специфичной и локальной. Заметим, что это, в том числе, определяет и практически полное отсутствие какого бы то ни было заметного международного интереса к данной проблематике: «интерес

²¹⁸ Тормышева Т. А. Возможно ли в России построить национальную инновационную систему? [Электронный ресурс] // Российская ассоциация инновационного развития. URL: <http://www.rair-info.ru/publication/publication16/>, свободный. Загл. с экрана.

интернациональной аудитории к тому, что может предложить автор из данной страны, варьируется как от страны к стране, так и от дисциплины к дисциплине. Некоторые проблемы глобализированы и представляют собой одинаковый интерес для ученых в любой части света. Большинство тем исследований естественных наук относятся к этой категории. В случае с социальными и гуманитарными науками, однако, все может быть совершенно не так. Темы социальных наук часто привязаны к тому, что считается данным обществом его актуальными проблемами, но они не всегда воспринимаются как представляющие хоть какой-то интерес аудиторией за его пределами», справедливо отмечает М. М. Соколов²¹⁹.

Рассмотрение социокультурных аспектов инноваций не сразу вошло в повестку отечественных инновационных исследований. На фоне отсутствия инновационного феномена в СССР развивались подходы управления «научно-техническим прогрессом», при этом подчеркивалась его особая эффективность в условиях социализма и критиковались рыночные механизмы реализации научно-технического прогресса. Такое исторически сложившееся в СССР отождествление инновационной логики с развитием научно-технического прогресса на фоне дефицита, развитого актуального общественного знания сегодня во многом объясняет то, почему современным сообществом теоретиков и практиков в области инноваций в России сохранилось и транслируется ярко выраженное технократическое представление об инновационной экономике, что сегодня определяет специфические черты российской национальной инновационной системы.

В целом в отечественной науке обсуждение инноваций начинает проявляться и складывается в 80-х – 90-х гг. 20 века. Сначала, во многом полагаясь на зарубежный опыт и теоретические разработки, инновации получили свое осмысление по большей части в прикладной экономико-научной мысли, в частности в менеджменте, социологии организаций и т.д. К этим исследованиям следует отнести работы Г. А. Краюхина (формирование стратегии предприятия на

²¹⁹ Соколов М.В. Восточноевропейские социальные науки на интернациональных рынках идей [Электронный ресурс] // Полит.ру. URL.: <http://polit.ru/article/2009/05/21/ideas/>, свободный. Загл. с экрана.

инновационной основе), В. С. Циренщикова (вопросы научно-технической и промышленной политики), А. А. Мешкова (организационно-ориентированное исследование инноваций), Ю. С. Яковца (развитие теории циклов, кризисов и инноваций), Л. М. Гохберга (экономика и институты сферы науки, технологий и инноваций, форсайт-исследования, исследования научно-технической и инновационной политики), С. Ю. Ягудина (инновационный менеджмент), С. В. Ильдеменова (совершенствование управления нововведениями в промышленности), А. И. Пригожина (социология управления организационным развитием), В. С. Дудченко (основы инновационной методологии), В. Г. Колосова, Г. С. Гамидова, А. А. Акимова (управленческие основы инноватики), Ю. Д. Красовского (социология и психология управления, организационное поведение инновационных фирм), и др.

Рассмотрим, как социогуманитарное знание возникало в инновационном подходе в российских реалиях. Традиция исследований социальной стороны инноваций в отечественной науке была заложена Н. И. Лапиным, А. И. Пригожиным, Б. В. Сазоновым в рамках работы социологической лаборатории Всесоюзного научно-исследовательского института системных исследований (ВНИИСИ) - институте нового типа, ориентированном на междисциплинарные исследования комплексных проблем. В результате получило свое развитие направление «социология инноваций»: специализация в этой области давно институализирована на Западе и видится авторам весьма актуальной для повышения эффективности экономики современной России. В СССР в 1978г. состоялась первая всесоюзная конференция по проблемам нововведений, а во ВНИИСИ АН СССР под руководством проф. Н. И. Лапина в 1979г. начались семинары и ежегодные издания по той же проблематике (вышли сборники «Социальные факторы нововведений в организациях», «Структура инновационного процесса», «Инновационные процессы», «Нововведения в организациях», «Проблема интенсификации диагностики нововведений»). Однако до конца 1980-х гг. инновационная действительность, по словам Б.В. Сазонова, оставалась для нашей страны «терра-инкогнита», в стороне от массового

теоретического знания²²⁰. Публикаций и книг на эту тему в СССР было издано немного (Н. Мончев «Разработки и нововведения», 1978г.; В. Хартман, В. Шток «Критический анализ буржуазных теорий и практика управления промышленными исследованиями и разработками», 1979г.; И. Перлани «Нововведения в организациях», 1980г.).

Н. И. Лапиным, активно развивающим инновационный подход и в современной российской действительности, описываются три уровня инновационной деятельности: 1) инновационный человеческий капитал, 2) крупные экономические структуры и малые фирмы, и 3) социетально-инновационная структура. Неопределенности и риски описываются автором как важные составляющие инновационного процесса. В качестве социальных институтов рассматриваются венчурные фонды. Особое внимание уделено социокультурной легитимации предпринимательства в современной России. Также рассматривается уровень отдельной инновационной фирмы: характеризуются концепции инновационного развития организаций; социальные аспекты инновационно-маркетинговой стратегии фирмы; методология и опыт социологического консультирования инновационного менеджмента.

Субъекты инновационных действий, дифференциация их ролевых позиций на различных стадиях инновационного процесса исследуются А. И. Пригожиным. Из фокуса социологии организации и социологии управления автором рассматриваются социологические аспекты управленческих решений, сопротивление нововведениям в организации.

Дальнейшее развитие этих идей произошло в отечественной науке в таком направлении, как «социология инноватики» (Ю. А. Карпова, 2000е гг.), в целом рассматривающем инновационную сферу как системный объект социологического анализа. Основными вопросами данного направления стали вопросы формирования инновационной среды, вопрос личности в инновационном процессе, вопрос творчества как интеллектуального ресурса, вопрос образования как части

²²⁰ Санто Б. Инновации как средство экономического развития. М., 1990. 296 с.

инновационной системы²²¹. Проведенный в 2009-2011 гг. ряд конференций по теме «Социология инноватики», поддержанный целым рядом российских и зарубежных инновационных институций (Российская государственная академия интеллектуальной собственности (РГАИС), Клуб субъектов инновационного и технологического развития при участии Института социологии РАН, Германский дом науки и инноваций и др.), концентрировался на проблеме выработки механизмов социокультурного сопровождения инновационного развития, направленного на модернизацию всех сфер жизнедеятельности общества и человека.

Особо стоит отметить развитие направления исследований инновационной культуры, начатые такими учеными, как Б. Санто, Р. Шелтон, Дж. Эпштейн, и продолженные отечественными авторами Ю. Карповой, Б. Лисиной, В. Фокиной, А. Поскряковым и др. Инновационная культура понимается как «область общекультурного процесса, характеризующая степень восприимчивости личностью, группой, обществом различных новшеств в диапазоне от толерантного отношения до готовности и способности к превращению их в инновации»²²². Таким образом, инновационная культура представляет собой часть общечеловеческой культуры, определенную современной реальностью, характеризуемой стремлением общества как к материальному, так и к духовному самообновлению. Развитие инновационной культуры понимается как условие качественных изменений в жизнедеятельности, связанных с формированием и усилением устойчивой традиции воспринимать новое, и способности это новое использовать. Ценностная ориентация человека на нововведения закрепляется в компетенциях, способностях, мотивах, знаниях, умениях, а также специфических нормах поведения. Человек, обладающий инновационной культурой, выступает и как субъект, и как объект инновационных преобразований.

²²¹ Карпова Ю. А. Введение в социологию инноватики. СПб., 2004. 192 с.

²²² Лисин Б. К. Инновационная культура / Инновации. 2008. № 10 (120). С. 49.

В 1999г. представителями науки, культуры, образования, органов государственного и общественного управления, деловых кругов была принята «Хартия инновационной культуры», базовой предпосылкой создания которой выступило осознание, что устойчивое развитие цивилизации возможно только благодаря постоянным инновациям в культуре, экономике, управлении, науке, образовании, а также понимание, что культура инновационной деятельности имеет стратегически решающее значение. В частности, в хартии указывается необходимость более глубокого погружения представителей социогуманитарного знания в исследование инновационных процессов²²³.

Отмеченную нами в первой главе проблему доминирования технократического понимания инноваций в российском контексте подтверждают также высказывания ряда экспертов. Например, эту мысль отчетливо выразил в своем интервью Е. А. Малянов, подчеркнувший, что российский исторический опыт свидетельствует о постоянном приоритете технико-технологических инноваций: «Сначала это диктовалось задачами индустриализации страны, затем потребностями военного производства в годы Великой Отечественной, а после ее победоносного окончания необходимостью восстановления народного хозяйства. (...) Таким образом, в отличие от инноваций в техносфере, инновации в культурной сфере России не имеют богатого опыта теоретического осмысления, прикладных исследований и разработок, внятной государственной политики, нормативно-правовой базы, не говоря уже о приоритетном бюджетном (или ином) финансировании»²²⁴.

Характеризуя закон о создании «хозяйственных обществ» для практического применения результатов интеллектуальной деятельности, Е. А. Малянов подчеркнул, что этот закон способствует внедрению именно технических инноваций, предполагает активизацию структур технических вузов, в то время как гуманитарные вузы не имеют возможности реализовывать инновационные

²²³ Хартия инновационной культуры // Инновации. 1999. № 9 – 10. С. 25 – 27.

²²⁴ Тохтуева Ю. Рыночный спрос не выдвигает гуманитарные инновации в число приоритетов [Электронный ресурс] // Венчурный инвестор, 2011. URL: v-investor.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=55:2012-03-19-05-29-04&catid=9:2011-11-14-03-42-07&Itemid=23, свободный. Загл. экрана.

проекты в социально-культурной сфере, рассчитывая на помощь государства. Автор подчеркивает, что большинство социально-культурных инноваций не имеет цели извлечения прибыли, а, напротив, направлено на достижение положительных культурных, социальных, духовно-нравственных эффектов, и этот факт, к сожалению, убирает их из приоритетов общества свободной экономики. Согласимся с автором в том, для успешной модернизации существенно необходим баланс социотехнического и социально-культурного подходов к реформированию общества, без чего создание социокультурной базы для развития инновационной экономики будет крайне затруднено проблемами социально-культурного характера.

Сложившееся технико-экономическое понимание инноваций оспаривают и дополняют социальным, культурным, гуманитарным содержанием В. Ж. Келле, С. Е. Крючкова, Е. Н. Князева, Т. А. Мазаева. В работах В. А. Александрова, С. Д. Бешелева, В. Д. Голикова, В. В. Зародина, В. П. Иванченко, А. Г. Фонотова, В. С. Кабакова, Е. К. Краснухиной, Н. И. Лапина, В. А. Лукова, В. Л. Макарова, Н. П. Пищулина, А. И. Пригожина, Б. Ф. Усманова рассматриваются социальные аспекты инноваций, прикладные проблемы освоения нововведений и поведения человека в инновационной среде. Социологические аспекты инновационной деятельности в разрезе интереса к проблеме нововведений в условиях модернизации привлекли внимание множества исследователей, среди них В. М. Межуев, Л. А. Беляева, А. Н. Вольский, Р. А. Зобов, О. Л. Лейбович, В. П. Мохов, В. И. Пантин, В. Цапф и др. анализируют проблемы социальной модернизации в России и стратегии обновления российского социума. Под социальными (или социально-культурными) инновациями при этом часто понимаются рекомендации по трансформации социальных институтов или процессов. В таком случае под инновационной деятельностью зачастую понимают деятельность по консалтингу в социально сфере и разработке социально-политических рекомендаций. В литературе, где доминирует такое понимание социальных инноваций, часто приводятся примеры различных банков идей, например, банк «Граммин» для искоренения бедности Мухаммада Юнуса и иных

первопроходцев социального предпринимательства²²⁵, пока только начавших свое развитие в России и находящихся на этапе концептуального оформления и юридической проработки, поскольку в России пока нет отдельной организационно-правовой формы, например, для такой социальной инновации, как социальное предпринимательство, в отличие от Западных стран, являющихся поставщиком данных концептов, предлагающих плодотворное объединение социальных и экономических подходов и ценностно-целевых ориентаций.

Другой важной областью применения инновационного подхода к социокультурной сфере могут послужить образовательные и педагогические инновации, активно обсуждаемые российским образовательным сообществом. Общего определения для них пока не сложилось, однако в целом идею выражает достаточно точное, и при этом широкое определение Т. М. Ковалевой: «осмысленное привнесение новых элементов, которое позволяет качественно менять саму образовательную ситуацию, и дает нам возможность характеризовать данное действие как [образовательную] инновацию»²²⁶. В качестве примеров образовательных инноваций М. М. Поташником упоминаются новые педагогические профессии, инновации в методике преподавания различных учебных дисциплин, опыты по переносу зарубежных педагогик на «российскую почву», например, образовательные системы Вальдорфской педагогики, М. Монтессори, системы Френе и др. При этом естественным образом сфера образования начинает рассматриваться важнейшим звеном в инновационной производственной цепочке. Поскольку образование несет мировоззренческую, онтологическую функцию, а университет представляет собой инструмент социальной инженерии²²⁷, все эти трансформации определяют качество инновационного человеческого капитала. Также сфера образования в целом является ключевой для инновационной экономики, основанной на знаниях, а

²²⁵ Баталина М. Обзор опыта и концепций социального предпринимательства с учетом возможностей его применения в современной России [Электронный ресурс] // Государственный университет. URL: <http://www.hse.ru/data/502/962/1236/report.pdf>, свободный. Загл. с экрана.

²²⁶ Ковалева Т. М. Инновационная школа: аксиомы и гипотезы. М., 2000.

²²⁷ Вахштайн В. С. Метафорика университета [Электронный ресурс] // Портал Постнаука. URL: <http://postnauka.ru/longreads/13096>, свободный. Загл. с экрана.

управление знаниями представляет собой одну из ключевых составляющих управления инновационным процессом.

Однако, несмотря на все происходящие реформы образования, сегодня ряд экспертов подчеркивают деградацию сфер науки и образования. «Многие отмечают падение уровня подготовленности у выпускников современных вузов, несоответствие получаемых ими навыков навыкам, необходимым на производстве (известный разрыв «между теорией и практической деятельностью»), слабую готовность начинающих работников к профессиональному росту»²²⁸. Это является серьезным социокультурным вызовом для успешного инновационного развития: «ослабление образовательной базы и, соответственно, интеллектуального потенциала в инновационной деятельности создает несомненные трудности для адаптации инноваторов к рыночной среде», пишет Б. Ф. Усманов²²⁹.

И. Дежина отмечает, что, хоть сегодня и немало выпускников российских вузов в области естественных наук находят работу по специальности за рубежом, что показывает сильный научный потенциал России, однако ряд других параметров - перекашивающаяся возрастная структура научных кадров, снижающееся место нашей страны по уровню публикационной активности, недавно ставшие общеизвестными проблемы в подготовке кандидатов и докторов наук, - показывают, что этот потенциал сегодня находится на грани исчерпания. «В целом тренд негативный, к сожалению, и в основном именно по кадрам, то есть там, где исправить ситуацию быстро нельзя», - пишет Дежина²³⁰. О.А. Донских также отмечает неготовность систем образования и науки к инновационному прорыву, неэффективность заимствуемых моделей и индикаторов для управления наукой и образованием, для построения национальной модели науки, с опорой на существующие национально-культурные условия²³¹.

²²⁸ Томская область: потенциал и реалии инновационного развития // Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политология. 2013. № 1 (21). С. 66.

²²⁹ Усманов Б. Ф. Социальная инноватика. М., 2009. 315 с.

²³⁰ Носкова Е. Не словом, а делом. Госпрограмма развития инновационной экономики до 2020 года требует конкретных действий // Российская Бизнес-газета – Инновации. URL: <https://rg.ru/2013/05/14/innovazii.html>, свободный. Загл. с экрана.

²³¹ Донских О. А. Инновационный тупик // Вестник Омкого университета. 2015. № 1. С. 63–67.

Продолжая анализировать отечественные социокультурные наработки в области инноватики, отметим, что в современных исследованиях инновационного развития все чаще ведущее место уделяется анализу субъекта инновационной деятельности, внутренним механизмам развития его инновационного сознания. Исследуются ценности, потребности, мотивы, смысловые образования homo innovaticus - «человека инновационного». Это связано с тем, что главным драйвером массовой генерации инноваций и создания инновационной экономики сегодня часто называют накопленный высококачественный и креативный человеческий капитал.

Требование, с одной стороны, создания условий для генерации волны инноваторов - предпринимателей, а с другой стороны, присущее природе человека сопротивление изменениям, породило ряд исследований инновационной личности. Первая волна таких исследований началась на западе в 60-х гг., когда начался переход к постиндустриальной экономике и обществу. Это востребовало появление нового типа человека, открытого новшествам и генерирующего новшества, управляющего изменениями; но, как показал в своей книге «Футурошок» Э.Тоффлер, люди не были готовы к этому, они испытывают страх перед быстрыми переменами. Отсюда возник интерес к качествам и свойствам человека, способного преодолевать этот страх, предпринимателя, готового идти на риск (психологические качества которого были описаны еще Й. Шумпетером в 1930е гг.). В западной литературе в 60-е – 70е гг. было осуществлено описание конкретной инновационной личности. Само это понятие было введено Э.Хагеном в 1962г. как предпосылка усиления экономического роста, распространения предпринимательства и накопления капитала и противопоставлялось авторитарной несамостоятельной личности, описываясь такими чертами, как любознательность, творческий дух, поддержка новаций и творческого мышления других людей, собственное стремление к новизне²³². Обсуждая происхождение новаторской личности, Хаген указывает такие внешние факторы, как специфические

²³²Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С. 300.

исторические обстоятельства, которые способствуют «выходу личности за пределы статуса». При этом predetermined установленные статусы, типичные для традиционного «закрытого» общества, подрываются социальной мобильностью и «открытием» классовых и стратификационных иерархий. По Хагену, массовый характер такие процессы принимают после великих революций, которые дают стимул развитию индустриального общества²³³.

Американский ученый Д. МакКлелланд в 1960х гг. исследовал область «мотивации достижений», которая виделась им незаменимой для предпринимательской деятельности. «В обществе, где высок уровень стремления к успеху, всегда много энергичных предпринимателей, способствующих, в свою очередь, более быстрому экономическому росту», писал он²³⁴.

Вклад в описание инновационных черт современного человека внесло проведенное в 70х гг. под эгидой Гарвардского проекта по социальным и культурным аспектам развития сравнительное изучение шести развивающихся стран, которое показало, какие именно формируются личностные установки, качества, ценности, привычки, которые являются предпосылками для эффективного функционирования современного общества. Важными чертами были названы: открытость экспериментам, инновациям и изменениям; готовность к плюрализму мнений и даже к одобрению этого плюрализма; ориентация на настоящее и будущее, а не на прошлое; высокая ценность формального образования и обучения, и др.²³⁵

В 90-е гг., с ростом значения и влияния инноватики, активно формировались и концепции инновационной личности. По этому поводу А. Л. Никифоров заметил, что «специфика инновации как деятельности порождает определенный тип личности»²³⁶. В настоящее время существует ряд исследований, эмпирически описывающих инновационный тип личности (Г. И. Герасимов, Л. И. Плюхин, М. В. Волкова, В. Е. Клочко, Э. В. Галажинский, В. Н. Шевченко и др.). Как

²³³ Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С. 301.

²³⁴ Там же. С. 303.

²³⁵ Там же. С. 110.

²³⁶ Никифоров А. Л. Деятельность и свобода. // Деятельность: теория, методология, проблемы. М., 1990, С.342.

замечает В. Н. Шевченко, все они сходятся на том, что такая личность не просто умеет постоянно адаптироваться к быстрым изменениям, но и способна и стремится их породить²³⁷, что чрезвычайно востребовано в современных быстро меняющихся, наукоемких, высокотемповых экономиках и социальных системах.

К дискуссии подключились социологи, психологи, получили свое развитие такие направления, как социология инноватики, психология инноваций, социальная психология инноваций. Развитию этих направлений сопутствует развитие психологии творчества, одаренности, латерального мышления (Э. де Боно), креативности (Р. Флорида). Социально-психологическую сторону инновационных процессов исследовал гуру менеджмента П. Друкер, указывающий на социальную ценность инновационной деятельности, меняющей стиль мышления и стиль жизни многих людей. При этом подчеркивается роль интеллекта, изобретательности, нестандартности мышления участников инновационной деятельности²³⁸. В качестве примеров значимых событий, где осуществлялось осмысление роли инновационных субъектов, можно указать Всероссийскую научно-практическую конференцию «Человек и инновационная экономика современной России: философские аспекты», проведенную ФБГОУ ВПО Российским экономическим университетом имени Г. В. Плеханова в 2011 г.

Появились и попытки классифицировать «инновационного человека». В качестве типичного примера можно привести работу Б. Санто 1980-х годов, в которой он сгруппировал ролевые особенности людей по идентификации инновационного поведения. Ученый выделяет «человека-созидателя» (изобретательного, творческого, имеющего как личностные, так и общественные движущие мотивы); «чемпиона» (способного преодолеть сопротивление, на которое наталкивается новая мысль, охотно вступающего за нее в борьбу); «посредника» (лицо, которое по своим задачам, компетенции, личным амбициям способствует внедрению нововведения, обеспечивая прохождение

²³⁷ Шевченко В. Н. Инновационная личность как социальный тип // Научные ведомости БелГУ. 2010. Т. 2. № 11. С. 37-51.

²³⁸ Друкер П. Ф. Бизнес и инновации. М., 2009. 432 с.

инновационного процесса через границы технологически связанных организационных структур); «коллектив» (коллективная распределенная форма инновационного поиска); «руководитель» (руководитель инноватора, способствующий появлению новшества, создающий условия для его продвижения)²³⁹. По мнению Ю. Д. Красовского, в инновационной теории выделяются обычно шесть типов работников, в зависимости от степени готовности к принятию нововведений: инноваторы, сторонники нововведений, колеблющиеся, «нейтралисты», скептики и консерваторы²⁴⁰.

Заметим, что, поскольку двигателем развития экономики, общества и человеческого капитала, как главного интенсивного фактора развития, выступает конкуренция, проблема человека в инновационном дискурсе чаще всего рассматривается достаточно утилитарно: человек рассматривается либо как потребитель инноваций (в жанре стимуляции роста потребления и снижения сопротивления изменениям), либо как их производитель (инновационный предприниматель, инноватор). Заметим, однако, что здесь существует парадокс, сформулированный О. А. Донских: «при чисто экономическом подходе мы сталкиваемся со следующей парадоксальной ситуацией: общество потребления (...) формирует человека-потребителя, тогда как для инновационного общества нужен свободный человек-творец. А инновационная активность, понимаемая как быстрое внедрение принципиально новых изделий и технологических процессов, работает, в свою очередь, на усиление экономизма. И это замкнутый круг с положительной обратной связью»²⁴¹.

Этот факт порождает обсуждение вопросов повышения творческих, организационных и прочих способностей, создания для него особой поддерживающей среды (инкубаторов и проч.), инфраструктуры роста, нацеленной, в конечном счете, на рост экономического благосостояния. Это проявляется в экономических категориях ресурса и капитала, активно

²³⁹ Санто Б. Инновация как средство экономического развития. М., 1990. С. 179-181.

²⁴⁰ Красовский Ю. Д. Управление поведением в фирме: эффекты и парадоксы. М., 1997. С. 286.

²⁴¹ Донских О. А. Инновационный тупик // Вестник Омкого университета. 2015. № 1. С. 66.

применяемых к человеку. Теория человеческого капитала была развита рядом отечественных авторов в идее теории инновационного человеческого капитала. Поскольку человеческий капитал, как и всякий другой капитал, должен иметь способность воспроизводиться, то есть понесенные на его создание расходы должны принести еще большие доходы²⁴², то сущностной характеристикой homo innovaticus является его ориентация на экономическое измерение жизнедеятельности, доминирование экономической рациональности, что обусловлено прагматичностью и утилитарностью современного инновационного дискурса. Такое упрощение не позволяет осмыслить на должном фундаментальном уровне образ человека, соответствующий новой (постиндустриальной, инновационной) формации, привлечь ресурсы философской антропологии, социальной философии.

Неэкономические качества человека также зачастую редуцируются до способности потреблять инновации и постоянно самообновляться с этой целью. Как указывает В. С. Степин, к основным мировоззренческим универсалиям техногенной культуры относится понимание человека как деятельного активного существа, преобразующего мир; понимание деятельности как такого процесса, который обеспечивает власть человека над объектами; отношение к любому виду производительного труда как к ценности; понимание природы как противостоящего человеку закономерно упорядоченного поля объектов; трактовка целей познания как рационального постижения законов природы и т.п.²⁴³ Сходное понимание инновационного субъекта мы находим в тексте Инновационной стратегии России до 2020г., где дано определение инновационного человека. Подчеркивается, прежде всего, его «адаптивность к постоянным изменениям: в собственной жизни, в экономическом развитии, в развитии науки и технологий», а

²⁴² Черных Е. А. Человеческий капитал [Электронный ресурс] // Фонд знаний «Ломоносов». URL: <http://lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0131754>, свободный. Загл. с экрана.

²⁴³ Степин В. С. Теоретическое знание. М., 1999. С. 374.

также способность «быть активным инициатором и производителем этих изменений»²⁴⁴.

Однако сведение в рамках доминирующего инновационного дискурса человека к экономической проекции, редукция его до экономической эффективности, на наш взгляд, деформирует полноценный социокультурный взгляд на проблему инновационного субъекта. Преодоление этой узости видится важным направлением развития социокультурного измерения в рамках инноватики. На необходимость уделить более пристальное внимание антропосоциальным характеристикам креативного класса указывает и А. Окара. Он пишет, что, в отличие от понимания креативного класса Р. Флориды, основанного на профессиональном критерии (работники, занятые в креативном сегменте экономики, чья экономическая функция заключается в создании нематериальных активов, приносящих материальные дивиденды, – новых идей, новых технологий и нового креативного содержания), российской специфике больше соответствуют антропо-социальные критерии, когда основной классифицирующий признак связан не с объективными, а с субъективными, психологическими показателями. В таком понимании к креативному классу можно причислить всех тех, кто в пределах своей профессиональной или социальной деятельности является инноватором, генератором развития, создателем «точек роста». Это люди с творческой идентичностью, с определенным уровнем непрагматических жизненных мотиваций. «В условиях постиндустриального развития именно национальный креативный класс является основным генератором и источником инноваций, именно он создает символический капитал нации. В ситуации, где он подавлен, рассеян, маргинализирован, инновации приходится экспортировать извне, что характерно для догоняющих модернизаций»²⁴⁵.

Так, причиной отклонения от намеченной цели любых модернизаций в России А. П. Прохоров считает отсутствие «тех слоёв населения, тех типов чиновников,

²⁴⁴ Инновационная Россия – 2020: стратегия развития РФ на период до 2020 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://innovus.biz/media/uploads/resources/Innovative-Russia-2020.pdf>, свободный. Загл. с экрана.

²⁴⁵ Окара А. Новая идея для новой России: от демодернизации к креатократии // Идеология и философия солидаризма. Материалы научного семинара. 2009. № 9. 2009. С. 46.

менеджеров, политиков, судей, журналистов, которые будут двигать новшества. И приходится вместо нормальных движущих сил реформ волевым решением назначать квазидвижущие силы, тех, кто по своему опыту и социальному положению не соответствует возложенной роли реформаторов»²⁴⁶. А. А. Аузан пишет, что свойство креативности является одним из важных свойств человеческого капитала в России, который иногда давал изумительные результаты, но сейчас находится в разрушенном состоянии и сегодня таких результатов дать не может²⁴⁷. Человеческий капитал – это главная составляющая национального богатства всех современных обществ, при этом в развитых странах на него приходится до 70-80% национального богатства, тогда как в России, по оценке Л. Нестерова и Г. Ашировой, не более 50%, причем, по мнению других отечественных исследователей, и эта цифра завышена²⁴⁸.

«Инновационный прорыв должен обеспечить кардинальное изменение социокультурной ситуации в стране. И в первую очередь речь должна идти о формировании слоя стратегически и инновационно мыслящих людей, способных создавать и реализовывать целостную инновационную инфраструктуру страны», выражает общую мысль Н. Н. Александров²⁴⁹. В этом плане серьезным социокультурным вызовом является «утечка мозгов»: проектов, научных разработок, специалистов, не удовлетворенных существующими условиями для реализации научной или бизнес-карьеры в России.

Именно поэтому социокультурное содержание инноватики и понимание условий эффективной реализации инновационной политики является важным и перспективным направлением для ее развития. С одной стороны, в государственной политике развитых и большинства развивающихся стран мира при осмыслении инновационных практик используются общепризнанные обобщенные принципы, модели, условия, характеристики, которые видятся обязательными для любой ситуации, т.е. которые применимы в любом

²⁴⁶ Прохоров А. П. Русская модель управления. М., 2009. С. 183.

²⁴⁷ Аузан А. А. Национальные ценности и модернизация // Полит.ру, 2010. С. 64.

²⁴⁸ Нестеров Л. Национальное богатство и человеческий капитал // ВЭ. 2003. № 2.

²⁴⁹ Александров Н. Н. Проблемы инновационного менеджмента. М., 2011. С. 48.

специфическом социокультурном национальном контексте. Например, тесную интеграцию инновационной экономики и экономики знаний можно считать универсальным законом, ориентация на который соответствует ориентации на эффективное управление инновациями. Особое отношение к новому знанию, характерное для инновационных экономик, четко выразил Б. Санто: «Новую мысль... целесообразно считать... ростком будущей технологии, эмбриональным состоянием цельной инновационной системы, поэтому ее надо соответствующим образом поддерживать, защищать и направлять»²⁵⁰. Другим примером может послужить идея креативности, развиваемая в концептах креативного класса, креативной способности, и др. Неоспорим тот факт, что высокому уровню инновационной активности соответствует высокий уровень творческой продуктивности, и создание условий для этого обязательно включается в меры инновационной политики как на макроуровне (государственном, региональном), так и на микроуровнях (вузы, инновационные компании).

Но, с другой стороны, существуют определенные характерные признаки, черты, условия, которые являются индивидуальными для наций и во многом определяют как инновационный потенциал страны, так и проблемы в реализации ее инновационной стратегии. Это ее исторический, социальный, культурный багаж, для каждой страны уникальный и единственный в своем роде. В основном мейнстрим управленческой (а также экономической, социальной, психологической) мысли в области инноваций сосредоточен как раз на анализе мировых успешных практик и заимствовании теоретических моделей, формул и концепций (что, например, проявляется в стремлении ориентироваться на критерии международных рейтингов). Однако «идеальный закон», применимый для всех, до сих пор не сформулирован, и, при обилии предлагаемых «рецептов создания Силиконовых долин», на практике в полной мере эффективно реализовать технику копирования удалось единицам стран. Зачастую это объясняется как раз недоучетом той самой национальной и исторической специфики. Поэтому все чаще

²⁵⁰ Санто Б. Инновация как средство экономического развития. М., 1990. С. 256.

как в западной, так и в отечественной литературе мы встречаем попытки объяснить влияние исторических и социокультурных условий на эффективность тех или иных инновационных мер. Как писали многие исследователи национального характера, его изучение в итоге может оказать нам помощь в понимании того, что является отличительным для отдельных наций, а что – относительно универсальным для человеческого общества вообще²⁵¹.

Без проведения таких исследований существует огромный риск навсегда остаться в той ситуации, когда при серьезных управленческих усилиях и финансовых вливаниях, при построении всех необходимых институтов развития инновационной «сдвижки» не происходит. Более этого, как фиксируют практически все российские эксперты, происходит стагнация отечественной инновационной сферы. А. А. Аузан замечает, что нужно рассматривать эту ситуацию не с точки зрения «культурной блокировки», а с точки зрения грамотного использования культурной специфики²⁵².

Наше суждение подтверждает В. Лопатин, ректор Республиканского НИИ интеллектуальной собственности, который указывает в своем интервью, что «мы здесь допустили извечную ошибку России, когда, изучая зарубежный опыт, мы со всего мира берём то, что в нём работает, и пытаемся применить в одной отдельно взятой стране. Но такого нигде нет! В каждой стране, с учётом классических традиций, сложившейся практики, социальных и экономических возможностей сложились и успешно применяются отдельные элементы. Где-то работают технопарки, где-то работают бизнес-инкубаторы, где-то технополисы, где-то наукограды, но всё вместе в одной стране не работает нигде! Каждое ведомство, затратив соответствующие средства, в том или ином ключе изучило этот опыт и пытается внедрять его на практике, попросту осваивая деньги. В итоге получается винегрет, сборная солянка. Но системы нет»²⁵³.

²⁵¹ Лурье С. В. В поисках русского национального характера // Отечественные записки. 2002. № 3 (4).

²⁵² Аузан А. А. Национальные ценности и модернизация // Полит.ру. 2010. С. 78.

²⁵³ Найдён М. Инновации по-русски: 10% и «красный флажок» [Электронный ресурс] // Наука и технологии России – STRF.ru. URL: strf.ru/innovation.aspx?CatalogId=223&d_no=21180, свободный. Загл. с экрана.

Если представить процесс развития как естественно-искусственный, то все искусственные компоненты управления инновациями более-менее поняты, отрефлексированы, изучены, прописаны. Однако управление как искусственный процесс накладывается на некое естественное течение событий, натуральные условия, и в их взаимодействии и рождается реальность. Поэтому понимание тех естественных, годами и веками складывавшихся черт, характеризующих специфику российской действительности, сущностно необходимо. Знания об исторических, культурных и институциональных трендах развития должны быть использованы в качестве материалов для социокультурной аналитики и экспертизы, при принятии управленческих решений.

При определении приоритетных направлений инновационного развития РФ такой анализ, безусловно, был проделан: на остатках советского ВПК, на доставшемся в наследство от СССР мощном заделе в аэрокосмической отрасли предполагается построить новый фундамент промышленного потенциала страны по таким приоритетным направлениям, как авиационные и космические системы, перспективные вооружения, военная и специальная техника. Почетное место занимают также и энергетика и энергосбережение, в дополнительных комментариях не нуждающиеся. Однако социокультурные условия для реализации этих приоритетных проектов проанализированы куда менее детально. Имея дело с определенным «наследием», необходимо тщательно проанализировать и отрефлексировать причины деградации прежней системы, причины ее проигрыша на мировой арене и долгосрочные последствия этого. «История проигрыша СССР еще никем не осмыслена», утверждает П. Г. Щедровицкий²⁵⁴.

Сегодня в ряде исследований уже озвучены некоторые значимые характеристики, параллели между современной наукой и инновациями в России и их советским прошлым. Например, «Балзер (1989) отмечал, что централизация и фрагментированность российской научной системы берет свое начало еще в девятнадцатом веке. Американский историк науки Лорен Грэхем (1998) писал о

²⁵⁴ Милославская З. Советское образование вскормило монстра. Интервью с П. Г. Щедровицким [Электронный ресурс] // Утро.ру. URL: <http://www.utro.ru/articles/2013/04/17/1113927>, свободный. Загл. с экрана.

катастрофических последствиях «лысенковщины», которые наложили неизгладимый отпечаток на развитие отечественной генетики, не преодоленный до сих пор. А в 2008 году российский науковед, доктор экономических наук Ирина Дежина вместе с Грэхемом проанализировала этапы становления уже современной российской научной системы в переходный период. В своей работе авторы попытались проследить динамику реформ 1990–2000-х годов (см.: Loren Graham, Irina Dezhina, *Science in the New Russia. Crisis, Aid, Reform*, Indiana University Press)²⁵⁵.

России важно понимать исторические корни современных системных противоречий, поскольку что многие тренды развития современной инновационной системы берут свое начало в советском или даже более раннем периоде истории нашей страны. Эту точку зрения поддерживает Е. А. Клочихин (Институт инновационных исследований Университета Манчестера, Великобритания), который обсуждает такое «советское наследие», как преимущественно образовательную роль советских университетов, почти полное отсутствие необходимости патентной активности отечественных ученых в советской системе, феномен коррупции и кумовства в науке и инновациях, когда высокий академический и промышленный статус открывают доступ к высшему руководству страны и предоставляют огромные возможности для лоббизма²⁵⁶.

Говоря об историческом и социокультурном наследии, определяющем инновационный потенциал страны, стоит упомянуть и идеи Б. В. Сазонова, который указывает на два самых бедственных наследия, доставшиеся от советской управленческо-бюрократической машины: уничтожение предпринимательства, предприимчивости, и создание крайне инерционной технико-технологической системы, противостоящей радикальным путям развития и интенсивным способам создания нового²⁵⁷.

²⁵⁵ Клочихин Е. Инновации с имперским размахом [Электронный ресурс] // Независимая газета. URL.: ng.ru/science/2012-11-14/11_innovation.html, свободный. Загл. с экрана.

²⁵⁶ Там же.

²⁵⁷ Санто Б. Инновация как средство экономического развития. М., 1990. С. 15.

В более широком контексте описанная проблематика осмысления исторических и социокультурных оснований для создания эффективной инновационной экономики соответствует задаче выявления оснований и ресурсов для модернизации, понимаемой как инновационная модернизация. Как указывает М. Ядова, «большинство отечественных обществоведов убеждено в невозможности и ошибочности «модернизации вдогонку». Опыт западных стран может и должен быть не бездумно скопирован, но «органично «встроен» в культуру» российского общества»²⁵⁸. В. Г. Федотова пишет, что «наиболее адекватной формой модернизационного развития обществ на сегодняшнем этапе представляется модернизация, возникающая на некотором уровне уже достигнутой вестернизации, но связанная с решением собственных проблем различных стран собственными методами. (...) Мало кому удалось «догнать» Запад. Никто в других регионах мира не превратился в Запад и не может превратиться. (...) Западный вектор развития сегодня – это лишь усвоение отдельных нужных другим элементов западной экономики, политики, образования, культуры и т.д.»²⁵⁹. Реалии и перспективы модернизации в России осмысляются большинством современных обществоведов. Социальный потенциал российской модернизации исследуется такими авторами, как З. Т. Голенкова, М. К. Горшков, Р. Инглегарт, П. М. Козырева, В. А. Красильщиков, В. И. Мукомель, Т. И. Заславская, В. Г. Федотова, В. Цапф, О. Р. Шапиро, В. К. Шумилов и другие. Большинство упомянутых авторов указывают на отставание социокультурной модернизации в России: «если технико-технологическая модернизация в форме индустриализации вывела СССР в число наиболее промышленно развитых стран, то социокультурная модернизация отстала от нее на целый век. В итоге, в 1970-е - начале 1980-х гг. «захлебнулась» и технико-технологическая модернизация», пишет М. К. Горшков²⁶⁰. В этом смысле типично высказывание А. Ракитова о том, что

²⁵⁸ Ядова М. А. Российское поколение икс: «модернисты» и «традиционалисты» // Телескоп. 2008. № 3. С. 37.

²⁵⁹ Федотова В. Г. Социальные инновации как основа процесса модернизации общества // Вопросы философии. 2010. № 10. С. 5.

²⁶⁰ Горшков М. К. «Русская мечта»: опыт социологического измерения // Социологические исследования. 2012. № 12. С. 11.

«инновационный процесс не может осуществляться в одной точке, а изменение ментальности, призванной стимулировать модернизационную и инновационную ориентации нации, должно пронизывать сознание всех слоев общества». Автор также подчеркивает, что, помимо необходимости высококвалифицированных специалистов естественно-научных, математических, программистских, инженерных специальностей для реальных экономических, технологических и социально значимых инноваций, с другой стороны, стоит проблема широкомасштабного изменения менталитета общества, которая востребует хорошо подготовленных социально-гуманитарных специалистов и главным образом изменения самих условий жизни, организации общества, то есть общественного бытия и управления сложными социальными процессами²⁶¹. При этом В. М. Межуев отмечает, что модернизация как проект развития в настоящее время исчерпала себя, как по форме, так и по существу, поскольку такой переход подразумевает движение от традиционного общества к современному, а под современностью во всех моделях понимается Запад на индустриальной фазе его развития; однако, учитывая смену фазы на постиндустриальную, или информационную, встает вопрос ,который является предметом постоянных дискуссий на самом Западе, а какова суть этой новой глобальной реальности?²⁶²

Учитывая все существующие упомянутые сложности, выход на лидерские позиции становится весьма затруднителен и востребует целый комплекс мер не только экономико-технологического, но и социокультурного плана. Так, А. А. Аузан, перечисляя возможные сценарии развития и образы будущего России, одним из них, соответствующим духу модернизации, обсуждает вариант выхода на позицию культурного и интеллектуального лидера, и, как условие достижения поставленной цели в течение 20 лет, указывает на необходимость восстановления

²⁶¹ Ракитов А. И. Смена ментальности. Модернизация России, инновации, образование и наука [Электронный ресурс] // Свободная мысль. URL: <http://svom.info/authors/anatolij-rakitov/>, свободный. Загл. с экрана.

²⁶² Межуев В.М.Идея культуры: Очерки по философии культуры. М.: Прогресс-Традиция, 2006. - 408 с.

человеческого капитала, формирования соответствующих ценностей и институциональных преобразований, которые следуют из выбора ценностей²⁶³.

Таким образом, частью специфической российской проблемы модернизации выступает вопрос о национальных ценностях, особых национальных характеристиках общества, которые способствуют или тормозят движение в выбранном направлении, вопрос об инновационном креативном потенциале российского общества. Н. М. Лебедева и Е. Г. Ясин в статье «Культура и инновации: к постановке проблемы» связывают культурные ценности и отношение к инновациям, ссылаясь на мировой опыт и ряд западных исследований в области кросскультурной психологии и смежных дисциплин. Эти исследования в целом указывают на то, что «базовые ценности культуры влияют не только на экономическое развитие, состояние здоровья популяции, продолжительность жизни, ощущение благополучия и счастья, но и на изобретательность и инновационные диспозиции личности»²⁶⁴. Авторами описываются такие культурные ценности и особенности, как степень иерархичности (горизонтальности-вертикальности) общественного устройства, индивидуализм (приоритет индивидуальных целей над групповыми), особенности коммуникаций, уровень доверия (социальный капитал), трудолюбие и настойчивость, избегание неопределенности в обществе, дистанция власти, уровень коллективизма, развитость внутреннего локуса контроля (опора на собственное мнение, стремление брать на себя ответственность)²⁶⁵.

Авторы формулируют целый ряд рекомендаций сферам образования, науки, производства, власти, направленных на повышение открытости, демократизацию, снижение централизованности управления и монополизации, повышение навыков креативности. Характеризуя общественную аномию, А. А. Аузан в статье «Национальные ценности и конституциональный строй» пишет, что «мы сейчас

²⁶³ Аузан А. А. Национальные ценности и конституциональный строй [Электронный ресурс] // Интелрос. URL: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/reiting_09/material_sofiy/6110-nacionalnye-cennosti-i-konstitucionnyj-stroj.html, свободный. Загл. с экрана.

²⁶⁴ Лебедева Н. М. Культура и инновации: к постановке проблемы // Форсайт. 2009. № 2 (10). С. 18.

²⁶⁵ Лебедева Н. М. Культура и инновации: к постановке проблемы // Форсайт. 2009. № 2 (10). С. 18 - 20.

живем без ценностей (и в этом смысле не определены, не идентифицированы как нация)», в настоящее время происходит реальный социальный процесс формирования национальных ценностей, и «уделять внимание тому, какими механизмами эти ценности формируются, – это и означает пытаться положительно повлиять на процесс формирования национальных ценностей»²⁶⁶, что соответствует разговору о долгосрочных целях развития.

Ряд авторов, исследующих ценности российского общества, указывают на преобладающие настроения пассивности, социально-политической апатии, что создает неблагоприятный фон для инновационной активности. В. Г. Федотова пишет, что в России апатия – частое явление (особенно после войн, анархии революций), но о ней практически ничего не написано, хотя сегодняшняя ситуация настолько очевидно формирует апатию в обществе, что возникла нужда в описании и объяснении этого явления²⁶⁷. Автор пишет, что причиной апатии на уровне государства стала анархия 1990-х; усиление массовой апатии было также спровоцировано дефолтом 1998г., подорвавшим бизнес и надежды многих людей. Федотова перечисляет слои, которые меньше всего подверглись апатии – воодушевленные национальным строительством или протестом национальные меньшинства, некоторая часть людей из малого и среднего бизнеса, политические карьеристы, экстремисты.

Исследования Т. Кутковец и И. Клямкина показывают, что в российской политической культуре существует противоречие между модернистской культурой, которая ориентирована на развитие потребностей и свободной конкуренции, индивидуальных способностей, на право индивидуально принимать решения, ощущать верховенство закона, и «русской системой» взаимоотношения власти и народа, при которой поощряются заниженные потребности населения и государственная опека, бюрократическое господство и отсутствие верховенства закона. Т. Кутковец и И. Клямкин пишут, что социальная апатия является

²⁶⁶ Аузан А. А. Национальные ценности и конституционный строй [Электронный ресурс] // Интелрос. URL: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/rejting_09/material_sofiy/6110-nacionalnye-cennosti-i-konstitucionnyj-stroj.html, свободный. Загл. с экрана.

²⁶⁷ Федотова В. Г. Апатия на западе и в России // Вопросы философии. 2005. № 3. С. 14-26.

продуктом отсутствия модернистского проекта у государства, приводя данные собственного социологического исследования «Самоидентификация россиян в начале XXI века»²⁶⁸. Это исследование выявляет еще одну важную характеристику российского общества: почти 75% опрошенных считают, что в современной России, вступая в деловые и прочие отношения, нельзя быть уверенным, что тебя не обманут. При этом большинство опрошенных хотело бы жить в стране, где доверие не было бы столь дефицитным.

Уровень недоверия как культурная характеристика социума особенно важен для анализа инновационного потенциала общества. П. Штомпка включает синдром недоверия в характеристики полученной травмы посткоммунистических наций, находящихся, согласно его теории, в состоянии выхода из посттравматического состояния. Другие признаки этого состояния: ностальгия по прошлому; мрачный взгляд на будущее; травмы коллективной памяти; политическая апатия и др.²⁶⁹ Синдром недоверия особенно важен в контексте построения современного инновационного общества, где доверие выступает одним из базовых нематериальных активов и основой социального капитала. На проблему дефицита доверия указывается в исследованиях целого ряда ведущих российских социологов. Так, неприятие большинства граждан России в возможность позитивных изменений в бытовой, производственной, политической и духовно-культурной сферах, традиционное для страны неприятие «начальству», связанное с оторванностью последнего от социальных, бытовых и социопсихологических проблем населения, видится А. Ракизову одним из самых сильных препятствий на пути к модернизации общества и создания инновационной мотивации²⁷⁰.

Помимо социопсихологического, дефицит доверия имеет и вполне экономическое выражение. С. Гуриев в статье «Россия не то место, где бы вы захотели делать бизнес» в *Financial Times* утверждает, что Россия не может

²⁶⁸ Кутковец Т. Нормальные люди в ненормальной стране // Московские новости. 2002. № 25. URL: <http://www.liberal.ru/articles/cat/885>, свободный. Загл. с экрана.

²⁶⁹ Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Полис. 2001. № 2. С. 3-12.

²⁷⁰ Ракизов А. И. Смена ментальности. Модернизация России, инновации, образование и наука [Электронный ресурс] // Свободная мысль. URL: <http://svom.info/entry/211-smena-mentalnosti-modernizaciya-rossii-innovacii-o/>, свободный. Загл. с экрана.

добиться роста ВВП на уровне 5-6% в год, как это планируется высшим руководством страны, в связи с недоверием предпринимателей к ведению бизнеса в России, что порождает внушительный отток капитала из страны²⁷¹. С. Гуриев и О. Цывинский в статье «Ловушка недоверия» пишут, что порочный круг недоверия граждан друг другу и к частному предпринимательству разорвать очень трудно, и в некоторых странах эффекты недоверия длятся столетиями. Авторы пишут, что последние экономические исследования показывают, что в России за последние 15 лет произошло резкое изменение уровня доверия в худшую сторону, и если уровень доверия в 1991 г. соответствовал среднеевропейскому, то сегодняшний уровень доверия в России – это скорее уровень доверия в бедной развивающейся стране²⁷². А. А. Аузан указывает на резкий рост уровня взаимного доверия людей, наряду с увеличением масштабов общественной деятельности, действиями крупных организаций и возникновением переговорных площадок, важнейшими условиями накопления социального капитала, обусловившего резкий экономический роста («экономическое чудо») в странах Центральной Европы и Восточной Азии в середине XX века после ликвидации тоталитарных режимов²⁷³.

Продолжением характеристик апатии и недоверия является предпочтение конформизма, патернализма, ценность безопасности. Е. Г. Ясин пишет, что «сейчас уже многие понимают, что обязательным условием инновационных преобразований является преодоление культурного барьера, прежде всего традиционно патерналистских и иерархических моделей на всех уровнях, губящих всякую инициативу и творческие порывы и в итоге препятствующих рыночным процессам. Они зиждутся на ценностях власти, безопасности, конформизма»²⁷⁴. Эти тенденции весьма сильны: как указывает М. К. Горшков, среди населения нынешней России традиционалисты и тяготеющие к ним по большинству значимых ценностных ориентаций, составляют 73 - 75 %²⁷⁵. В статье «Свобода.

²⁷¹ Месропян М. Гуриев: Россия не добьется роста ВВП в 5% из-за недоверия бизнеса [Электронный ресурс] // Вedomosti. URL: <http://www.vedomosti.ru/finance/articles/2013/06/21/>, свободный. Загл. с экрана.

²⁷² Цывинский О. Ratio economica: Ловушка недоверия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2009/06/09/ratio-economica-lovushka-nedoveriya>, свободный. Загл. с экрана.

²⁷³ Аузан А. А. Институциональная экономика для чайников. М., 2011. С. 57-59.

²⁷⁴ Лебедева Н. М. Культура и инновации: к постановке проблемы // Форсайт. 2009. № 2 (10). С. 16-26.

²⁷⁵ Горшков М. К. Российское общество в социологическом измерении // Мир России. 2009. № 2. С. 5-7.

Неравенство. Братство» автор пишет, что в последнее время все чаще обсуждается, возможно ли из нынешнего неопределенного мира вернуться в мир определенной «несвободы», т.е. закрытости, но компенсацией за это могло бы стать усиление «интересов безопасности» как личности, так и общества. Автор отмечает, что многие россияне хотели бы сделать этот выбор: 63% граждан согласны мириться с некоторыми ограничениями своих прав и свобод, и только 6% категорически не хотят поступиться свободой ради «интересов безопасности»²⁷⁶. По данным «Левада-центра», за прошедшие 20 лет, доля россиян, полагающих, что «надо отдать власть в одни руки, и тогда будет порядок» возросла в 2.5 раза и достигла 45 - 50%, приводит данные С. А. Магарил²⁷⁷. В. Г. Федотова утверждает, что существует определенный ценностный кризис в стране, связанный с тем, что несомненная важность стабильности и безопасности не может совпасть с признанием этих факторов как высших ценностей, поскольку сегодня значимой ценностью также постулируется развитие, подъем страны, ее модернизация, улучшение жизни людей, и в сравнении с ними проблема развития выходит за пределы безопасности и имеет большие основания быть воспринятой как ценность²⁷⁸.

А. В. Буздалин относит проблему свободы к одному из социокультурных вызовов современной России. «Россия уже стоит перед барьером постиндустриального общества, что требует новой культурной парадигмы, основанной на принципе свободы. Но внутреннее самосознание граждан во многом еще определяется тоталитарным прошлым. Получается, что успех инновационного проекта во многом зависит от того, что происходит в голове каждого отдельного человека-гражданина. Необходима консолидация принципов ответственности, терпимости, солидарности и свободы. Цензура, в том числе и внутренняя, сковывает инновационное мышление», пишет эксперт²⁷⁹.

²⁷⁶ Свобода. Неравенство. Братство: Социологический портрет современной России. М., 2007. С. 123.

²⁷⁷ Магарил С. А. Социогуманитарное образование: невыученные уроки // СоцИс. 2012. № 12. С. 95.

²⁷⁸ Федотова В. Г. Апатия на западе и в России // Вопросы философии. 2005. № 3. С. 23.

²⁷⁹ Буздалин А. В. Развитие инновационной составляющей экономики России: перспективы и роль экономической политики. М., 2007. С. 31.

Еще одной иллюстрацией является комментарий В. Магуна и М. Руднева к данным международного сравнительного проекта «Европейское социальное исследование», проведенном в 32 европейских странах, с использованием подхода к анализу национальных ценностей, разработанного Ш. Шварцем. Из всей иерархии показателей В. Магун и М. Руднев для наглядности останавливаются только на двух самых интегральных – их называют «ценностными осями». «Один из этих интегральных параметров – это «Открытость изменениям – Сохранение» (в его состав входят на стороне Открытости такие ценности, как Риск-новизна, Самостоятельность и Гедонизм, а на стороне Сохранения – Безопасность и Конформность, Традиция). Во втором интегральном параметре на одном полюсе «Забота о людях и природе» (включающая помощь окружающим, равный подход к людям вне зависимости от их богатства и статуса, толерантность, сохранение природы), на другом, наоборот, «Следование личному интересу как стремление к личному успеху, материальному достатку и власти». По оси «Забота – Следование личному интересу» Россия характеризуется крайне высокой приверженностью ценностям Следования личному интересу, что означает не соборность и коллективизм, а ровно наоборот: личный успех, богатство и власть. По индивидуалистическим ценностям россияне лидируют в Европе, что еще раз подтверждает тезис о недоверии. Ценности альтруизма и солидарности наиболее выражены в Скандинавии и Западной Европе, а России по этому фактору статистически близка с такими странами, как Украина, Словакия и Турция. По оси «Открытость изменениям – Сохранение» Россия смещена к полюсу более консервативной ориентации на ценности Сохранения²⁸⁰, что также не соответствует инновационной стратегии развития.

Проблема недоверия относит нас к глубочайшей проблеме отечественной культуры – специфически российскому феномену отчуждения общества от власти. Теоретики говорят о том, что успешная инновационная модернизация возможна лишь при трансформации отношений власти и народа из вертикальных, состоящих

²⁸⁰ Магун В. С. Наше национальное «Я» [Электронный ресурс] // Ведомости. URL: http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2010/10/20/nashe_nacionalnoe_ya, свободный. Загл. с экрана.

из господства и подчинения, – в горизонтальные, строящиеся на взаимном доверии и сотрудничестве. Однако само достижение такой широкой солидарности и баланса сил – вопрос, уводящий в проблемы этического плана, в особенности национальной истории. Таким образом, с другой стороны, можно рассматривать данные проблемы как следствие несформированности взаимоотношений и серьёзного взаимодействия идеологии и гуманитарной науки. В таком рассмотрении область гуманитаристики выступает как значимый содержательный посредник-медиатор между субъектами власти, идеостроителями и различными группами населения, их мотивами и ценностями.

Усугубляет ситуацию также то, что попытка создать инновационную экономику в России прежде всего инициирована сверху, со стороны государства. Присущая такой системе централизация и излишний патернализм вызывает серьёзную критику со стороны как российских, так и международных экспертов. Так, И. Дежина указывает на специфически российскую проблему слишком «сильного звена», а именно - довлеющего влияния государства, его патроната, «который нарушает баланс между сторонами, разъединяет их, гипертрофирует взгляд на то, как и что надо делать. Согласно теории «тройной спирали» (взаимодействия государства, науки и бизнеса), государство должно быть равным партнером, а не вершиной треугольника»²⁸¹, утверждает И. Дежина. Критику вызывает также забюрократизированность и коррумпированность государственного аппарата. Хотя существуют и объективные причины такого положения дел, связанные с дефицитом спроса на инновационные разработки со стороны промышленности и других отраслей хозяйства, упадком несырьевых отраслей производства, плохим инвестиционным климатом, предпочтением импорту новых технологий, оборудования и материалов, отсутствием единой государственной промышленной и инвестиционной политики. В результате часть инновационного сообщества в России ожидает еще большего участия государства

²⁸¹ Носкова Е. Не словом, а делом. Госпрограмма развития инновационной экономики до 2020 года требует конкретных действий [Электронный ресурс] // Российская Бизнес-газета – Инновации. 2013. URL: <https://rg.ru/2013/05/14/innovazii.html>, свободный. Загл. с экрана.

в решении проблем инновационного развития²⁸². Как указывает А. Б. Вебер, в ходе опроса, проводившегося НАИРИТ, 58,7% респондентов высказались за усиление роли государства в формировании инновационной инфраструктуры. При этом одновременно постоянно звучат требования о сокращении государственного вмешательства в инновационную экономику²⁸³. Когда государство, являясь инициатором инновационной деятельности, становится и главным ее субъектом, - это не является эффективным с точки зрения успешности реализации инновационной политики, демонстрирует И. Дежина, проводя анализ инновационной политики России за весь период ее существования²⁸⁴. Неэффективность инновационной политики при доминирующем участии государства и государственно-административных структур в ее формировании и реализации подтверждается и примерами успешных инновационных систем развитых стран, где это участие регламентировано и ограничено²⁸⁵.

Описываемое положение дел обуславливает такую характеристику инноватики в России, как ее идеологизированность. Поскольку в России инновационное развитие представлено в качестве ключевого момента построения и реализации национальной модели модернизации, инноватика становится ключевым элементом политико-экономического дискурса. Интерпретируемая в свете политических интересов, инновационная тематика приобретает типологические характеристики идеологии, понимаемой в противопоставлении науке и культуре как нечто сконструированное и искусственное, поддерживающее интересы доминирующих групп и служащее инструментом мобилизации²⁸⁶. Вследствие этого весь инновационный дискурс детерминируется жанровыми чертами идеологии, которые автоматически переносятся на разные содержательные области, актуализирующиеся в теме инноваций.

²⁸² Вебер А. Б. Россия перед инновационным вызовом: опыт «нулевых» годов // Россия реформирующаяся. М., 2012. Вып. 11. С. 88.

²⁸³ Там же.

²⁸⁴ Дежина И. «Игра в куклы» [Электронный ресурс] // «Полит.ру». URL: <http://www.polit.ru/article/2011/03/31/dolls>, свободный. Загл. с экрана.

²⁸⁵ Дероше П. «Возможна ли новая Кремниевая долина?» [Электронный ресурс] // Полит.ру. URL: <http://www.polit.ru/article/2011/04/08/deroche>, свободный. Загл. с экрана.

²⁸⁶ Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. 700 с.

Фиксируемая непроработанность и поверхностность инновационной идеологии приводит к методологическим трудностям в организации взаимодействия разных научных и практических областей знания. Носителями этой идеологии являются по большей части представители власти, административно-чиновничьи слои, осуществляющие управление и администрирование инновационных процессов, задающие тематические и концептуальные рамки, контролирующие результаты инновационных проектов и программ. Специфика административного подхода к социокультурным объектам управления в сфере инновационных процессов, таким, к примеру, как «наука», «молодёжь», «городская среда», выражается в рассмотрении их как «внешних», «натуральных» (*per se*), что не позволяет увидеть их гуманитарную специфику.

Таким образом, негибкость идеологизированного инновационного дискурса вкупе со спецификой административного подхода дают в результате то, что собственно гуманитарное, социокультурное содержание, вырастающее из живых человеческих мотивов, деформируется и подменяется «лекалами», сконструированными «сверху». «В рамках социально-морфологической точки зрения ударение делается не на специфических социальных функциях рассматриваемых групп, а на их социально-мобилизационном потенциале, то есть способности участвовать скорее в политическом, чем в социально-экономическом процессе»²⁸⁷. Зачастую социокультурные дефициты не проблематизируются и не осмысляются как отдельные и сложные аспекты ситуации, а формализуются и устраняются (закрываются). Помимо прочего, идеологичность инновационного дискурса не позволяет отслеживать и осмыслять неудачный опыт и тем самым развивать рефлексивные механизмы. При очевидной и естественной для инновационной деятельности дефицитности экспертизы, развитие рефлексивных механизмов могло бы уменьшить присущие ей риски. Отсюда основную сложность вхождения социокультурного содержания в инновационный дискурс можно

²⁸⁷ Генисаретский О. И. Навигатор: методологические расширения и продолжения. М., 2002. С. 445.

сформулировать следующим образом: идеология, являясь квазиформой гуманитарного знания, выступает, по сути, его антагонистом и не позволяет развернуть глубокое осмысление гуманитарных, социальных, культурных аспектов инновационной деятельности. Однако и гуманитарная наука традиционно находится в оппозиции к любому рода идеологиям (и технологиям), что в российской истории неоднократно оборачивалось разрушением ценностно-идеологического ядра, измельчанием мотиваций общественного и индивидуального существования²⁸⁸. Это привносит дополнительные трудности в понимание возможного плодотворного взаимодействия идеологии и гуманитарной науки.

С этой точки зрения, одна из реальных социокультурных угроз в России – это возможная профанация и деконструкция модернизационно-инновационной риторики (включая разговоры о «нанотехнологиях», «человеческом капитале», «экономике знаний», «креативной экономике», «модернизации», «прорывном развитии»). Инновационная риторика рискует утратить свою осмысленность и энергетику и стать новым «ритуальным языком» административно-бюрократической элиты – своеобразным тестом на лояльность перед начальством. «Идеологические поиски и социально-философские дискуссии в нынешней России постепенно заходят в тупик – вместо новых идей и модернизационных стратегий изобретаются новые слова и пиар-тезисы, нацеленные не на стимулирование развития страны и народа, а на консервацию политического режима и системы экономических отношений, либо на их расшатывание и уничтожение – в среде радикальной оппозиции»²⁸⁹. И. Дежина в своем интервью говорит, что бесконечные разговоры об инновациях, часто с использованием понятных только узкому кругу лиц жаргонизмов, типа формирования инновационной экосистемы, строительства «инновационного лифта», мегапроектов, мегагрантов и т.д., усугубляет ощущение стагнации, поскольку инновационная тематика начинает восприниматься

²⁸⁸ Окара А. Новая идея для новой России: от демодернизации к креатократии // Идеология и философия солидаризма. Материалы научного семинара. 2009. № 9. С. 32-60.

²⁸⁹ Окара А. Новая идея для новой России: от демодернизации к креатократии // Идеология и философия солидаризма. Материалы научного семинара. 2009. № 9. С. 52.

«заговоренной» в прямом и переносном смысле этого слова, что мешает реальной работе²⁹⁰.

Исследователи говорят в этой связи о противостоянии формальных (законы) и неформальных (ценности) институтов. Противоречие этих институтов Дуглас Норт называет эффектом блокировки, а В. Полтерович – институциональной ловушкой. А. А. Аузан характеризует Россию, как страну, проходящую модернизацию, разрывом формальных и неформальных институтов, характеризующимся скрытым или явным сопротивлением инновационной идеологии как части государственной политики. Исторически сложившееся недоверие к власти и принимаемым ею решениям априори обрекает их на недостаточную эффективность реализации.

Подводя итог, в целом в российской науке можно зафиксировать наличие нескольких авторитетных утвердившихся исследователей и направлений социальной стороны инноваций и достаточно большое количество более «мелких», несколько противоречивых, несистематизированных подходов, частично привносящих свое авторское понимание, частично дублирующих уже существующие отечественные идеи и идеи зарубежных коллег. В совокупности все перечисленные и охарактеризованные области исследований, синтезирующие различные направления изучения инновации в гуманитарных науках, способствуют развитию социокультурного измерения инноватики как особой существенной области рефлексии инновационных процессов. Развитие этой области приводит, в частности, например, к тому, что сегодня инноватика все больше соотносится с гуманитарной сферой в образовании: курсы, посвященные инновационной проблематике, начинают включаться в учебные планы по подготовке специалистов не только технического и экономического, но и гуманитарного профиля²⁹¹. Таким образом, социальные аспекты инновационной деятельности начинают все более активно исследоваться российскими учеными, а

²⁹⁰ Носкова Е. Не словом, а делом. Госпрограмма развития инновационной экономики до 2020 года требует конкретных действий [Электронный ресурс] // Российская Бизнес-газета – Инновации. 2013. URL: <https://rg.ru/2013/05/14/innovazii.html>, свободный. Загл. с экрана.

²⁹¹ Крючкова С. Е. Новые дисциплины в вузе: проблемы становления // Высшее образование для XXI века: VII междунар. науч. конф. Москва, 18-20 ноя. 2010 г. М., 2010. Вып. 2. 91 с.

знание такого рода - институционально закрепляться в российской науке и образовании. В качестве примера может послужить открытие в 2013г. новой магистерской программы «Социология управления инновационным развитием» в МГИМО.

Чем дальше осмысление сути инновационного развития уходит от доминирующей технико-экономической парадигмы, тем более явно проступают новые развороты при постановке проблемы эффективности инновационной политики, инновационных практик. Как уже было упомянуто вначале, сегодня все четче осознается значимая роль не только экономико-технических, но и социокультурных аспектов инновационного развития. Перечислим те социокультурные вызовы, которые нам видятся ключевыми проблемами, сегодня во многом обуславливающими эффективность инновационного развития России:

- Ярко выраженное технократическое представление об инновационной экономике, низкое качество социокультурной рефлексии инновационных процессов.
- Недостаточное внимание к социальным и социокультурным инновациям как в теоретическом, так и практическом ключе, отсутствие внятной государственной политики, нормативно-правовой базы, дефицит их серьёзного теоретического осмысления и прикладных исследований.
- Ослабление образовательной и научной базы, и, соответственно, интеллектуального потенциала в инновационной деятельности.
- Слишком «плоское», упрощенное понимание инновационного субъекта в рамках доминирующего инновационного дискурса, редукция до экономической эффективности, что не позволяет осмыслить на должном фундаментальном уровне образ человека, соответствующий новой (постиндустриальной, инновационной) формации, его антропосоциальные характеристики.
- Малое внимание к реальным национальным социокультурным и ценностным характеристикам российского общества, которые необходимо учитывать с точки зрения грамотного использования культурной специфики, постепенного широкомасштабного изменения менталитета общества.

- Дефицит воспроизводства человеческого капитала, формирования соответствующих ценностей и институциональных преобразований, которые следуют из выбора ценностей. Риски доминирующих настроений пассивности, конформизма, патернализма, социально-политической апатии, взаимного недоверия и отчуждения общества от власти, являющихся сильными препятствиями на пути к модернизации общества и создания инновационной мотивации.

- Довлеющее влияние государства, его гипертрофированная роль в вопросах построения инновационной экономики. Соответствующая идеологизированность инновационного дискурса, угроза его возможной профанации и деконструкции модернизационно-инновационной риторики.

- Разрыв формальных и неформальных институтов, характеризующийся скрытым или явным сопротивлением инновационной идеологии как части государственной политики.

Все вышеизложенное обозначает сложнейшие проблемы и широкое поле работы для отечественных социогуманитариев. Именно развитие социокультурного измерения в рамках инновационного подхода видится ключевым для решения перечисленных проблем и вызовов. При этом необходимо учитывать как то, что у каждой страны существует своя уникальность, так и то, что есть проблемы общего плана, характерные для любых стран. А вот способы и скорость преодоления этих проблем в разных странах могут очень отличаться. Развитие социокультурного измерения инноватики видится в этом смысле в долгосрочной перспективе ключевым с точки зрения преодоления неэффективности реализуемой инновационной стратегии, стагнации инновационной сферы, поддержки и развития соответствующих инновационному обществу ценностных установок, инновационной культуры в целом, формирования полноценного социокультурного взгляда на проблему инновационного субъекта.

Заключение

В изучении тенденций и перспектив развития инноватики было выявлено, что, с одной стороны, инновации призваны служить способом разрешения социальных проблем, с другой стороны, сами порождают нестабильность, сложно предсказуемые социальные последствия и риски, связанные с возросшей скоростью изменений, ростом стрессов, ростом зависимостей, адаптационными срывами, информационной усталостью, что ведет к росту алармистских настроений, мнений о суицидальном поведении человечества, о глобальной антропологической катастрофе. Наиболее значимые контексты понимания инноваций и философские предпосылки, заложенные в инноватику в период ее становления (середина XX века), определяют доминирование таких объемлющих представлений о реальности, как прогрессизм, рационализм, прагматизм, эмпиризм, технократизм, сциентизм, что ведет к игнорированию социокультурного аспекта инноваций. Однако без преодоления дефицита в перспективных, гуманитарно насыщенных и ориентированных инновационных путях социокультурного развития, человечество может встретиться с непреодолимыми трудностями. Обозначенное противоречие определило проблемную область данного исследования.

Для решения обозначенной проблемы была выдвинута гипотеза о необходимости преодоления дефицита социокультурной осмысленности инновационных преобразований через разработку и обоснование человекомерных возможностей, заложенных в инновационных процессах в явных и латентных формах и, соответственно, раскрытия её перспектив развития не только в производственно-технологическом, но и в гуманитарном направлении. При исследовании социокультурного измерения инноватики в духе «рефлексивной модернизации» в рамках глобальных контекстов цивилизационного развития был сделан акцент на последствиях и эффектах инновационной деятельности, на нелинейных и ненаправленных обратных эффектах инновационного типа развития, традиционно представляемого в линейной логике. Были рассмотрены такие факторы, как непредсказуемость эффектов технологических решений и

накопленный опыт экологических катастроф, связанных с техногенным характером человеческой цивилизации, привлечено обсуждение идеи рисков, их интенсификации и распространения, катастрофических предчувствий, констатации системного кризиса, артикулированы вопросы о социальной ответственности инноваторов, вопросы предвидения и прогнозирования, управления рисками в долгосрочной перспективе, оформления этической стороны инновационных научно-технических разработок, что открывает широкое поле для междисциплинарных исследований и разработок.

Было показано, что инноватика имеет мощный потенциал для обеспечения устойчивого развития, однако важнейшим условием реализации которого является восполнение ее социокультурной дефицитарности. Была проведена систематизация социокультурного знания разных сфер на основании степени его интегрированности в инновационный дискурс. Данная систематизация включает в себя: а) актуальное разработанное социокультурное содержание инноватики, к которому относятся, прежде всего, социо-экономические аспекты инноваций (влияние инноваций на динамику занятости, вопросы инновационного предпринимательства и качеств предпринимателя, концепция «социальной способности» в рамках теории национальных инновационных систем); б) самостоятельные области социогуманитарного знания, развивающиеся во взаимосвязи с теорией инноваций (связь инноваций с процессами общественного воспроизводства; концепции инновационного общества; вопросы возникновения и распространения культурных нововведений; разработки в области психологии и социологии инноваций); в) латентное, потенциальное социокультурное содержание инноватики, на сегодняшний день мало интегрированное в инновационный дискурс. Методологическими источниками такой интеграции должны стать философия и социология техники, представления о социотехнических системах, исследования общества риска, этические аспекты внедрения новых технологий, STS (наука и технологии в обществе).

Было выявлено, что в ближайшей зоне развития социокультурного измерения инноватики в области анализа долгосрочных последствий и эффектов инновационного развития, глобальных социогуманитарных трансформаций,

основными ресурсами выступают: теория культуры и социокультурный подход (анализ параметров, границ и возможностей инновационного процесса, процессы принятия, адаптации, сопротивления инновациям), социальная теория (возросшие темпы изменений в социальных практиках, образцах поведения людей, их индивидуальном сознании и общественном знании, трансформации идентичностей, проблемы усвоения новшеств и адаптации к переменам), психология (психология инновационной деятельности и психология перемен), антропоцентристский подход к исследованию техносферы (прогнозирование техногенных изменений в человеческой жизни, порождаемых технологическими изменениями).

При анализе сфер дефицитарности социокультурного измерения инноватики на современном этапе ее развития было выявлено, что, как в теории, так и на практике, существует дефицит социокультурного предвидения и прогнозирования, предполагающего получение комплексных оценок будущего различными методами, такими как экстраполяция, прогноз, теория вероятностей, форсайт. Также, в связи с этим, было выявлено недостаточное внимание к социокультурному сценированию и экспертизе, предполагающим исследование социокультурных эффектов от внедрения технологических инноваций в средне- и долгосрочной перспективе и повышение контроля над социокультурными эффектами технических инноваций. Далее, неразработанность релевантной теории управления социокультурным развитием, предполагающей предвидение рисков, определение их вероятных размеров и последствий, определяет нехватку мероприятий по предотвращению или минимизации связанных с ними потерь. Особо отмечено, что в настоящее время остро стоит вопрос определения субъектов ответственности и процедур выработки и согласования новых социокультурных норм в порождаемой инновациями новой социокультурной реальности. В целом обнаружена неразвитость социальных технологий и инноваций, способствующих социальной адаптации и координации инноваций в социуме. Ресурсной для развития социокультурного измерения инноватики составляющей теории культуры с точки зрения границ инновизации и способности общества адаптироваться к меняющимся условиям увиделись представления о балансе

обновления, креативности, хаоса и стабильности, ритуала, нормирования, традиционализации; представления о социокультурных институтах обновления. Перечисленные сферы внимания и составили социокультурное измерение инноватики, реализующее прогностическую и адаптационную функции культуры.

Помимо этого, применительно к специфически российской ситуации, осуществлен анализ социокультурных дефицитов, снижающих эффективность инновационного развития в российском обществе, и определяющих тем самым запрос на разработку инструментов, развивающих социокультурное направление в управлении инновациями и инновационном подходе в целом. Наряду с общеизвестными экономическими факторами, препятствующими эффективности инновационного развития, к определяющим российским социогуманитарным дефицитам было отнесено ярко выраженное технократическое представление об инновациях, отсутствие транслируемого в инновационной политике на фундаментальном уровне образа инновационно-ориентированной личности, соответствующей новой (постиндустриальной, инновационной) формации, противоречащие инновационной логике развития социокультурные и ценностные характеристики российского общества, государственный патернализм и вытекающая идеологизированность инновационного дискурса.

Выявленные направления развития способствуют преодолению технократической ориентации инноватики, не соответствующей современным социокультурным вызовам, и определяют активную повестку для развития ее социокультурного измерения в России и в мире в ближайшем будущем, как в теоретическом, так и в организационно-прикладном аспектах. В частности, перспективы дальнейшей разработки темы включают соединение знаний и методов из разных социогуманитарных областей наук, а также из областей практики, с целью роста способности к анализу социокультурных последствий при производстве инноваций, их сценированию и прогнозированию. Также перспективным видится углубление имеющихся исследований и расширение тематического охвата исследований социокультурных эффектов, порождаемых внедрением технологических инноваций в средне- и долгосрочной перспективе с целью возможной выработки механизмов повышения контроля над

социокультурными эффектами технических инноваций. Отдельно стоит упомянуть перспективы развития направления изучения роли культуры и искусства в вопросах технологического развития, и, более широко, вопросы социальных технологий и инноваций, способствующих социальной адаптации и координации инноваций в социуме, где ресурсными составляющими теории культуры для развития социокультурного измерения инноватики выступают представления о границах инновизации, о балансе обновления, креативности, хаоса и стабильности, ритуала, нормирования, традиционализации; представления о социокультурных институтах обновления. Перечисленные перспективы направлены на углубление социокультурного измерения инноватики, реализуя прогностическую и адаптационную функции культуры, восполняя дефицит в гуманитарно насыщенных и культурно-антропологически ориентированных инновационных путях развития.

Список использованной литературы

1. Абушенко В. Л. Определение инновации [Электронный ресурс] / В. Л. Абушенко // Социологический словарь. – URL: <http://www.soclexicon.ru/innovaciya>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 15.05.2016).
2. Агранович В. Б. Инновации в транзитивном обществе: социально - философский анализ: [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Агранович Виктория Борисовна. – Томск, 2007. – URL: <http://www.dslib.net/soc-filosofia/innovacii-v-tranzitivnom-obwestve-socialno-filosofskij-analiz.html>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 20.05.2016).
3. Азоев Г. Л. Управление организацией: учебник по специальности «Менеджмент» / Г. Л. Азоев, В. П. Баранчеев, В. Н. Гунин. – М. : ИНФРА-М, 2002. – 518 с.
4. Акимов А. А. Системологические основы инноватики / А. А. Акимов, Г. С. Гамидов, В. Г. Колосов. – СПб. : Политехника, 2002. – 600 с.
5. Александров Н. Н. Проблемы инновационного менеджмента / Н. Н. Александров. – М. : Изд-во Академии Тринитаризма, 2011. – 190 с.
6. Ананьин О. И. Онтологические предпосылки экономических теорий / О. И. Ананьин. – М. : Институт экономики РАН, 2013. – 50 с.
7. Андреев Ю. Н. Человеческий капитал в инновационной экономике [Электронный ресурс] / Ю. Н. Андреев. – URL: <http://regions.extech.ru>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 25.05.2016).
8. Андреев А. Л. Социология техники: учеб. пособие / А. Л. Андреев, П. А. Бутырин, В. Г. Горохов. – М. : Альфа-М; ИНФРА-М, 2009. – 288 с.
9. Аньшин В. М. Инновационный менеджмент: Концепции, многоуровневые стратегии и механизмы инновационного развития / В. М. Аньшин, А. А. Дагаев. – М. : Дело, 2007. – 584 с.
10. Арендт Е. Инновации и творчество // Проблемы теории и практики управления. – 1991. – № 3. – С. 25–32.

11. Арефьева Н. Т. Прогнозирование и его социокультурные цели [Электронный ресурс] // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение», №4, 2010. – URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/4/Arefieva/> свободный. – Загл. с экрана (дата обращения 15.05.15).
12. Артемьева Т. Гуманитарный мир инноваций [Электронный ресурс] / Т. Артемьева, М. Микешин. – URL: http://www.intelros.ru/pdf/chelovek/2009_3/3.pdf, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 05.06.2016).
13. Аузан А. А. Институциональная экономика для чайников / А. А. Аузан. – М. : Фэшн Пресс, 2011. – 127 с.
14. Аузан А. А. Национальные ценности и конституционный строй [Электронный ресурс] / А. А. Аузан // Интелрос. – URL: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/rejting_09/material_sofi/6110-nacionalnye-cennosti-i-konstitucionnyj-stroj.html, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 22.07.2013).
15. Аузан А. А. Национальные ценности и модернизация / А. А. Аузан. – М. : ОГИ, 2010. – 192 с.
16. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Социокультурная динамика / А. С. Ахиезер. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 1997. – 806 с.
17. Ахметов К. Взаимодействие человека и компьютера: тенденции, исследования, будущее // Форсайт. – 2013. – Т. 7, № 2. – С. 58–68.
18. Баева Л. В. Электронная культура: опыт философского анализа // Вопросы философии. – 2013. – № 5. – С. 75–83.
19. Баталина М. Обзор опыта и концепций социального предпринимательства с учетом возможностей его применения в современной России [Электронный ресурс] / М. Баталина, А. Московская, Л. Тарадина. – URL: <http://www.hse.ru/data/502/962/1236/report.pdf>, свободный (дата обращения: 01.08.2012).
20. Бауман З. Индивидуализированное общество / З. Бауман. – М. : Логос, 2002. – 390 с.

21. Безвесельная З. В. Некоторые аксиологические аспекты инновационных процессов: опыт русской философии // Человек и инновационная экономика современной России: философские аспекты: материалы Всерос. науч.-пр. конф. Москва, 25 нояб. 2011 г. – М., 2012. – С. 99–108.
22. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
23. Белл Д. Социальные рамки информационного общества. Новая технократическая волна на Западе / Д. Белл. – М. : Прогресс. – 1986. – 371 с.
24. Беялетдинов Р. Р. Этическое регулирование нанотехнологий: исследовательская этика или наноэтика? // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. – М. : ИФРАН, 2010. – Вып. 4. – 255 с.
25. Бестужев-Лада И. В. «Алгоритм» социального нововведения // Социологические исследования. – 1991. – № 9. – С. 13–32.
26. Беххман Г. Социально-философские и методологич. проблемы обращения с технологическими рисками в современном обществе [Электронный ресурс] / Г. Беххман, В. Г. Горохов. – URL:
27. http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=570&Itemid=52, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 10.10.2015).
28. Бойко И. В. Фундаментальные основы инновационной экономики. Логический, исторический и эмпирический контекст / И. В. Бойко. – М. : Макс-Пресс, 2003. – С. 63.
29. Буздалин А. В. Развитие инновационной составляющей экономики России: перспективы и роль экономической политики / А. В. Буздалин. – М. : Интерфакс ЦЭА, 2007. – 33 с.
30. Вахрушева Н. И. Образовательный кластер как фактор инновационного развития региона // Экономическая наука и образование. – 2009. – № 8 (57). – С. 385–387.
31. Вахштайн В. С. Метафорика университета [Электронный ресурс] // Портал Постнаука. – URL: <http://postnauka.ru/longreads/13096>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 07.06.2013).

32. Вебер А. Б. Россия перед инновационным вызовом: опыт «нулевых» годов // Россия реформирующаяся : Ежегодник. – М. : Новый хронограф, 2012. – Вып. 11. – С. 82–105.
33. Волик Н. Г., Пигров К. С., Суходуб Т. Г. Смысл творчества: между Dasein и инновацией // Вопросы философии . – 2017. – № 2. – С. 206–212.
34. Гамидов Г. С. Основы инноватики и инновационной деятельности / Г. С. Гамидов, В. Г. Колосов, Н. О. Османов. – СПб. : Политехника, 2000. – 237 с.
35. Генисаретский О. И. Навигатор: методологические расширения и продолжения / О. И. Генисаретский. – М. : Путь, 2002. – 528 с.
36. Герасимов Г. И. Инновации в образовании: сущность и социальные механизмы / Г. И. Герасимов, Л. В. Илюхина. – Ростов н/д : НМД «Логос», 1999. – 136 с.
37. Гидденс Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс. – М. : Весь мир, 2004. – 120 с.
38. Гиряева В. Н. Биополитика в Германии: от теоретических дебатов к эмпирическим социальным исследованиям (Аналитический обзор) // Социальные и гуманитарные науки. – М. : ИНИОН РАН, 2010. – № 3. – С. 30–42.
39. Гиряева В. Н. Конвергентные технологии как шанс и вызов для устойчивого развития (на примере нанотехнологий) // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2011. – № 10. – С. 12–18.
40. Гладков П. А. Дауншифтинг и anomia: классическая теория Р. К. Мертона и ее современное приложение // Гуманитарные научные исследования. – 2012. – № 3. – С. 44–50.
41. Голдырева В.А. Взаимосвязь культурных ценностей и отношения к инновациям // Liberal Arts in Russia. – 2013. -Т. 2. – № 5. – С. 426–434.
42. Голиченко О. Г. Национальная инновационная система России: состояние и пути развития / О. Г. Голиченко. – М. : Наука, 2006. – 396 с.
43. Горохов В. Г. Конвергенция биологических, информационных, нано- и когнитивных технологий: вызов философии (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 2012. – № 12. – С. 3–23.

44. Горохов В. Г. Оценка социальных рисков технологических инноваций (обзор научной конференции в Берлине) / В. Г. Горохов, М. Декер // Вопросы философии. – 2011. – № 10. – С. 176–181.
45. Горшков М. К. Российское общество в социологическом измерении // Мир России. – 2009. – № 2. – С. 3–21.
46. Горшков М. К. «Русская мечта»: опыт социологического измерения // Социологические исследования. – 2012. – № 12. – С. 9–18.
47. Грэхэм Л. Сможет ли Россия конкурировать? История инноваций в царской, советской и современной России / Л. Грэхэм. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2014. – 272 с.
48. Гусев С. С. Междисциплинарность // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / под ред. И. Т. Касавина. – М. : Канон+, РООИ Реабилитация, 2009. – 1248 с.
49. Глазьев С. Ю. Эволюция технико-экономических систем: возможности и границы централизованного регулирования / С. Ю. Глазьев, Д. С. Львов, Г. Г. Фетисов. – М. : Наука, 1992. – 208 с.
50. Глухов В. В. Экономика знаний / В. В. Глухов, С. Б. Коробко, Т. В. Маринина. – СПб. : Питер, 2003. – 528 с.
51. Громова Л. А. Этика управления: учебно-методическое пособие / Л. А. Громова. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. – 183 с.
52. Гусева Е. Н. Инновации в сфере культуры: тенденции и риски // Вопросы культурологии. – 2014. – №1. – С. 89–92.
53. Дежина И. «Игра в куклы»: лекция о научной и инновационной политике в России [Электронный ресурс] / И. Дежина. – URL: <http://www.polit.ru/article/2011/03/31/dolls/>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 15.07.2013).
54. Демиденко Э. С. Ноосферное восхождение земной жизни / Э. С. Демиденко. – М. : ПР Стайл, 2003. – 456 с.

55. Дергачева Е. А. От техногенного общества – к социотехноприродной глобализации // Среднерусский вестник общественных наук. – 2010. – № 4. – С. 7–13.
56. Дергачева Е. А. Социоприродная проблематика в современной глобалистике // Философия и общество. – 2008. – № 3. – С. 109–122.
57. Дергачева Е. А. Тенденции и перспективы социотехноприродной глобализации / Е. А. Дергачева. – М. : Либроком, 2009. – 234 с.
58. Дергачева Е. А. Философия техногенного общества / Е. А. Дергачева. – М. : Ленанд, 2011. – 216 с.
59. Дероше П. «Возможна ли новая Кремниевая долина?» [Электронный ресурс] // Полит.ру. – URL: <http://www.polit.ru/article/2011/04/08/deroche>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 08.04.2014).
60. Диев В. С. Риск и неопределенность в философии, науке, управлении // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2011. – № 2 (14). – С. 79–88.
61. Дилигенский Г. Г. «Конец истории» или смена цивилизаций? // Вопросы философии. – 1991. – № 3. – С. 29–42.
62. Донских О.А. Инновационный круг // Инновации как драйвер социокультурного развития. / Под ред. В. И. Супруна. – Новосибирск.: ФСПИ «Тренды», 2013. – С. 241–256.
63. Донских О. А. Инновационный тупик // Вестник Омского университета. – 2015. – № 1. – С. 63–67.
64. Донских О.А. Модернизация – инноватизация – экспертная рефлексия // Инновационный человек и инновационное общество. / Под ред. В. И. Супруна. – Н.: ФСПИ «Тренды», 2012. – С. 238–252.
65. Друкер П. Ф. Бизнес и инновации / П. Ф. Друкер. – М. : Вильямс, 2009. – 432с.
66. Другова Е. А. Инноватика в поиске нового гуманитарного содержания: онтология, аксиология, методология // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2013. – №1 (21). – С. 5–20.

67. Другова Е. А. Междисциплинарный характер инноватики и поиск новых объектов управления: социогуманитарный аспект / Е. А. Другова // Управление инновациями: теория, методология, практика: сб. материалов III Междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск: Издательство НГТУ, 2012. – С. 38–42.

68. Другова Е.А. Проблемы и перспективы развития инноватики как междисциплинарной научной области // Е. А. Другова // Современные проблемы методологии и инновационной деятельности : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. учёных, аспирантов, специалистов и студентов. Новокузнецк, 17-19 мая 2012 г. – Новокузнецк, 2012. – Т. 2. – С. 292–295.

69. Другова Е. А. Социогуманитарная повестка инновационного развития (по материалам XIV Томского инновационного форума INNOVUS – 2011) / Е. А. Другова, Л. В. Шевченко // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2012. – № 1 (17). – С. 186–201.

70. Другова Е. А. Социогуманитарное измерение инноватики: постановка вопроса / Е. А. Другова // «Актуальные проблемы современного общества: вопросы социологии, политологии, философии, истории»: материалы междунар. заочной науч.-практ. конф. Новосибирск, 17 дек. 2012г. – Новосибирск : Изд. «СибАК», 2012. – С. 53–58.

71. Другова Е. А. Социогуманитарные аспекты инноватики в свете критики техногенной цивилизации / Е. А. Другова // «Инновации в науке»: материалы XVI междунар. заочной науч.-практ. конф. Новосибирск, 28 янв. 2013 г. – Новосибирск : Изд. «СибАК», 2013. – Ч. 1. – С. 55–63.

72. Другова Е. А. Теоретико-методологические аспекты инноватики как науки и как практики [Электронный ресурс] / Е. А. Другова // «Научная дискуссия: инновации в современном мире»: материалы VIII междунар. заочной науч.-практ. конф. Часть I. 15 янв. 2013 г. – URL: <http://www.internauka.org/node/1493>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 10.03.2015).

73. Другова Е. А. Homo Innovaticus: парадоксы и противоречия инновационного антропологического проекта / Е. А. Другова // Инновации. – 2013. – № 08 (178). – С. 58–63.
74. Дудченко В. С. Саморазвитие / В. С. Дудченко. – М. : Кватро-Принт, 2007. – 399 с.
75. Егоркин В. Г. Философия инноваций [Электронный ресурс] // Общество. Среда. Развитие. – 2006. – № 1. – URL: http://www.terrahumana.ru/arhiv/06_01/06_01_03.pdf, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 08.09.2013).
76. Еляков А. Д. Дефицит и избыток информации в современном социуме // СоцИс. – 2010. – № 12. – С. 107–115.
77. Зорина Е. В. Рецензия на книгу С. А. Лебедев. Ю. А. Ковылин. Философия научно-инновационной деятельности [Электронный ресурс] / Е. В. Зорина, М. М. Скибицкий // Вопросы философии. – URL: http://vphil.ru/index.php?id=667&option=com_content&task=view, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 03.03.2015).
78. Игнатова В.С. Инновации в культуре и социокультурные институты обновления [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Белгород, 2013. URL: <http://cheloveknauka.com/innovatsii-v-kulture-i-sotsiokulturnye-instituty-obnovleniya>, свободный. Загл. с экрана.
79. Игнатова В.С. Проблема инноваций в философии культуры М.К. Петрова // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – №8 (151). Вып. 24. Белгород, 2013. – С. 60–168.
80. Инновации как драйвер социокультурного развития / под ред. В. И. Супруна. – Новосибирск.: ФСПИ «Тренды», 2013. – 372 с.
81. Инновационная Россия – 2020: стратегия развития РФ на период до 2020 года. – Москва, 2010. – 105 с.
82. Инновационный менеджмент: Концепции, многоуровневые стратегии и механизмы инновационного развития: учеб. пособие / под ред. В. М. Аньшина, А. А. Дагаева. – 3-е изд. – М. : Дело, 2007. – 584 с.

83. Инновационный путь развития для новой России / под. ред. В. П. Горегляда. – М., 2005. – 343 с.
84. Иноземцев В. Л. Концепция постэкономического общества: теоретические и практические аспекты: дис. ... д-ра экон. наук / Иноземцев Владислав Леонидович. – М., 1998. – 392 с.
85. Ицковиц Г. Тройная спираль. Университеты - предприятия - государство. Инновации в действии / Г. Ицковиц. – Томск : Изд-во ТУСУР, 2010. – 238 с.
86. Канке В. А. Философия менеджмента / В. А. Канке. – М. : КНОРУС, 2010. – 392 с.
87. Канке В. А. Этика ответственности. Теория морали будущего / В. А. Канке. – М. : Логос, 2003. – 351 с.
88. Карпичев В. С. Основания инновационного прорыва / В. С. Карпичев. – М. : Проспект, 2007. – 199 с.
89. Карпова Ю. А. Введение в социологию инноватики: учеб. пособие / Ю. А. Карпова. – СПб. : Питер, 2004. – 192 с.
90. Касавин И. Т. Междисциплинарное исследование: к понятию и типологии // Вопросы философии. – 2010. – № 4. – С. 6 –73.
91. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
92. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 328 с.
93. Келле В. Ж. Инновационная система России: формирование и функционирование / В. Ж. Келле. – М. : УРСС, 2003. – 148 с.
94. Киселев А. Теория социоинновационного развития [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ifar.ru/library/book138.pdf>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 10.11.2014).
95. Киселева В. В. Структурные проблемы развития национальной инновационной системы РФ: технологический потенциал отраслей / В. В. Киселева, А. Г. Фонотов // Инновации. – 2013. – № 6 (176). – С. 48–53.

96. Киященко Л. П. Модусы инновационного становления в опыте философии трансдисциплинарности // Рабочие тетради по биоэтике. – 2012. – Вып. 14. – С. 17–26.

97. Ключихин Е. Инновации с имперским размахом [Электронный ресурс] / Е. Ключихин // Независимая газета. – 1997-2017. – URL: ng.ru/science/2012-11-14/11_innovation.html, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 14.12.2012).

98. Книгин А. Н. Междисциплинарность: основная проблема // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2008. – № 3 (4) – С. 14–20.

99. Князева Е. Н. Природа инноваций и некоторые проблемы инновационного управления [Электронный ресурс] / Е. Н. Князева // Сайт С. П. Курдюмова. – 2003-2013. – URL: <http://spkurdyumov.ru/economy/priroda-innovacij/>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 01.04.2016).

100. Ковалева Т. М. Инновационная школа: аксиомы и гипотезы / Т. М. Ковалева. – М. : Педагогическое сообщество России, 2000. – 256 с.

101. Колосов В. Г. Основы инноватики: учеб. пособие / В. Г. Колосов. – СПб., 1999. – 69 с.

102. Коробейников О. П. Интеграция стратегического и инновационного менеджмента [Электронный ресурс] / О. П. Коробейников, А. А. Трифилова // Менеджмент в России и за рубежом. – 2001. – № 4. – URL: <http://www.mevriz.ru/articles/2001/4/962.html>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 02.07.2016).

103. Кравченко С. А. Динамика современных социальных реалий: инновационные подходы // Социологические исследования. – 2010. – № 10. – С.14–25.

104. Красникова Е. О. Инновационный менеджмент. Шпаргалка / Е. О. Красникова, И. Ю. Евграфова. – М. : Научная книга, 2009. – 84 с.

105. Краснухина Е. К. Отречемся от старого мира? Философия старости: геронтология // «Symposium»: сб. мат. конф. – СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2002. – Вып. 24. – С. 36–39.

106. Конвергенция биологических, информационных, нано- и когнитивных технологий: вызов философии (материалы «круглого стола») / подг. В. В. Пирожков // Вопросы философии. - 2013. – URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=644&Itemid=52, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 10.09.2016).

107. Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения / Н. Д. Кондратьев. – М. : Экономика, 2005. – 376 с.

108. Кононенко Б. И. Большой толковый словарь по культурологии / Б. И. Кононенко. – М. : Вече, АСТ, 2003. – 512 с.

109. Корчагин Ю. А. Российский человеческий капитал: фактор развития или деградации? / Ю. А. Корчагин. – Воронеж : ЦИРЭ, 2005. – 252 с.

110. Корчагин Ю. А. Циклы развития человеческого капитала как драйверы инновационных волн [Электронный ресурс] / Ю. А. Корчагин // ЦИРЭ: Центр исследований региональной экономики. – URL: <http://www.lerc.ru>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 10.09.2016).

111. Костина А. В. Тенденции развития культуры информационного общества: анализ современных информационных и постиндустриальных концепций // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. – 2009. – № 4. – С. 3–30.

112. Красовский Ю. Д. Управление поведением в фирме: эффекты и парадоксы / Ю. Д. Красовский. – М. : ИНФРА-М, 1997. – 352 с.

113. Крючкова С. Е. Инновации: философско-методологический анализ: дис... д-ра филос. наук / Крючкова Светлана Евгеньевна. – М., 2001. – 296 с.

114. Крючкова С. Е. Инноватика: самостоятельная наука или междисциплинарный синтез? // Гуманитарные исследования. – 2008. – № 1 (25). – С. 12–15.

115. Крючкова С. Е. Новые дисциплины в вузе: проблемы становления // Высшее образование для XXI века: VII междунар. науч. конф. Москва, 18-20 ноября 2010 г. – М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2010. – Вып. 2. – С. 66–70.

116. Кудрин Б. И. Техногенная самоорганизация / Б. И. Кудрин. – М. : УРСС, 2004. – 342 с.
117. Кузнецов С. А. Определение инновации // Большой толковый словарь русского языка. – 1-е изд. – СПб. : Норинт. 1998. – 1534 с.
118. Культурология и глобальные вызовы современности: к разработке гуманистической идеологии самосохранения человечества. Сборник научных статей, посвященный 80-летию. Э.С. Маркаряна / Под общ. ред. А.В. Бондарева и Л.М. Мосоловой. - СПб: Изд-во СПбКО, 2010. – 152 с.
119. Кутковец Т. Нормальные люди в ненормальной стране [Электронный ресурс] / Т. Кутковец, И. Клямкин // Московские новости. – 2002. – № 25. – URL: <http://www.liberal.ru/articles/cat/885>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 15.05.2010).
120. Кутузов М. А. Стратегирование как форма проектного мышления [Электронный ресурс] / М. А. Кутузов // Русский архипелаг. - URL.: <http://www.archipelag.ru/authors/kutuzov/?library=1381>, свободный. – Загл. с экрана (дата обобщения: 02.02.2015).
121. Кутырев В. А. Крик о небытии // Вопросы философии. – 2007. – № 2. – С. 66–79.
122. Кутырев В. А. Философия (для) людей // Вопросы философии. – № 9. – 2012. – С. 86–97.
123. Лазарев В. С. Управление развитием школы / В. С. Лазарев, М. М. Поташкин, А. М. Моисеев. – М. : Нв. шк., 1995. – 462 с.
124. Лапин Н. И. Актуальные проблемы исследований нововведений / Н. И. Лапин // Социальные факторы нововведений в организационных системах. – М., 1980. – С. 9–15.
125. Лапин Н. И. Сверяем человеческие измерения модернизации // Мир России. – 2001. – № 2. – С. 25–34.
126. Лапин Н. И. Теория и практика инноватики / Н. И. Лапин. – М. : Университетская книга; Логос, 2008. – 328 с.

127. Лебедев С. А. Философия научно-инновационной деятельности / С. А. Лебедев, Ю. А. Ковылин. – М. : Академический проект, 2012. – 182 с.
128. Лебедева Н. М. Социокультурные факторы креативности и инноваций: кросскультурный подход / Н. М. Лебедева // Культура и экономическое поведение. – М. : МАКСПресс, 2011. – С. 481–520.
129. Лебедева Н. М. Ценности, социальный капитал и отношение к инновациям / Н. М. Лебедева, Е. В. Бушина, Л. Л. Черкасова // Общественные науки и современность. – 2013. – № 4. – С. 28–41.
130. Лебедева Н. М. Ценности культуры и развитие общества / Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко. – М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. – 527 с.
131. Лебедева Н. М. Культура и инновации: к постановке проблемы / Н. М. Лебедева, Е. Г. Ясин // Форсайт. – 2009. – № 2 (10). – С.16–26.
132. Леманн Г. Искусство рефлексивной модерности // Логос. – 2010. – № 4 (77). – С. 87–108.
133. Лешкевич Т. Г. Проблема преобразования реальности и парадоксы креативности // Философская инноватика: поиски, проблемы, решения. Ежегодник 2011: сб. науч. тр. – Ростов н/Д. : Изд. СКАГС, 2011. – С. 9–20.
134. Лисин Б. К. Инновационная культура / Инновации. – 2008. – № 10 (120). – С. 49–53.
135. Лисичкин В. А. Третья мировая (информационно-психологическая) война / В. А. Лисичкин, Л. А. Шелепин. – М. : Эксмо, 2003. – 192 с.
136. Луков В. А. От экспертизы социальной к гуманитарной экспертизе // Знание. Понимание. Умение. – 2012. – № 2. – С. 114–118.
137. Луков В. А. Социальное проектирование и прогнозирование: учеб. пособие / В. А. Луков. – М. : Флинта, 2006. – 240 с.
138. Луман Н. Понятие риска // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. – 1994. – № 5. – С. 135–160.
139. Лурье С. В. В поисках русского национального характера / С. В. Лурье // Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы. – М. : Академический проект, 2003. – 624 с.

140. Магарил С. А. Социогуманитарное образование: невыученные уроки // СоцИс. – 2012. – № 12. – С. 89–96.

141. Магун В. С. Наше национальное «Я» [Электронный ресурс] / В. С. Магун, М. Г. Руднев // Ведомости. – 2010. – URL: http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2010/10/20/nashe_nacionalnoe_ua, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 01.08.2013).

142. Мазаева Т. А. Инновационная экономика в этнокультурной среде [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / Т. А. Мазаева. – Ростов н/Д, 2007. – URL: http://delist.ru/article/15072007_mazaevata/page3.html, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 09.04.2013).

143. Маклюэн М. Галактика Гуттенберга: Становление человека печатающего / М. Маклюэн. – М. : Академический проект, 2005. – 496 с.

144. Малявин В. В. Китай управляемый. Старый добрый менеджмент / В. В. Малявин. – М. : Европа, 2007. – 303 с.

145. Малянов Е. А. Социально-культурная инноватика: методология, теория и практика : автореф. дис. ... д-ра пед. наук / Малянов Евгений Анатольевич. – Тамбов, 2011. – 48 с.

146. Малянов Е. А. Социально-культурные инновации в пространстве современной культуры // Вестник Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – 2009. – № 4 (20). – С. 97–106.

147. Малянов Е. А. Социально-культурная инноватика как направление научных исследований // Мир науки, культуры и образования. – 2010. – № 2 (21). – С. 28–36.

148. Манхейм К. Диагноз нашего времени / К. Манхейм. – М. : Юрист, 1994. – 700 с.

149. Марача В. Г. Онтологическое мышление с методологической точки зрения / В. Г. Марача // Наука: от методологии к онтологии. – М. : ИФ РАН, 2009. – С. 234–245.

150. Медовников Д. Неявное знание строителей пирамиды. Рыночные и нерыночные каналы трансфера технологий [Электронный ресурс] / Д. Медовников,

Т. Оганесян // Эксперт. – 2012. – № 12 (795). – URL: <http://expert.ru/expert/2012/12/neyavnoe-znanie-stroitelej-piramidy/>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 04.04.2013).

151. Медовников Д. Жребий еще не брошен [Электронный ресурс] / Д. Медовников, С. Розмирович, В. Сараев // Эксперт. – 2012. – № 2 (785). – URL: <http://expert.ru/expert/2012/02/zhrebij-esche-ne-broshen/>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 01.08.2013).

152. Межуев В.М. Идея культуры: Очерки по философии культуры / В. М. Межуев. – М.: Прогресс-Традиция, 2006. – 408 с.

153. Месропян М. Гуриев: Россия не добьется роста ВВП в 5% из-за недоверия бизнеса [Электронный ресурс] // Ведомости. – 1999-2017. – URL: http://www.vedomosti.ru/finance/articles/2013/06/21/guriev_v_state_v_ft_rossiya_ne_dobetsya_rosta_vvp_do_5_izza, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 01.08.2013).

154. Милославская З. Советское образование вскормило монстра [Электронный ресурс] / З. Милославская // Утро.ру. – 1999-2015. – URL: <http://www.utro.ru/articles/2013/04/17/1113927.shtml>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 18.05.2014).

155. Мосолова Л. М. Модернизация и инновации как концепты динамики культуры и ее образовательной сферы // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2008. – № 3. С. 94–104.

156. Мусохранова М.Б., Разумов В.И. Traditio как основа сохранения культуры // Идеи и Идеалы. – 2017. – №4. – Т.1. – С. 28–39.

157. Мухамедьяров А. М. Инновационный менеджмент: учеб. пособие / А. М. Мухамедьяров. – М. : Инфра-М, 2008. – 176 с.

158. Найдён М. Инновации по-русски: 10% и «красный флажок» [Электронный ресурс] // Инновации и предпринимательство. – 2003-2017. – URL: http://innovbusiness.ru/content/document_r_FE6733AD-818A-457D-AEA4-8C01FAD74CE7.html, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения 25.06.12).

159. Неклесса А. И. Инновация и революция // Дружба Народов. – 2003. – № 4. – С.45–55.
160. Неклесса А. И. Пакс экономикана, или пролог истории. Размышления у дверей третьего тысячелетия // Новый мир. – 1999. – № 9. – С. 134–145.
161. Новейший социологический словарь / А. А. Грицанов [и др.]. – М. : Книжный дом, 2010. – 1312 с.
162. Носкова Е. Не словом, а делом. Госпрограмма развития инновационной экономики до 2020 года требует конкретных действий [Электронный ресурс] / Е. Носкова // Российская Бизнес-газета – Инновации. – 2013. – URL: <https://rg.ru/2013/05/14/innovazii.html>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 01.02.2014).
163. Никитина Ю. А. Коэволюционная инноватика как принцип управления развитием общества в условиях системного кризиса: социально-философский анализ: дис. ...канд. филос. наук / Никитина Юлия Анатольевна. – Томск, 2011. – 292 с.
164. Никифоров А. Л. Деятельность и свобода / А. Л. Никифоров // Деятельность: теория, методология, проблемы. – М., 1990. – 391 с.
165. Нилогов А. С. О чем был «Диалог мировоззрений»? Интервью с В. А. Кутырёвым // Вестник Российского философского общества. – 2012. – № 4. – С. 63–69.
166. Новые технологии и продолжение эволюции человека? Трансгуманистический проект будущего / под ред. В. В. Прайд, А. В. Коротаев. – М. : ЛКИ, 2008. – 320с.
167. Общество риска и человек: онтологический и ценностный аспекты: монография / под ред. В. Б. Устьянцева. – Саратов : Саратовский источник, 2006. – 295 с.
168. Оганесян Т. Рождение национальной инновационной системы / Т. Оганесян, С. Розмирович, Д. Медовников // Эксперт. – 2010. – №36 (720). – URL: http://expert.ru/expert/2010/36/rozhdenie_innovacionoi_sistemy/, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 01.02.2011).

169. Окара А. Новая идея для новой России: от демодернизации к креатократии / А. Окара // Идеология и философия солидаризма: материалы научного семинара. – 2009. – № 9. – С. 32–60.

170. Основные направления политики Российской Федерации в области развития инновационной системы на период до 2010 года [Электронный ресурс] : утв. Правительством РФ 05.08.2005г. № 2473п-П7. – Доступ из инфор.-правовой системы «Консультант-Плюс».

171. О концепции инновационной политики РФ на 1998-2000 гг. [Электронный ресурс] : постановление Правительства РФ от 24.06.1998 г. № 832. – Доступ из информ.-справоч. системы «Кодекс».

172. Панарин А. С. Инновации // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 2. – М. : Мысль, 2001. – С. 121–122.

173. Петрова Г. И. Современная философия управления: становление и поиски объекта управленческой деятельности в условиях коммуникативной онтологии социальности / Г. И. Петрова // Проблемы управления в социальных системах. – 2009. – № 1. – С. 56–65.

174. Петрова Г. И. Когнитивный менеджмент – инновационная стратегия теорий управления в информационном обществе / Г. И. Петрова, Ю. М. Стаховская / Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2010. – № 2 (10). – С. 101–115.

175. Печчеи А. Человеческие качества / А. Печчеи. – М. : Прогресс, 1985. – 312 с.

176. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / К. Поланьи. – М. : Алетейя, 2002. – 588 с.

177. Понукалин А. А. Инноватика: естественно-научные и гуманитарные основания // Инновации. – 2008. – № 10. – С. 57–63.

178. Понукалин А. А. Инноватика как общественная наука // Инновационная деятельность. – 2012. – № 1 (19). – С. 3–16.

179. Попкова Н. В. Антропология техники. Становление / Н. В. Попкова. – М. : Либроком, 2009. – 376 с.

180. Попкова Н. В. Философская экология / Н. В. Попкова. – М. : Эдиториал УРСС, 2010. – 352 с.
181. Попкова Н. В. Философия техносферы / Н. В. Попкова. – М. : Издательство ЛКИ, 2008. – 344 с.
182. Поппер Р. Мониторинг исследований будущего // Форсайт. – 2012. – Т. 6, № 2. – С. 56–75.
183. Прайд В. Феномен NBIC-конвергенции: Реальность и ожидания / В. Прайд, Д. А. Медведев // Философские науки. – 2008. – № 1. – С. 97–117.
184. Пригожин А. И. Естественное - искусственное в инновационных процессах // Общественные науки и современность. – 2013. – № 3. – С. 116–130.
185. Пригожин А. И. Методы развития организаций / А. И. Пригожин. – М.: МЦФЭР, 2003. – 863 с.
186. Пригожин А. И. Нововведения, стимулы и препятствия / А. И. Пригожин. – М. : Политиздат, 1989. – 271 с.
187. Проблемы субъектов в постнеклассической науке. Препринт / под ред. В. И. Аршинова, В. Е. Лепского – М. : Когито-Центр. 2007. – 176 с.
188. Прокопчук Г. А. Роль инновационных социотехнических систем в переходе к устойчивому развитию: философские аспекты : дис. ... канд. филос. наук / Прокопчук Георгий Артурович. – М., 2010. – 125 с.
189. Прокопчук Г. А. Роль социологии техники в построении инновационной экономики [Электронный ресурс] // Эпистемология и философия науки. – 2009. – Т. XXI, № 3. – С. 218-223. – URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/72319801>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 07.07.2016).
190. Прохоров А. П. Русская модель управления / А. П. Прохоров. – М. : Эксмо, 2009. – 382 с.
191. Ракитов А. И. Смена ментальности. Модернизация России, инновации, образование и наука [Электронный ресурс] / А. И. Ракитов // Свободная мысль. – URL: <http://svom.info/entry/211-smena-mentalnosti-modernizaciya-rossii-innovacii-o/>, свободный Загл. с экрана (дата обращения: 12.07.2013).

192. Рац М. В. Размышление об инновациях [Электронный ресурс] / М. В. Рац, М. Т. Ойзерман // Вопросы методологии. – 1991. – URL: <http://www.fondgp.ru/lib/mmk/167>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 06.05.2015).
193. Розин В. М. О возможности построения гуманитарной технологии // Идеи и Идеалы. – 2017. – №1 (31). – Т.1. – С. 9–22.
194. Розин В. М. Философия техники / В. М. Розин. – М. : Nota bene, 2001. – 456 с.
195. Россия реформирующаяся : Ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. – М. : Новый хронограф, 2012. – Вып. 11. – 480 с.
196. Русакова О. Ф. PR-Дискурс: теоретико-методологический анализ / О. Ф. Русакова, В. М. Русакова. – Екатеринбург : Институт философии и права УрО РАН-Институт международных связей, 2008. – 282 с.
197. Сазонов Б. В. Проектирование нововведений: типологический аспект / Б. В. Сазонов // Проектирование и организация нововведений: сб. трудов ВНИИСИ. – М., 1987. – № 17. – С. 75–82.
198. Санто Б. Инновации как средство экономического развития / Б. Санто. – М. : Прогресс, 1990. – 296 с.
199. Свобода. Неравенство. Братство: Социологический портрет современной России / Под общ. ред. М. К. Горшкова. – М. : ИИК «Российская газета», 2007. – 448 с.
200. Сербиновский Б. Ю. О содержании терминов «Инновационная экономика», «новая экономика» и «экономика знаний» [Электронный ресурс] / Б. Ю. Сербиновский, О. С. Захарова // Научный журнал КубГАУ. – 2010. – № 61 (07). – С. 1-17. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-soderzhanii-terminov-innovatsionnaya-ekonomika-novaya-ekonomika-i-ekonomika-znaniy>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 09.02.2012).
201. Смагин С. Л. Аксиология инженерии, или Почему российское инженерное образование в кризисе? / С. Л. Смагин, Т. Г. Иванцева // Инженерное образование. – 2011. – № 7. – С. 4–9.

202. Советова О. С. Инновации: трудности и возможности адаптации / О. С. Советова. – СПб., 2004. – 253 с.
203. Соколов М. В. Восточноевропейские социальные науки на интернациональных рынках идей [Электронный ресурс] / М. В. Соколов // Полит.ру. – 1998-2014. – URL: <http://polit.ru/article/2009/05/21/ideas/>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 16.06.2011).
204. Старостин А. М. Философские инновации в когнитивном и праксеологическом контексте / А. М. Старостин. – М. : Издательская группа URSS, 2013. – 368 с.
205. Стерлигов И. Исследование инноваций: история нового направления [Электронный ресурс] / И. Стерлигов // Научно-образовательный портал IQ. – 1993-2017. – URL: orcs.ru/630964.html, свободный. – Загл с экрана (дата обращения: 10.06.2016).
206. Стерлигов И. Национальные технологические платформы. Европейский опыт // Acta naturae. – 2010. – № 4 (7), т. 2. – С. 12–13.
207. Степанянц М. Т. Социокультурные основания модернизации Индии // ПОЛИС. – 2012. – № 1 (127). – С. 26–43.
208. Стёпин В. С. Теоретическое знание / В. С. Стёпин. – М. : Прогресс-Традиция, 1999. – 390 с.
209. Стёпин В. С. Философия и эпоха цивилизационных перемен // Вопросы философии. – 2006. – № 2. – С. 16–26.
210. Стёпин В. С. Философия науки. Общие проблемы / В. С. Стёпин. – М.: Гардарики, 2006. – 384 с.
211. Стёпин В. С. Цивилизационного развития типы [Электронный ресурс] / В. С. Стёпин // Философская энциклопедия. – 2000-2016. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/9379/%D0%A6%D0%98%D0%92%D0%98%D0%9B%D0%98%D0%97%D0%90%D0%A6%D0%98%D0%9E%D0%9D%D0%9D%D0%9E%D0%93%D0%9E, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 20.01.2013).

212. Стёпин В. С. Эпоха перемен и сценарии будущего / В. С. Стёпин. – М., 1996. – 174 с.
213. Стоцкая Т. Г. Экономическая рациональность как теоретическая модель: сущность, составные элементы, эвристический потенциал / Т. Г. Стоцкая, А. А. Шестаков // Вестник СамГУ. – 2012. – № 1 (92). – С. 206–211.
214. Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 года [Электронный ресурс] : утв. Межведомственной комиссией по научно-инновационной политике 15.02.2006г. № 1. – Доступ из инфор.-правовой системы «Консультант-Плюс».
215. Сыров В. Н. Как возможна современная социальная философия // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 7. Философия. – 2011. – № 2 (14). – С. 20–27.
216. Твисс Б. Управление научно-техническими нововведениями / Б. Твисс. – М. : Экономика, 1989. – 271 с.
217. Теркина А. В. Глобализация в зеркале инноваций // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. – 2006 – № 4. – С. 44–46.
218. Теркина А. В. Инновация как социокультурный феномен [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Теркина Анна Владимировна. – 2009. – URL: http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/abstract/Terkina_AV/, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 02.07.2011).
219. Томская область: потенциал и реалии инновационного развития / А. Ю. Рыкун [и др.] // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2013. – № 1 (21). – С. 63–77.
220. Тормышева Т. А. Возможно ли в России построить национальную инновационную систему? [Электронный ресурс] / Т. А. Тормышева // Российская ассоциация инновационного развития. – URL: <http://www.rair-info.ru/publication/publication16/>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 03.02.2015).
221. Тоффлер Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М. : АСТ, 2004. – 346 с.

222. Тоффлер Э. Шок будущего / Э. Тоффлер. – М. : АСТ, 2002. – 557 с.
223. Тохтуева Ю. Рыночный спрос не выдвигает гуманитарные инновации в число приоритетов [Электронный ресурс] / Ю. Тохтуева // Венчурный инвестор. – 2010-2017. – URL: v-investor.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=55:2012-03-19-05-29-04&catid=9:2011-11-14-03-42-07&Itemid=23, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 01.05.2013).
224. Трофимова Л. А. Управление знаниями: учеб. пособие / Л. А. Трофимова, В. В. Трофимов. – СПб. : СПбГУЭФ. 2012. – 77 с.
225. Тульчинский Г. Л. Междисциплинарность. Проективный философский словарь / под ред. Г. Л. Тульчинского, М. Н. Эпштейна. – СПб. : Алетейя, 2003. – 512 с.
226. Тульчинский Г. Л. Трансцендентальный субъект, постчеловеческая персонология и новые перспективы гуманитарной парадигмы / Г. Л. Тульчинский // Я. (А. Слинин) и мы. К 70-летию профессора Ярослава Анатольевича Слинина. – СПб. : Санкт-Петербургское философское общество. – 2002. – С. 528–555.
227. Усманов Б. Ф. Социальная инноватика: учеб. пособие / Б. Ф. Усманов. – 3-е изд. – М. : Социум, 2009. – 315 с.
228. Устьянцев В. Б. Общество риска и человек: онтологический и ценностный аспекты / В. Б. Устьянцев. – Саратов : Саратовский источник, 2006. – 188 с.
229. Устьянцев В. Б. Очерки социальной философии: пространственные структуры, порядок общества, динамика глобальных систем / В. Б. Устьянцев, М. О. Орлов, С. А. Данилов. – Саратов, 2010. – 265 с.
230. Федотова В. Г. Апатия на западе и в России // Вопросы философии. – 2005. – № 3. – С. 14–26.
231. Федотова В. Г. Социальные инновации как основа процесса модернизации общества // Вопросы философии. – 2010. – № 10. – С. 3–17.
232. Федотова В. Г. Социальные инновации: макро- и микротенденции // Вопросы философии. – 2010. – № 10. – С. 82–95.

233. Фёдоров А. А. «Инноватика» как идея европейской философии (XV – XXI вв.) [Электронный ресурс] / А. А. Фёдоров // Интелрос. – URL: <http://www.intelros.ru/readroom/vestnik-rossijskogo-filosofskogo-obshhestva/v3-2012/16366-innovatika-kak-ideya-evropeyskoj-filosofii-xv-xxi-vv.html>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 06.03.13).

234. Фёдоров В. К. Инноватика как деятельность и система (к вопросу о методологии теории инновации) / В. К. Фёдоров, Г. П. Бендерский, И. К. Епанешникова // Инновации. – 2011. – № 7 (153). – С. 65–70.

235. Философская инноватика: поиски, проблемы, решения: сб. научных трудов / под. ред. проф. А. М. Старостин. – Ростов н/Д. : Изд. СКАГС, 2011. – 736 с.

236. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Р. Флорида. – М., 2005. – 430 с.

237. Фомина А. В. Циклы Кондратьева в экономике России: монография / А. В. Фомина. – М. : Международный фонд Н.Д. Кондратьева, 2005. – 146 с.

238. Фонотов А. Г. Россия: инновации и развитие / А. Г. Фонотов. – М. : Бином. Лаборатория знаний. 2010. – 432 с.

239. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Пер. с нем. – М.: Издательство «Весь Мир», 2003. – 416 с.

240. Хартия инновационной культуры // Инновации. – 1999. – № 9 – 10. С. 25–27.

241. Хван В. Секрет создания следующей Силиконовой долины / В. Хван, Г. Хоровитт. – Томск : ТУСУР, 2012. – 332 с.

242. Хоружий С. С. Неклассическая антропология как ключ к новой организации гуманитарного знания [Электронный ресурс] / С. С. Хоружий. – URL: http://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2012/10/horuzhy_gum_znanie_bordo2012.pdf, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 05.10.2014).

243. Хотяшева О. М. Инновационный менеджмент / О. М. Хотяшева. – СПб. : Питер, 2007. – 378 с.

244. Цывинский О. Ratio economica: Ловушка недоверия [Электронный ресурс] / О. Цывинский, С. Гуриев // Ведомости. – URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2009/06/09/ratio-economica-lovushka-nedoveriya>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 01.08.2013).

245. Черникова И. В. Трансдисциплинарные методологии и технологии современной науки // Вопросы философии. – 2015. – № 4. – С. 26–35.

246. Чернов Г. Ю. Социально-массовые явления: исследовательские подходы / Г. Ю. Чернов. – Дубна, 2002. – 434 с.

247. Черных Е. А. Человеческий капитал [Электронный ресурс] / Е. А. Черных // Фонд знаний «Ломоносов». – URL: <http://lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0131754>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 07.11.2015).

248. Швырев В. С. Сциентизм // Новая философская энциклопедия. – 2-е изд.. – М. : Мысль, 2010. – т. 3 – 693 с.

249. Шевченко В. Н. Инновационная личность как социальный тип // Научные ведомости БелГУ. Серия Философия. Социология. Право. – 2010. – № 2 (73), Вып. 11. – С. 37–51.

250. Шиллер Г. Культурный империализм: источники, содержание и современные модели [Электронный ресурс]. – URL: <http://psyfactor.org/shiller2.htm>

251. Шилина М. Г. Инновационный дискурс и теория общественных связей: методологические аспекты [Электронный ресурс] // Медиаскоп. – 2010. – № 4. – URL: <http://www.mediascope.ru/node/696>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 01.12.2012).

252. Широко К. Н. Культурный капитал как условие и фактор инновационного развития регионов России: к теоретико-методологической модели исследования / К. Н. Широко, Д. В. Загоскин // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2011. – № 2. – С. 45–52.

253. Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Социологические исследования. – 2001. – № 2. – С. 3–12.

254. Штомпка П. Социология социальных изменений / П. Штомпка. – М. : Аспект-пресс, 1996. – 416 с.
255. Шумпетер Й. Теория экономического развития. – М. : Директмедиа Паблишинг, 2008. – 401 с.
256. Щедровицкий П. Г. Инновационный сценарий для России [Электронный ресурс] // Ведомости. – 2002. – URL: <http://www.shkp.ru/lib/publications/28>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 04.05.2010).
257. Юдин Б. Г. От этической экспертизы к экспертизе гуманитарной // Знание. Понимание. Умение. – 2005. – № 2. – С. 126–135.
258. Ядова М. А. Российское поколение икс: «модернисты» и «традиционалисты» // Телескоп. – 2008. – № 3. – С. 37–46.
259. Ястребов А. О. Пушкин и пустота. Рождение культуры из духа реальности // М.: РИПОЛ Классик, 2012. – 608 с.
260. Bostrom N. A History of Transhumanist Thought [Electronic resource] // Journal of Evolution and Technology. – 2005. – Vol. 14 (1). – URL: <http://www.nickbostrom.com/papers/history.pdf>, free – Tit. screen (access date: 08.03.10).
261. Carayannis E., Grigoroudis E. Quadruple Innovation Helix and Smart Specialization: Knowledge Production and National Competitiveness. Foresight and STI Governance, 2016. – vol. 10 (1). – P. 31–42.
262. Dobryakova M., Kotelnikova Z. (2015) Social Embeddedness of Technology: Prospective Research Areas. Foresight-Russia, 2016. – vol. 9 (1). – P. 6–9.
263. Fagerberg J. Innovation studies - The emerging structure of a new scientific field / J. Fagerberg, B. Verspagen // Research Policy. – 2009. – Vol. 38 (2). – P. 218–233.
264. Farinha L. Triangulation of the triple helix: a conceptual framework / L. Farinha, J. Ferreira [Electronic resource] // Triple Helix Association. Working Paper 1. – 2013. – URL: https://www.researchgate.net/profile/Luis_Farinha2/publication/234203424_TRIANGU

LATION_OF_THE_TRIPLE_HELIX_A_CONCEPTUAL_FRAMEWORK/links/02bfe50fd5010f24c8000000.pdf, free. – Tit. screen (access date: 10.03.13).

265. Akçomak I. S. Social Capital, Innovation and Growth: Evidence from Europe / I. S. Akçomak, B. ter Weel // *European Economic Review*. – 2009. – Vol. 53, № 5. – P. 544–567.

266. Fromhold-Eisebith M. Innovative Milieu and Social Capital – Exploring Conceptual Complementaries [Electronic resource] / M. Fromhold-Eisebith // Paper Presented at the 42nd Congress of the European Regional Science Association (ERSA). Dortmund (Germany), August 27 – 31, 2002. – URL: <http://www-sre.wu-wien.ac.at/ersa/ersaconfs/ersa02/cd-rom/papers/148.pdf>, free. – Tit. screen (access date: 07.05.14).

267. Inglehart R. Modernization, Cultural Change and the Persistence of Traditional Values / R. Inglehart, W. Baker // *American Sociological Review*. – 2000. – Vol. 65, № 1. – P. 19–51.

268. Landry R. Does Social Capital Determine Innovation? To What Extent? [Electronic resource] / R. Landry, N. Amara, M. Lamari / 4-th International Conference on Technology Policy and Innovation. 2002. – URL: <http://www.inovacijos.lt/inopagalba/cms/114lt.pdf>, free. – Tit. screen (access date: 07.05.10).

269. Lotema A., Halpern J. Y., Edelmanc Sh., Kolodny O. The evolution of cognitive mechanisms in response to cultural innovations // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. – 2017. – Vol. 30. – №314. – P. 7915–7922.

270. Lundvall B.-A. Notes on innovation systems and economic development / B.-A. Lundvall // *Innovation and Development*. – 2011. – Vol. 1, №1. – P. 25–38.

271. Strengthening Skills and Education for Innovation / I. Froumin [et al.] // *Unleashing India's Innovation: Toward Sustainable and Inclusive Growth*. N.Y. : World Bank, 2007. – P. 129–146.

272. Martin B.R. Twenty challenges for innovation studies [Electronic resource] / Centre for Business Research, University of Cambridge / Working Paper No. 443. 2013. – URL: https://www.cbr.cam.ac.uk/fileadmin/user_upload/centre-for-business-

research/downloads/working-papers/wp443.pdf, free. – Tit. screen (access date: 01.05.17).

273. Michael K., Love H.A., Wajcman J. Speaking Out Against Socially Destructive Technologies // IEEE Technology and Society Magazine. - June 2017. - P. 13–26.

274. Turkle S. Alone together: why we expect more from technology and less from each other / S. Turkle. – N. Y. : Basic books, 2011. – 384 p.

275. Weizsaecker E., Wijkman A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. – Springer, 2018. – 220 p.